

06
К-

ПРОВЕРЕНО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ
УКРАИНСКОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРОВЕРЕНО

03
К-

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

13

п. 5962

ИЗ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ
УКРАИНСКОГО НАРОДА

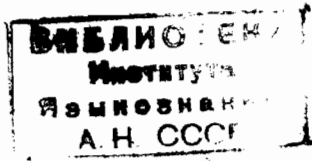
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва. 1954

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А. Н. СССР

Редакционная коллегия:

И. А. ХРЕНОВ (ОТВ. РЕД.), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Д. КОРОЛЮК,
И. И. КОСТЮШКО, А. И. НЕДЕРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Е. В. ЧЕШКО

В. Д. Корлюк

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ 1654 г.**

Триста лет назад, 8 (18) января 1654 г., на Раде, состоявшейся в Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий Киевской области), осуществился исторический акт добровольного вступления Украины в состав многонационального Русского централизованного государства. Как указывается в постановлении Центрального Комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР «О 300-летию воссоединения Украины с Россией», «это знаменательное событие явилось завершением многовековой борьбы украинского народа против иноземных поработителей — за воссоединение с русским народом в едином Российском государстве»¹.

Воссоединение Украины с Россией было глубоко прогрессивным явлением в историческом развитии русского и украинского народов. Войдя в состав Русского государства, Украина получила благоприятные условия для своего дальнейшего экономического и культурного прогресса. Развитие экономических связей с русскими землями и землями других народностей, входившими в состав России, способствовало росту производительных сил страны. Не случайно уже во второй половине XVII— в XVIII в. входившая в состав Русского государства Левобережная Украина стала экономически самой развитой частью Украины. В то же время находившаяся под властью Речи Посполитой с ее феодальной анархией Правобережная Украина переживала длительный период экономического застоя. Аналогично складывались и условия культурного и политического развития украинского народа. Вопреки реакционной политике царизма, в совместной борьбе за социальное освобождение укреплялись традиции классовой солидарности трудящихся России и Украины, выковывался революционный союз русского и украинского рабочего класса и трудового крестьянства.

Используя опыт развития русской национальной культуры, опираясь на помощь прогрессивных сил русского общества, украинский народ развивал и обогащал свою национальную культуру.

Воссоединение Украины с Россией сыграло большую роль в экономическом и политическом развитии Русского государства. В результате воссоединения Украины с Россией выросло международное значение Русского централизованного государства. Усилившееся Русское государство смогло нанести сокрушительные удары турецко-татарской феодальной агрессии, угрожавшей народам Восточной Европы, и восточной экспансии магнатско-шляхетской Речи Посполитой. Ведя героическую борьбу

¹ «Правда», 9 декабря 1953 г.

с турецкими феодалами, поработившими народы Балканского полуострова, русский народ выполнял глубоко прогрессивную освободительную миссию по отношению к народам Молдавии, Болгарии, Румынии, Албании, Венгрии, Сербии, Греции.

Триста лет, прошедшие со дня Переяславской Рады, были временем совместной героической борьбы русских и украинских народных масс против феодально-крепостнического строя, против гнета помещиков и капиталистов, против царизма, против инопоземных захватчиков. Лучшие сыны русского народа всегда поддерживали борьбу украинского народа за национальную независимость. Для всего дальнейшего развития русского, украинского и других народов нашей Родины решающее значение имело появление на исторической сцене самого революционного в мире российского пролетариата и его боевого авангарда — Коммунистической партии. Под руководством Коммунистической партии народы нашей страны совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию и сбросили цепи капиталистического рабства. Вслед за русским народом первым по пути социализма пошел украинский народ. Сбылись заветные мечты украинского народа, создавшего, наконец, свое национальное Украинское советское социалистическое государство. Наступила самая славная эпоха в его истории.

«Навеки связав свою судьбу с братским русским народом, — говорится в «Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)», одобренных Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза, — украинский народ спас себя от инопоземного порабощения и обеспечил возможность своего национального развития. Вместе с тем воссоединение Украины с Россией во многом способствовало укреплению Российского государства и подъему его международного авторитета. В совместной борьбе против общих врагов — царизма, крепостников и капиталистов, а также против инопоземных захватчиков росла и крепла дружба трудящихся России и Украины. В эпоху империализма эту борьбу возглавил самый революционный в мире русский рабочий класс, руководимый своим боевым авангардом — Коммунистической партией. Русский рабочий класс привел народы России к всемирно-исторической победе над самодержавием, а затем также над помещиками и капиталистами»¹.

В единении друг с другом и с другими народами Советского Союза русский и украинский народы боролись за построение социализма в нашей стране. Усилиями всех советских народов во главе с великим русским народом под руководством Коммунистической партии Советского Союза был разгромлен в годы второй мировой войны разбойничий германский фашизм. Многонациональный Советский Союз спас от порабощения и физического уничтожения европейские народы.

В результате всемирно-исторической победы советского народа в Великой Отечественной войне против гитлеровской Германии украинский народ получил возможность полностью воссоединить в рамках единого украинского социалистического государства все украинские земли. При помощи всего советского народа и прежде всего при помощи великого русского народа украинский народ восстановил свое хозяйство, разоренное в годы второй мировой войны фашистскими оккупантами, и продолжает развивать свою высокую культуру. Вместе со всеми братскими народами нашей страны, сплотившимися вокруг Коммуни-

¹ «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)». Госполитиздат, 1954, стр. 3—4.

стической партии и ее Центрального Комитета, украинский народ уверенно идет вперед по пути к коммунизму. Нерушимая, вечная дружба украинского и русского народов, всех народов нашей Родины является могучим источником необоримых сил Советского Союза.

* * *

Воссоединение Украины с Россией 8 (18) января 1654 г. имело глубокое историческое обоснование. Оно было подготовлено всем предшествующим экономическим, политическим и культурным развитием украинского и русского народов. Русский, украинский и белорусский народы объединяли тесные культурные, экономические и политические связи. Три братских восточнославянских народа связывало единство происхождения. Чувство единства происхождения никогда не исчезало в сознании русских, украинских и белорусских народных масс. Великоросс, украинец и белорус в равной мере могут гордиться своим общим славным героическим прошлым.

Появление классов привело к возникновению государственности у восточных славян. Древняя Русь являлась одним из самых могущественных государств раннефеодальной Европы. В борьбе с иноземными захватчиками отстаивали русские люди независимость Русской земли. Замечательным памятником роста народного самосознания древнерусских людей является «Слово о полку Игореве».

Дальнейший ход экономического, культурного и политического развития древней Руси в период феодальной раздробленности был нарушен татаро-монгольским завоеванием. Героическая борьба древней Руси с татаро-монгольскими ордами спасла соседние европейские страны от страшного разорения, но сама Русь оказалась под игом татаро-монгольских феодалов.

Монголо-татарское нашествие усилило феодальную раздробленность древнерусских земель и ослабило их. Оторванные от Северо-Восточной Руси западные и юго-западные русские земли были захвачены иноземными поработителями. Северо-Восточная Русь в длительной и тяжелой борьбе отстояла свою независимость и национальную самостоятельность. Сложившаяся здесь великорусская народность создала свою собственную сильную государственность. Инициатором создания сильного централизованного Русского государства, его экономическим, политическим и культурным центром стала Москва. Созданному русским народом могущественному государству принадлежала громадная историческая роль в судьбах всех народов нашей Родины.

Сформировавшиеся в XIV—XV вв. великорусская, украинская и белорусская народности возникли на основе единой прежде древнерусской народности. Близость русского, украинского и белорусского языков, близость русской, украинской и белорусской культур коренилась в единстве древнерусского языка, в единстве культурного развития древнерусской народности. Тесные экономические, политические и культурные связи между Россией, Украиной и Белоруссией продолжали развиваться, несмотря на захват украинских и белорусских земель литовскими и польскими феодалами. Эти связи были одной из важнейших предпосылок исторического акта 8 (18) января 1654 г. Поднимаясь на освободительную войну против магнатско-шляхетской Речи Посполитой, украинский народ стремился одновременно к воссоединению с великим русским народом в составе Российского государства. Сознание единства происхождения двух братских народов, близость и общность всего исторического

развития их обусловило воссоединение Украины с Россией. Эта форма объединения русского и украинского народов отвечала требованиям и чаяниям украинских народных масс.

* * *

С середины XVI в. Украина была страной, в которой феодальный гнет, переплетавшийся с гнетом национальным и религиозным, приобрел особенно жестокие формы. Усиление феодально-крепостнического гнета на Украине было тесно связано с глубокими изменениями, происходившими в экономическом развитии Речи Посполитой (Польско-литовского государства, окончательно сложившегося в 1569 г. в результате Люблинской унии, объединившей в одно государство Польшу (Корону) и великое княжество Литовское).

Со времени Люблинского сейма 1569 г., когда польским феодалам удалось захватить украинские земли (Киевщину, Волынь и Брацлавщину), входившие с XIV в. в состав великого княжества Литовского (Белоруссия осталась в составе Литовского княжества), основная масса земель, населенных украинским народом, оказалась под властью польских магнатов и шляхты. Захват польскими феодалами украинских земель совпал по времени с периодом интенсивного развития в Польше фольварочно-барщинной системы.

Со второй половины XV в. и в XVI в. развитие фольварочно-барщинной системы, сопровождавшееся быстрым ростом отработочной ренты, массовым захватом феодалами крестьянских земель, резким ухудшением правового и экономического положения крепостного крестьянства, являлось процессом, характерным для всех стран Европы, расположенных к востоку от Эльбы. Однако не во всех странах Восточной Европы процесс развития фольварочно-барщинной системы привел к одинаковым результатам. Основной особенностью исторического развития феодально-крепостнической Речи Посполитой являлось то, что развитие фольварочно-барщинной системы привело здесь к прекращению начавшихся процессов складывания общенационального польского и литовского рынков, к экономическому и политическому падению польских и литовских городов, к деградации подорванного неудержимо растущей барщиной крестьянского хозяйства и основанного на барщине помещичьего хозяйства.

Прямым следствием наступившего экономического упадка Речи Посполитой была феодальная анархия в стране, жестокий произвол польской шляхты, сдержать который не могла почти совершенно бессильная королевская власть. Первые признаки наступавшего экономического и следовавшего за ним политического упадка Речи Посполитой можно отметить еще в конце XVI в. В первой половине XVII в. экономический и политический упадок магнатско-шляхетской Речи Посполитой был уже совершенно очевидным. Для Украины и Белоруссии, насильственно включенных в состав магнатско-шляхетской Речи Посполитой, пребывание в ее составе могло привести только к экономическому регрессу, к общему упадку производительных сил. Интересы дальнейшего прогрессивного экономического развития Украины и Белоруссии настойчиво требовали скорейшего свержения господства польско-литовских феодалов.

В Речи Посполитой процесс развития фольварочно-барщинной системы начался раньше и происходил наиболее интенсивно на собственно польских и западноукраинских землях (Галичина и Западная Волынь),

захваченных польскими феодалами еще в XIV в. Развитие фольварочно-барщинной системы сопровождалось ожесточенным экономическим и политическим наступлением польских феодалов на крепостное крестьянство и города. Это ярко отразилось в польском крепостническом законодательстве второй половины XV — первой половины XVI в.

Украинские, белорусские и литовские феодалы, используя опыт польских крепостников и опираясь на их прямую поддержку, переходили в наступление на эксплуатируемые массы деревни и города. Классовые интересы, стремление подавить сопротивление крепостного крестьянства и были той основной причиной, которая побудила феодалов великого княжества Литовского пойти на соединение с Польшей в рамках одного государства, а украинских феодалов пойти на признание провозглашенного Люблинским сеймом включения украинских земель, находившихся под властью Литовского княжества, в состав Короны (Польша). Литовские, украинские и белорусские магнаты и значительная часть средней шляхты рассчитывали при этом найти в польских феодалах верных союзников в борьбе с крестьянством и трудовыми массами города. Именно этими классовыми интересами феодалов объясняется факт быстрой колонизации после Люблинской унии значительной части магнатов и шляхты Украины, Белоруссии и Литвы.

Нажим польских, литовских, украинских и белорусских крепостников наталкивался на все усиливавшееся сопротивление крепостного крестьянства, городских низов и даже средних слоев городского населения Речи Посполитой. В борьбе с феодальным гнетом полностью совпадали интересы всех трудящихся масс страны — польских, украинских, белорусских и литовских крестьян и горожан. Если украинские, литовские и белорусские крепостники в своем натиске на народные массы были крайне заинтересованы в помощи польских крепостников, то и польские феодалы, укрепив свое могущество путем захвата земель на востоке и используя поддержку других феодалов Речи Посполитой, смогли предотвратить взрыв крестьянской войны на коренных польских землях, полностью политически и экономически подавить польский город.

Массовые народные движения на Украине и в Белоруссии в конце XVI в. и в первой половине XVII в. были прежде всего антифеодальными движениями.

Антифеодальным движением была и освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. Главной и решающей силой в этой войне являлось украинское угнетенное крестьянство и теснейшим образом связанное с ним рядовое казачество — вооруженная часть украинского крестьянства, а также социальные низы городского населения. Активное участие в освободительной войне принимали и средние слои городского торгово-промышленного люда. Иными словами, основными участниками освободительной войны являлись именно те слои украинского народа, которые были прямо заинтересованы в ликвидации феодального гнета.

Вслед за началом освободительной войны на Украине вспыхнуло и освободительное движение белорусского народа, главной движущей силой которого было также крепостное крестьянство и социальные низы городов.

Героическая освободительная борьба украинского народа находила широкий отклик и поддержку среди польского крестьянства, борющегося против гнета польских феодалов.

* * *

Антифеодалная борьба украинских и белорусских народных масс имела национально-освободительный характер. Развитие на Украине фольварочно-барщинной системы, обусловленное предшествующим развитием украинской феодальной экономики и прежде всего ростом внутреннего украинского рынка, сопровождалось усиленным захватом земель украинского крестьянства польскими и украинскими магнатами и шляхтой. Быстро росли на Украине фольварки феодалов, неуклонно усиливалась феодальная эксплуатация украинского крестьянства. В Белоруссии во главе феодального наступления на крепостное крестьянство и города шли полонизировавшиеся литовские и белорусские феодалы, а также польские крепостники.

Стремясь подавить классовое сопротивление украинского и белорусского крестьянства, польские и полонизировавшиеся литовские, украинские и белорусские магнаты и шляхта проводили систему мероприятий, рассчитанных на денационализацию украинского и белорусского народов. В своем наступлении на украинский и белорусский народы польские и литовские феодалы опирались на энергичную помощь римской курии. В польско-литовской феодальной восточной экспансии, направленной против Русского государства, возглавляемые иезуитами силы воинствующего католицизма видели одно из тех важнейших условий, которое должно было обеспечить подчинение римской курии всех славянских народов, доставить папству гегемонию во всем мире. Одно из самых могущественных орудий денационализации украинского и белорусского народов польские и литовские феодалы видели в унии православной церкви с католической. Для папской курии церковная уния была важнейшим средством распространения ее господства на востоке Европы, среди православного населения России, Украины и Белоруссии. Поэтому такое большое место в политике польских и литовских магнатов и шляхты на Украине и в Белоруссии занимали распространение среди украинского и белорусского населения церковной унии и введение католицизма.

Политика вооруженного подавления антифеодалных движений украинского и белорусского народов, широко проводившаяся система кровавого террора, направленного против украинского и белорусского крестьянства и основной массы горожан, сопровождалась не только политикой экономического и политического удушения города, проводившейся польскими феодалами и в самой Польше, но и политикой прямого подавления украинской и белорусской национальной культуры. Самым жестоким врагом самобытной культуры украинского и белорусского народов были польская католическая церковь и униатское духовенство, действовавшие в прямом контакте с римской курией.

Стремление денационализировать украинский народ было обусловлено также страхом польских магнатов и шляхты перед растущим Русским государством, к которому тяготел украинский народ, столь близкий русскому «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹. Польские феодалы стремились любыми средствами изолировать украинский и белорусский народы от братского русского народа, ликвидировать те тесные политические, культурные и экономические связи, которые существовали между Россией, Украиной и Белоруссией.

Правительство Речи Посполитой постоянно испытывало страх перед антифеодалной и национально-освободительной борьбой украинского

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 74.

и белорусского народов, боялось поддержки ее трудящимися массами русского народа. Великий русский народ не только сочувствовал освободительной и антифеодальной борьбе братских народов Украины и Белоруссии. С народными массами Украины и Белоруссии его связывали не только интересы классовой солидарности в борьбе с феодалами, не только сознание единства происхождения и тесные культурные и экономические связи. В успешном исходе освободительной борьбы украинского и белорусского народов был непосредственно заинтересован и русский народ. Освободительная борьба украинского и белорусского народов соответствовала интересам успешного национального развития русского народа и Русского государства, ибо она объективно содействовала борьбе русского народа против восточной экспансии польских и литовских феодалов, против католической агрессии на восток, преследующей цель подчинения Русского государства власти римской курии. Вместе с тем интересы обороны от турецко-татарской агрессии настойчиво требовали теснейшего политического объединения русского, украинского и белорусского народов. Все эти народы были одинаково заинтересованы в таком объединении. Наконец, интересы успешного развития русской, украинской и белорусской культуры и экономики диктовали необходимость сохранения и дальнейшего развития тесных экономических и культурных связей между тремя братскими народами.

Таковы причины, в силу которых освободительная борьба украинского и белорусского народов находила могучую поддержку со стороны русских народных масс.

Огромную помощь вставшим украинскому и белорусскому народам оказал русский народ и в период освободительной войны 1648—1654 гг. Важно подчеркнуть при этом, что на помощь украинскому и белорусскому народам пришли прежде всего русские крестьянские массы, донское казачество. Своим участием в борьбе они усилили антифеодальный характер движения украинского и белорусского народов.

Отмеченные выше внешнеполитические обстоятельства обуславливали также заинтересованность русского правительства в успехе освободительной борьбы украинского и белорусского народов. Помощь Русского государства и особенно народных масс России способствовала успехам освободительной борьбы украинского народа.

Разумеется, вступая в борьбу с Речью Посполитой, русское правительство царя Алексея Михайловича, стоявшее на страже интересов русских крепостников, не могло сочувствовать антифеодальной борьбе украинского и белорусского крепостного крестьянства и городских низов. Поддерживая освободительную войну украинского и белорусского народов, оно отражало интересы русских феодалов и ориентировалось на светских и духовных феодалов Украины и Белоруссии, на казацкую старшину и городские верхи. Однако при всех этих условиях поддержка феодально-крепостнической Россией освободительной войны 1648—1654 гг. имела объективно громадное прогрессивное значение для всего дальнейшего национального развития не только украинского, но и русского народов.

* * *

Речь Посполитая была многонациональным государством, в котором господствующим классом являлись польские и колонизировавшиеся литовские, украинские и белорусские магнаты и шляхта. В отличие от Русского многонационального государства многонациональная Речь Посполитая не была централизованным государством. В то же время

сохранение ее как многонационального государства обуславливалось не интересами обороны от агрессии турецких и татарских феодалов, а прежде всего узкоклассовыми интересами польских и полонизировавшихся феодалов других национальностей, совместно подавлявших классовую борьбу крепостного крестьянства и осуществлявших совместное наступление на города.

При отсутствии централизации, этого важнейшего политического условия культурного и экономического прогресса, Речь Посполитая не могла обеспечить входившим в ее состав народностям успешное экономическое и культурное развитие. Особенно серьезную угрозу дальнейшему культурному прогрессу народностей, находившихся под гнетом польских и литовских феодалов, представлял союз их с силами воинствующего католицизма, всегда являвшегося врагом культуры и прогресса в Европе. Все отрицательные последствия этого союза испытал на себе польский народ. Торжество во второй половине XVI в. контрреформации в Польше имело своим следствием упадок польской феодальной культуры, рост в польском шляхетском обществе религиозной нетерпимости и фанатизма.

С другой стороны, находившаяся в состоянии постоянной феодальной анархии многонациональная Речь Посполитая не была в состоянии выполнять и важнейшую функцию многонационального восточноевропейского государства — функцию обороны от агрессии хищных турецких и татарских феодалов. В течение длительного времени турецко-татарские орды подвергали Украину страшному опустошению. Неспособность Речи Посполитой успешно защищать находившиеся в ее составе народности от разорительных набегов татарских кочевых орд в значительной мере определялась также тем, что польские и литовские магнаты и шляхта все свои силы и все свое внимание обращали на борьбу с быстро укреплявшимся Русским государством.

Необходимо подчеркнуть, что осуществлявшаяся правящими кругами Речи Посполитой и римской курией и направленная против Русского государства политика восточной экспансии мешала Русскому государству, так же как Украине и Белоруссии, вести борьбу с усиливавшейся в течение XVI—XVII вв. агрессией султанской Турции и Крымского ханства. В то же время экспансия на восток вела к прямому предательству польскими феодалами польских национальных интересов на западе. Захваченные немецкими феодалами польские западные земли подвергались жестокой германизации. В непосредственном тылу Польши укреплялось хищное, агрессивное германское феодальное государство — Бранденбург.

При таких обстоятельствах все входившие в состав Речи Посполитой народности были прямо заинтересованы в ликвидации Речи Посполитой как многонационального децентрализованного и агрессивного государства. Вместе с украинским, белорусским и литовским народами в этом был заинтересован и польский народ, который польские феодалы, опиравшиеся на помощь феодалов других национальностей и использовавшие в интересах укрепления своего политического и экономического могущества захваты на востоке, обрекали на культурный, экономический и политический застой и регресс. Польский народ был непосредственно заинтересован в том, чтобы сокрушить в совместной с украинским, белорусским и литовским народами борьбе при помощи русского народа удрушающее его децентрализованное многонациональное государство. В интересах польского народа было создать свое централизованное национальное государство, способное решить стоявшие перед ним

национальные задачи, заключающиеся в воссоединении в одном государстве всех польских земель, в обеспечении Польше удобного выхода к Балтийскому морю, государство, готовое вести совместно с другими странами Восточной Европы решительную борьбу против турецко-татарской агрессии.

Поэтому освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. нашла не только братскую поддержку со стороны великого русского народа и ускорила начало освободительной войны народа Белоруссии, но и встретила живой отклик и сочувствие со стороны польского крепостного крестьянства и городских низов, поднявшихся на борьбу со своими феодалами.

* * *

Особенностью освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., отличавшей ее от предшествующих крестьянско-казацких восстаний конца XVI — первой половины XVII в., являлось то, что в ходе ее сложился общенародный фронт борьбы с польскими и предавшими интересы украинской народности полонизировавшимися украинскими феодалами. Это было обусловлено предшествующим ходом наступления польских феодалов на Украину. Проникновение польских феодалов на Украину и захват ими земель украинского крестьянства сопровождалось оттеснением на второй план той части украинских феодалов, которая оставалась верной своей национальности и религии, не переходила в католичество и не полонизировалась. В основном это была мелкая и частично средняя православная украинская шляхта. Проводимая польскими феодалами политика национально-религиозного угнетения и национальной дискриминации остро задевала интересы этой группы украинских феодалов. Политика польских феодалов была направлена прямо против материальных интересов крупнейшего украинского феодала — православной церкви. Постоянные притеснения и дискриминация со стороны польских властей испытывали украинская казачья старшина, зажиточное казачество, стремившиеся добиться таких же прав и привилегий, которыми пользовались в Речи Посполитой представители шляхты, и крайне недовольные существовавшим на Украине национально-религиозным гнетом.

Интересы восставшего украинского крестьянства, казачества, городского населения и поднявшейся на борьбу против Речи Посполитой части украинских феодалов не совпадали и не могли совпадать. Их объединяло одно стремление — ликвидировать национально-религиозный гнет польских феодалов на Украине. Борьба против иноземного порабощения за сохранение украинской народности была в описываемое время главной исторической задачей, стоявшей перед украинским народом. Это и определило прочность сложившегося в ходе борьбы с Речью Посполитой общенародного блока. Но в то время, как украинские народные массы поднимались на борьбу против феодального строя в целом, украинские феодалы вели борьбу с польскими феодалами за феодальную ренту, за упрочение экономических и политических позиций на Украине. Дальнейшее расширение и углубление антифеодальной борьбы украинского крестьянства, казачества и горожан угрожало коренным классовым интересам казачьей старшины, православной шляхты и православного духовенства. Поэтому, возглавив руководство освободительной войной, украинские феодалы пытались лишить ее антифеодального характера, стремились превратить массовое народное движение, направ-

ленное против феодального строя вообще, в движение, направленное только против польских и полонизировавшихся украинских феодалов.

Складывавшиеся в ходе освободительной войны элементы украинской государственности служили интересам господствующего класса украинских феодалов. Являясь важнейшей частью феодальной надстройки, они начали все более и более активно содействовать укреплению и расширению феодального базиса. Такой ход развития событий был совершенно закономерным. В конкретно-исторических условиях Украины середины XVII в. антифеодальная борьба крепостного крестьянства не могла привести к ликвидации феодального строя, а успех освободительной войны определялся в значительной мере тем, что она приобрела всенародный характер. С этой точки зрения весьма важным было участие в движении казацкой старшины, имевшей возможность возглавить значительные военные силы украинского казачества. Рядовое казачество, тесно связанное с крестьянством, явилось ядром украинской народно-освободительной армии; наличие такого готового ядра украинских вооруженных сил сыграло огромную роль в ходе освободительной войны. Складывавшиеся в интересах украинских феодалов элементы украинской феодальной государственности со всем своим аппаратом управления и армией являлись важнейшим рычагом мобилизации и организации сил украинского народа для борьбы против гнета Речи Посполитой, за воссоединение с Русским государством.

* * *

Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. проходила в исключительно сложных и неблагоприятных для Украины международных условиях. В то время, как Украине приходилось вести неравную борьбу с достаточно могущественной в то время Речью Посполитой, в тылу у нее укреплялось Крымское ханство. Временный союз с Крымом против Речи Посполитой, заключенный восставшей Украиной с целью обеспечить себе тыл в борьбе с польскими феодалами, сыграв свою положительную роль на первых этапах войны, становился все более и более опасным для Украины. Необходимость сохранения союзных отношений с Крымом диктовалась также тем, что на протяжении 1648—1653 гг. Русское государство не было в состоянии оказать прямую вооруженную помощь восставшей Украине.

В ходе освободительной войны украинского народа татарские орды, прикрываясь личиной союзных войск, продолжали опустошать украинские земли, угонять украинское население в плен, убивать жителей украинских сел и городов. Более того, в самые решительные моменты войны крымский хан прямо предавал интересы украинского народа и вступал в соглашение с польскими феодалами. Весь опыт освободительной войны 1648—1654 гг. свидетельствовал о том, что такое поведение Крыма не было случайным, что это было продуманным политическим курсом крымских и стоявших за их спиной турецких феодалов — самых жестоких ассимиляторов. Турецко-татарские ассимиляторы хотели полностью ослабить и обескровить Украину и Польшу и тем самым создать себе благоприятные условия для осуществления в широких масштабах дальнейшей агрессии против восточноевропейских стран. О том, насколько серьезна была в это время угроза усиления турецко-татарской агрессии, ярко свидетельствуют события последней трети XVII в., когда турецко-татарским феодалам удалось временно захватить значительную часть Украины, нанести серьезные поражения Речи Посполитой и организовать мощное наступление на Вену.

При таких международных условиях украинский народ был лишен возможности создать и отстоять в борьбе с иноземными врагами самостоятельную украинскую государственность. После почти шестилетней героической кровопролитной борьбы перед ним встала страшная перспектива — либо пасть жертвой нараставшей агрессии турецких и татарских феодалов, либо подчиниться феодалам Речи Посполитой, нести ярмо крепостного и национально-религиозного гнета польских феодалов. И в том и в другом случае украинский народ должен был оказаться в условиях самой зверской феодальной эксплуатации, стать объектом самого жестокого национального и религиозного угнетения. В обоих случаях украинский народ был обречен на экономический регресс, на полный упадок производительных сил страны. При этом необходимо подчеркнуть, что реставрация польского магнатско-шляхетского господства на Украине не могла ни в коей мере избавить украинский народ и от ужасов турецко-татарского нашествия.

В таких условиях украинскому народу оставалась единственная возможность для прогрессивного национально-культурного и экономического развития — войти в состав многонационального Русского централизованного государства. Подчеркивая это, нельзя не отметить, что невозможность независимого, самостоятельного государственного бытия не была сама по себе характерной, отличительной чертой исторического развития украинского народа. В аналогичных условиях в результате главным образом турецко-татарской агрессии в XV—XVII вв. оказалось большинство восточноевропейских народов, объединившихся в интересах самообороны в крупные многонациональные государства. Особенностью исторического развития украинского народа являлось то, что украинский народ вступал в состав многонационального централизованного государства, созданного братской русской народностью.

В силу сложившихся исторических условий русский народ оказался самым сильным народом в семье братских народов. Только ему одному удалось создать и отстоять в упорной борьбе свое собственное самостоятельное могущественное государство. В рамках Русского государства нашли защиту от угрозы внешней агрессии многие нерусские народности. Интересы обороны обусловили развитие Русского централизованного государства как государства многонационального. Отсюда становится вполне понятным естественное и все усиливавшееся в течение второй половины XVI — первой половины XVII в. стремление украинского и белорусского народов к политическому объединению с великим русским народом, к воссоединению Украины и Белоруссии с Россией. Перед всеми тремя братскими восточнославянскими народами стояли одни и те же задачи: борьба с агрессией турецко-татарских феодалов, с восточной экспансией польско-литовских феодалов, с агрессивной политикой римской курии.

Следует указать также, что в конкретных условиях освободительной войны 1648—1654 гг. политическое объединение с Россией объективно совпадало с интересами всех классов украинского общества, принявших участие в борьбе с Речью Посполитой, освобождало их от национально-религиозного гнета. Однако это не означало совпадения классовых интересов всех слоев украинского общества. Добиваясь воссоединения с Россией, каждый класс украинского общества преследовал свою собственную, особую цель.

Крепостное крестьянство и рядовое казачество, социальные низы городского населения были тесно связаны с трудовым народом России традициями классовой солидарности в борьбе против феодально-крепост-

нического гнета. Они видели в русском крепостном крестьянстве и городских низах своего верного союзника по классовой борьбе и были заинтересованы в самом тесном объединении своих сил с силами русских трудящихся.

Зажиточное городское ремесленное и торговое население было заинтересовано в политическом объединении Украины с Россией в силу тесных экономических связей, существовавших между двумя этими странами. Ему выгодно было войти в состав Русского централизованного государства также потому, что централизация спасала его от ничем не сдерживаемого магнатского произвола и открывала возможности для дальнейшего экономического прогресса страны. Экономический подъем, который переживало в описываемое время Русское государство, энергично развивавшийся процесс образования всероссийского рынка делали для украинского торгового и ремесленного населения и части украинских феодалов особенно привлекательной перспективу воссоединения Украины с Россией.

Совершенно иные цели преследовала основная масса украинской шляхты и казачьей старшины, идя на объединение с Россией. Она рассчитывала в Русском дворянском централизованном государстве — важнейшей части русской феодальной надстройки — найти могущественную активную силу для укрепления и расширения феодального базиса на Украине, сильно расшатанного и подорванного событиями освободительной войны.

В централизованном Русском государстве украинская шляхта и казачья старшина видели необходимый им аппарат насилия, который они рассчитывали использовать для подавления антифеодальной борьбы украинских народных масс. С помощью Русского государства они стремились ликвидировать окончательно господство на Украине польских и полонизировавшихся феодалов, укрепить и расширить свои феодальные права, укрепить свое политическое положение.

Вся совокупность условий, определивших вступление Украины в состав Русского государства в 1654 г., была характерна и могла сложиться только в результате особенностей национального развития украинского народа. Она не могла повториться в ходе исторического развития других народов Восточной Европы, входивших в состав многонациональных государств. Именно эта совокупность исторических условий и определила то, что вступление Украины в состав Русского государства, государства феодально-крепостнического, приобрело характер всенародного добровольного акта.

* * *

Стремление широких масс украинского трудового народа к воссоединению Украины с Россией, все более и более усиливаясь, ярко проявилось уже в ходе крестьянско-казачьих восстаний конца XVI — первой половины XVII в., подготовивших освободительную войну 1648—1654 гг. Это стремление еще более усилилось в самом начале освободительной войны украинского народа. Наиболее дальновидные и преданные делу освободительной борьбы против Речи Посполитой украинские политические деятели из господствующего феодального класса тоже задолго до освободительной войны поняли необходимость воссоединения Украины с Россией.

Величие Богдана Хмельницкого — выдающегося украинского государственного деятеля, талантливого полководца и искусного дипломата —

заключается именно в том, что он, являясь представителем господствующего класса украинского общества, правильно понял общенациональные интересы украинского народа. Этими интересами он руководствовался в своей кипучей государственной и военной деятельности. Патриот и руководитель освободительной борьбы, Богдан Хмельницкий правильно понял необходимость ликвидации на Украине господства магнатско-шляхетской Речи Посполитой и отдал делу борьбы с ней все свои силы. Своим ясным государственным умом он верно определил грандиозные масштабы предстоящей борьбы, за коварной политикой крымского хана угадал страшную угрозу надвигавшейся на его родную страну турецко-татарской агрессии и правильно оценил необходимость скорейшего воссоединения Украины с Россией.

При всей своей классовой ограниченности государственная деятельность Богдана Хмельницкого отвечала объективным интересам экономического, политического и культурного прогресса украинского народа. Как указывается в постановлении Центрального Комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР, «исторической заслугой Богдана Хмельницкого является то, что он, выражая стремление украинского народа к тесному союзу с русским народом и возглавляя процесс складывания украинской государственности, правильно понимал ее задачи и перспективы, видел спасение украинского народа в его объединении с великим русским народом»¹.

Вступление Украины в состав Русского государства состоялось 8(18) января 1654 г. на Раде в крупном торгово-ремесленном центре Украины — Переяславе. На Раде были представлены все слои украинского населения. В ней принимали участие крестьяне, городская беднота, ремесленники, казачество, кучечество, казацкая старшина, представители православного украинского духовенства и украинской шляхты. Единодушное решение вступить в состав Русского государства, принятое на Переяславской Раде, отражало стремления всех классов и классовых прослоек украинского народа, принимавших участие в освободительной войне против гнета магнатско-шляхетской Речи Посполитой. В своей речи, обращенной к собравшимся на Раде представителям украинского народа, гетман Богдан Хмельницкий подчеркнул, что, только соединившись с Россией, Украина сможет довести до победного конца свою борьбу с польскими магнатами и шляхтой, избежать кровавого ига турецких и татарских феодалов.

Ожесточенными противниками воссоединения Украины с Россией являлись украинские магнаты, часть средней и мелкой украинской шляхты, часть высшего украинского духовенства. В своей основной массе это были явные враги украинского народа, еще до освободительной войны 1648—1654 гг. переходившие в католичество или принимавшие унию, усваивавшие культуру и обычаи польских феодалов и с презрением относившиеся к украинской национальной культуре. В годы освободительной войны они открыто перешли в лагерь польских феодалов и с оружием в руках выступали против своего народа. Были среди них и скрытые враги украинского народа. Они не демонстрировали своего презрения ко всему национально-украинскому и рассчитывали изнутри подорвать лагерь освободительной борьбы. Но голоса ни тех, ни других не прозвучали на Переяславской Раде.

¹ «Правда», 9 декабря 1953 г.

* * *

Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. не могла привести к ликвидации феодального строя на Украине. Для этого не было еще объективных исторических предпосылок. Она привела, однако, к серьезному ослаблению феодально-крепостнической эксплуатации, была одним из тех массовых антифеодальных движений, которые расшатывали устои феодализма, подготавливали его падение. В Русском государстве, особенно на южных его окраинах, феодально-крепостнический гнет был слабее, чем в Речи Посполитой. Поэтому положение трудящихся масс Украины после освободительной войны 1648—1654 гг. и после добровольного вступления Украины в состав Русского государства значительно улучшилось по сравнению с тем временем, когда Украина находилась под властью Речи Посполитой.

В силу чрезвычайно сложных и неблагоприятных для Украины и России международных обстоятельств в XVII в. в состав Русского государства вошла лишь часть земель, населенных украинской народностью. По условиям Андрусовского перемирия 1667 г. между Россией и Речью Посполитой, в составе Русского государства осталась Левобережная Украина с Киевом. Большая часть украинских земель продолжала оставаться под властью магнатско-шляхетской Речи Посполитой. Жившее на этих землях украинское население продолжало освободительную борьбу, добиваясь воссоединения с той частью Украины, которая вошла в состав Русского государства. Под гнетом молдавских бояр в составе находившейся в вассальной зависимости от султанской Турции Молдавии оставались украинцы Буковины. Украинцев Закарпатья угнетали венгерские феодалы.

Задача воссоединения украинских земель была полностью решена только в результате длительной героической борьбы украинского народа, опиравшегося на могучую поддержку великого русского народа, после Великой Октябрьской социалистической революции, после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне против гитлеровской Германии. В рамках Советского социалистического Украинского государства воссоединились все земли, населенные украинским народом.

Е. С. Компан

ЗНАЧЕНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648—1654 гг. ДЛЯ АНТИФЕОДАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПОЛЬШЕ

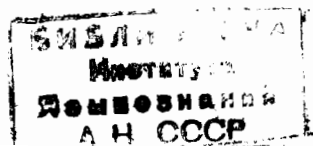
Значение освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. выходит далеко за пределы Украины. Эта война послужила мощным толчком для начала освободительной войны в Белоруссии. Будучи одновременно войной антифеодальной, освободительная война украинского народа оказала большое влияние на антифеодальное движение в самой Польше. По всем землям многонациональной Речи Посполитой в эти годы вспыхивали открытые восстания против шляхты и предпринимались попытки поднять восстание, расправиться с панями. Происходили волнения крестьян и городских низов в Молдавии и Валахии.

В народных движениях этого времени главная роль принадлежала крестьянству, которое несло на себе основную тяжесть феодальной эксплуатации. На Украине и в Белоруссии в освободительной борьбе, кроме крестьянства и городской бедноты, принимали участие и другие слои населения — представители украинской и белорусской шляхты, казачья старшина и городские верхи. В то время, как крестьянство и городская беднота стремились к уничтожению в стране феодального гнета и выступали не только против польской шляхты, но и против своих украинских и белорусских феодалов, последние прилагали все усилия, чтобы сохранить и укрепить феодальный строй. Они выступали лишь против господства польской шляхты. Участие в войне городских низов не ограничивалось борьбой против феодалов, борьба велась также против жестоко эксплуатировавших их городских богачей и патрициата.

В освободительном движении народов, входивших в состав Речи Посполитой, отчетливо выступала общность интересов и солидарность украинских, белорусских и польских народных масс. Это движение расшатывало феодальный строй Речи Посполитой, подготавливало почву для новых буржуазных отношений, способствовало сближению народов, принимавших в нем участие. В совместной борьбе развивалось и крепло чувство классовой солидарности трудящихся, росла непримиримость их интересов с интересами господствующих классов.

Глубокое недовольство и возмущение народных масс многонациональной Речи Посполитой накануне 1648 г. было вызвано усилением феодальной эксплуатации. Развитие внутреннего рынка и растущий спрос на продукты земледелия в Западной Европе обусловили стремление польской шляхты к расширению своего фольварочного хозяйства.

Барская запашка увеличивалась в результате захвата крестьянских земель. В XVI в. польская шляхта перешла на фольварочное ведение

хозяйства, основанное на барщинном труде крестьян. Крестьяне должны были производить для пана достаточное количество хлеба и других продуктов, которые шли для продажи и для удовлетворения внутренних потребностей шляхетского хозяйства. Собственники фольварков стремились иметь своих ремесленников, чтобы не покупать на рынке изделий, которые выгоднее было производить в своем хозяйстве, и сохранить таким образом деньги для приобретения предметов роскоши, привозимых из-за границы.

Польская шляхта вела реакционную политику удушения городов с их ремеслом и торговлей, тормозила развитие производительных сил страны.

Обнищание народных масс суживало внутренний рынок, что в свою очередь тормозило развитие городского ремесла. Развитие ремесла и торговли задерживалось также тем, что шляхта насаждала ремесло в своих фольварках. Она оттеснила городское купечество от наиболее выгодных отраслей торговли, в частности от торговли хлебом и другими продуктами, экспорт которых сосредоточила в своих руках. Поскольку шляхте выгодно было покупать необходимые ей товары за границей, она добилась издания законов, широко открывавших границы для иностранных купцов, и таким образом поставила в крайне невыгодное положение польских ремесленников и торговцев¹. Ремесленники, не имея возможности сбывать свои изделия, часто оставляли ремесло и принимались за земледелие. В XVII в. происходила частичная аграризация городов. Это обусловило слабость мещанского сословия. В Польше установилась диктатура шляхты, развились анархия и произвол феодалов-магнатов.

В области внешней политики польские феодалы в XVI — начале XVII в. сосредоточили все свое внимание на восточной экспансии, направленной против Русского государства и преследующей цель захвата богатых украинских, белорусских и русских земель. На основе хищнических захватов польскими и литовскими феодалами украинских и белорусских земель создалась многонациональная шляхетская республика — Речь Посполитая. От господства польской шляхты в Речи Посполитой терпели все слои населения, но не было более угнетенного и бесправного класса, чем крестьянство. Особенно жестокой эксплуатации подвергалось в Речи Посполитой украинское и белорусское крестьянство, на плечи которого ложился, кроме социального, тяжелый национальный и религиозный гнет.

Свое господствующее положение в стране шляхта использовала для укрепления власти над крестьянами. Крестьян прикрепляли к земле. «Возраставшая у феодалов пужда в деньгах в XIV и XV веках порождала, разумеется, и на северо-востоке попытки закабаления и эксплуатации крестьян в размерах, нарушающих прежние договоры», — писал Ф. Энгельс². В конце XV в. барщина в Польше составляла 14 дней в год, а в середине XVI в. она уже достигла трех дней в неделю и постепенно продолжала увеличиваться.

Кроме всех повинностей, которые возлагали на крестьянство паны, крестьяне должны были платить подати в пользу церкви и государства. Обязанность содержать войско была настолько тяжелой, что современники говорили о ней, как о народном бедствии. Один из прогрессивных польских деятелей того времени писал, что в Польше солдат «не

¹ Ф. Р а р е е. *Przełom w stosunkach miejskich za Kazimierza Jagiełły*, т. 491—492 (отд. оттиск).

² Ф. Э н г е л ь с. *Крестьянская война в Германии*. М., 1952. Приложения, стр. 131.

хлебом, а почти кровью крестьян питается, отсюда слезы и нарекания», и что не без основания возрастает страх панов «перед расплатой, которая может наступить, сохрани боже, с последним упадком нашей родины»¹.

На ухудшение своего экономического положения и рост эксплуатации крестьяне отвечали стихийной борьбой. Эта борьба проходила в разных формах: крестьяне отказывались выполнять повинности, поджигали панские имения, поднимали восстания и т. д. Из Белоруссии, Украины и даже из Польши крестьяне бежали в малозаселенные в то время южные районы Украины, где крепостное право еще слабо давало себя чувствовать, а также на Запорожскую Сечь — центр украинского казачества. Бегство крестьян приобретало все более массовый характер.

Распространенной формой антифеодальной борьбы были выступления так называемых «опришков». Разоренные, лишены каких-либо средств к существованию выходцы из сел и городов убегали в леса и горы, организовывали там небольшие отряды и нападали на богатые караваны купцов, шляхту. Народ видел в опришках борцов за социальную справедливость. Об этом свидетельствуют многочисленные песни и легенды, в которых воспеваются образ благородного «разбойника», народного мстителя, выступавшего на защиту интересов бедных и обиженных людей.

В первой половине XVII в. отряды опришков действовали по всему украинскому и польскому Прикарпатыю, наводя страх на шляхту. Позже они принимали активное участие в освободительной борьбе украинского народа, вступали в войска Хмельницкого, в отряды народных повстанцев.

С конца XVI в. на Украине началась полоса крестьянско-казацких восстаний. Как предвестники освободительной войны украинского народа, вспыхивают пока еще отдельные, но уже значительные по своему размаху восстания. Восстания под предводительством Косинского, Наливайко, Лободы в 1591—1596 гг., а также восстания Т. Федоровича (Тараса Трясило), Павлюка, Остриянина в 30-х годах XVII в. свидетельствовали о глубоком недовольстве народных масс.

В крестьянско-казацких восстаниях принимали участие и городские низы — подмастерья, ученики, цеховые поденщики, рабочие мануфактур.

Народные восстания на Украине были связаны в указанный период с антифеодальными движениями в других землях Речи Посполитой. В них участвовали белорусские, литовские и польские крестьяне. Эти восстания способствовали также развертыванию борьбы против феодально-крепостнического строя в самой Польше.

* * *

В польской буржуазно-помещичьей историографии существовало мнение, что Польша якобы не знала антифеодальных крестьянских движений. Это утверждение полностью опровергает действительное положение вещей.

В конце XVI в., когда на поднепровской Украине и в Белоруссии начались крестьянско-казацкие восстания, одновременно прокатились волнения и отдельные восстания в самой Польше.

В 1592 г., вооруженные крестьяне местечка Сурожи, Подляшского воеводства, выступили против арендатора имения Павла Ожеховича,

¹ W. Czaplinski. Polska a Bałtyk. Warszawa, 1952, str. 107.

который сгонял крестьян с их земли. Движение было подавлено, 20 участников его были казнены¹.

В 1610 г. вспыхнуло восстание в Осецком старостве, где крестьяне перебили всю панскую челядь и захватили панское имущество. В 1615 г. произошло крестьянское волнение в с. Конопница, принадлежавшем г. Люблину. Крестьяне отказались исполнять повинности и требовали уравнения их в правах с мещанами². Спустя два года отказались выполнять повинности крестьяне королевских фольварков в Петркове, Хмелеве и Кшонове. Панский управитель жаловался, что как «озимое, так и яровое все в поле стоит», так как крестьяне не желают работать и «что хотят, то и делают»³. В Новотаргском старостве движение против старосты Комаровского, известного своим жестоким обращением с крестьянами, приняло затяжной характер и продолжалось с 1624 по 1633 г. В нем принимал участие солтыс Станислав Лентовский, который в 1651 г. стал одним из руководителей крупного крестьянского восстания в Подгалье⁴.

Таким образом, уже задолго до освободительной войны на Украине подготавливалась почва для крупного антифеодалного восстания в Польше.

Известия о событиях на Украине быстро распространились по всей Речи Посполитой. «Хлопы», принимавшие участие в походах своих панов против казацких войск под Желтые Воды, Корсунь, Пилявцы, возвращаясь домой, распространяли известия о победах казаков над шляхтой. Постепенно развеивался миф о непобедимости польской шляхты, росла вера среди угнетенного крестьянства в свои силы.

Битва под Пилявцами, в результате которой была разгромлена многотысячная польская армия, так напугала шляхту, что она боялась собраться на сейм, который должен был состояться в том же году в Варшаве. Для охраны шляхты во время сейма пришлось вызвать часть войск Радзивилла из Литвы⁵.

О панике среди шляхты, охватившей ее после битвы под Пилявцами, ярко свидетельствуют слова летописца Грабянки: «Аще много ляхов у Варшави собрася, — писал он, — обаче все зайчии уши именяху, тако бо их страх от Хмельницкого обийде, яко едва суха древа треск услышат, то без души ку Гдапску бежаху, и через сон не един рек: «Ото Хмельницкий»»⁶.

По свидетельству исторических документов в то время было очень неспокойно в Краковском воеводстве. В июле 1648 г. крестьяне краковского каштеляна, разоренные солдатскими постоями (стациями), объединившись вместе с сельской вооруженной стражей, так называемыми «гарниками», в отряд, насчитывающий нескольких сот людей, грозили перебить своих угнетателей и отказались давать стацию⁷.

Осенью того же года, когда после блестящих побед армия Хмельницкого двинулась к границам Польши, вспыхнуло восстание крестьян под

¹ В. Вагаповски. Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r. Warszawa, «Prasa wojskowa», str. 13.

² J. Bardach. W 300-ną rocznicę powstania chłopskiego pod wodzą Kostki Napierskiego. «Nowe drogi», 1951, str. 98.

³ W. Adamczyk. Rozruchy agrarne włościan w Konopnicy w r. 1615—1616. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», t. VI. 1937, str. 73—86.

⁴ В. Вагаповски. Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r., str. 47.

⁵ Е. Котлубай. Жыццё І. Радзівіла, Warszawa, 1859, str. 120.

⁶ Летопись Грабянки. Киев, 1854, стр. 59.

⁷ Сборник Мартина Голинского. Библиотека Ин-та истории АН УССР, инв. № 44184, стр. 110.

Варшавой¹. В самой Варшаве городские низы готовились к восстанию, сигналом к которому должно было послужить приближение войск Хмельницкого².

Тогда же в селе Мишковском, около г. Гнезно, произошло столкновение между шляхтичем Сухожевским и группой мельников. Сухожевский случайно встретил бежавшего от него крестьянина, который укрылся на одной из мельниц, нанявшись там на работу. В ответ на попытку шляхтича забрать «своего хлопа» мельник с группой своих товарищей напал на шляхтича и его челядь. Во время этого столкновения раздавались крики: «Гей! Дал бы нам тут бог пана Хмельницкого, проучили бы мы этих панков, как над хлопом издеваться». «Такое насилие, разбой и избиеение, обиду и неуважение шляхетского сословия, — говорилось в судебном акте, — потерпел истец от людей из черни»³.

События, происходившие в 1648—1654 гг. в Польше, показали, что польское крестьянство и городская беднота сочувствовали освободительным стремлениям украинского народа и в отдельных случаях принимали участие в его борьбе, как это было, например, на Волыни и в Галиции в течение всей войны⁴. Известно, что в сентябре 1648 г. под Каменец-Подольский на помощь к Кривоносу приходил отряд карпатских опришков. Взятые в плен во время боя казаки рассказывали, что упомянутые опришки раньше не имели никаких связей с казаками, но когда узнали о борьбе украинского народа против шляхты, то «из ненависти к рабству собрались и пошли бить ляхов»⁵.

Особенно активными в первые два года войны на Украине были выступления крестьян в селах, принадлежавших Люблину, Калишу и другим городам. Городские крестьяне вообще проявляли большую активность, чем крестьяне, принадлежащие шляхте, так как были менее забиты и больше верили в свои силы. Кроме того, городской патрициат, в зависимости от которого эти крестьяне находились, был значительно более слабым противником, чем шляхта⁶.

В окрестностях Перемышля и Замостья также все время наблюдались крестьянские волнения.

В эти годы многие крестьяне бежали в Венгрию и Силезию, надеясь избавиться там от нищеты и эксплуатации. Жестокое разочарование ожидало их на чужбине, где они попадали в руки таких же жестоких эксплуататоров, как и у себя на родине.

Большое влияние на развитие антифеодального движения в Польше имела агитация, проводившаяся в разных районах страны посланцами Хмельницкого. Известно, что в 1651 г. эти посланцы находились в самой Варшаве⁷. Число их в разных источниках указывается по-разному — от нескольких десятков до сотен и тысяч⁸. Можно с уверенностью сказать, что последнее число преувеличено польской буржуазной историографией, которая стремилась скрыть действительные причины волнений в Польше

¹ Сборник статей и материалов по истории юго-западной России, вып. II. Киев, 1916, отд. 2, стр. 27.

² Pamiętniki Radziwiłła, t. II, str. 350.

³ Государственный архив в Poznani. Гнезно, № 34, фоллиант 183—183 в.

⁴ J. B a r d a c h. W 300-ną rocznicę powstania chłopskiego pod wodzą Kostki Napierskiego. «Nowe Drogi», 1951, maj — czerwiec, str. 105.

⁵ Н. И. К о с т о м а р о в. Богдан Хмельницкий, изд. 4-е, СПб., 1904, стр. 340.

⁶ Я. П. К и с ь. Крестьяне львовских городских сел в XV—XVI вв. Львов, 1953, стр. 13. (Автореферат диссертации на соискание кандидатской степени.)

⁷ И. С. М и л л е р. Крестьянское движение в Великой Польше в 1651 г. «Ученые записки Ин-та славяновед.», т. III, М., 1951, стр. 225.

⁸ Там же, стр. 226.

и объясняла грозное развитие событий вмешательством внешних сил, в частности деятельностью агентов Богдана Хмельницкого.

Между тем именно в самой Польше были те силы, которые занимались организацией и подготовкой к борьбе. Они руководили рассылкой по стране отдельных доверенных групп и лиц. В источниках упоминается, например, имя полковника Стасенка¹, который в своих инструкциях посланцам в разные воеводства обращал их внимание на особенности условий жизни и характер взаимоотношений между различными группами населения в каждом отдельном районе.

В лесах между Саном и Бугом собралась одна из групп таких агитаторов, которая объединяла вокруг себя недовольных существующими порядками из Башни, Брусни, Ловчи, Любачова, Цешанова и других местностей. Дважды горели город Белз и Цешановский замок, вспыхивали пожары в панских имениях². В селах и городах появилось много неизвестных пришельцев. Они вели тайную агитацию, призывали к восстанию в Ярославле, Замостье, Люблине, Кракове. Распространялись вести о крупном восстании, которое должно было вскоре начаться. Были раскрыты тайные совещания «хлопов»³.

Сильное беспокойство в правительственных кругах вызывали также оппозиционные настроения, которые господствовали среди некаатолического населения Польши, так называемых диссидентов. Они ведут себя, писал о них один шляхтич, как враги Речи Посполитой, «угрожают ей; под видом религиозных собраний съезжаются, как бы на сеймики, советуются... желают уничтожения католической религии»⁴. У диссидентов было много причин быть недовольными тем положением, которое они занимали в Речи Посполитой. Они не могли свободно отправлять свои религиозные обряды. Запрещалось печатать и распространять религиозные книги диссидентов, принимать их на службу, особенно на высокие посты. Вопрос о диссидентах был предметом многочисленных обсуждений на сеймах. В разгар событий освободительной войны на Украине в 1648 г. магнатско-шляхетские круги, повидимому, опасаясь оппозиции со стороны диссидентов, вынуждены были поставить на обсуждение на конвокационном сейме вопрос о диссидентах⁵.

Многонациональная Речь Посполитая была основана на угнетении народных масс феодалами и религиозной нетерпимости по отношению к некаатолическим вероисповеданиям. Поэтому она не могла избежать глубоких внутренних противоречий и борьбы между отдельными группами населения, сословиями и классами. Украинцы, русские, белорусы, которые жили на территории Речи Посполитой, всюду проявляли готовность принять участие в восстании⁶.

В 1651 г. началось крупное восстание крестьян в Подгалье. Во главе его встал Александр Костка Наперский. Происхождение Наперского, или, как он еще называл себя, Симона Бзовского, точно неизвестно. Достоверно лишь то, что он был хорошо образованным для того времени человеком, владел иностранными языками, некоторое время состоял на военной службе, принимал участие в посольствах от польского короля в другие государства.

¹ L. K u b a l a. Szkice historyczne, ser. I. W., 1901, str. 314.

² Дневник С. Освендима. «Киевская старина», 1882, т. III, стр. 503.

³ L. K u b a l a. Szkice historyczne, ser. I. W., 1901, str. 311—315.

⁴ J. M i c h a ł o w s k i. Księga pamiętnicza. K., 1864, str. 333.

⁵ Ягеллонская библиотека в Кракове. Рукопись № 90, str. 4—17.

⁶ L. K u b a l a. Szkice historyczne, ser. I. W., 1901, str. 320.

Учитывая господствующие среди крестьян «царистские» настроения, Наперский выдавал себя за побочного сына короля Владислава IV. Прибыв в Подгалье в г. Новый Тарг, Костка назвался королевским полковником, которому якобы было поручено вербовать здесь войско. Местный подстароста В. Здановский поверил Наперскому. В Подгалье Наперский нашел себе преданных помощников, с которыми он и поделился своими планами. Одним из них был уже упомянутый выше солтыс из села Черный Дунаец Станислав Лентовский, который пользовался большим уважением и авторитетом среди местного населения и за участие в многочисленных крестьянских волнениях был прозван крестьянским маршалком¹. Вторым помощником Наперского был учитель из села Пцим, близ Мыслениц, Мартин Радоцкий. Имеются некоторые сведения и о других помощниках Наперского. К Наперскому с самого начала пристали два известных руководителя опришков — Савка и Чепец, которых ему удалось спасти от смертной казни. Через Савку и Чепца Наперский связался с крестьянами-горцами и отрядами подгальских опришков².

Повстанцы должны были собраться в Чорштыне. Момент для восстания был выбран очень удобный, так как именно в начале июня 1651 г. главные силы королевских войск сосредоточились на Украине под Берестечком. В Польше остались отдельные разрозненные отряды, принадлежащие немногочисленной шляхте, которая не принимала участия в посполитом рушении. Хорошо понимая выгодность ситуации, Наперский писал в своем обращении к крестьянам, что они теперь должны отплатить за все те издевательства, которые они терпели от панов, потому что если они не используют момента, то навсегда останутся в рабстве. Лентовскому Наперский писал, что он заключил договор с Хмельницким и татарами и ждет, кроме того, прихода немецких войск³.

Насколько правдоподобны эти данные, трудно судить, но они подтверждают тот факт, что Наперский имел широкие планы. Польская шляхта тоже понимала, какие размеры может приобрести восстание крестьян в Подгалье.

Призывая к восстанию, Наперский заявлял, что он имеет королевский универсал к крестьянам, а также приказ об организации обороны дороги на Краков от семиградского князя Ракочи, который якобы намеревался напасть на Польшу. Крестьяне поверили Наперскому. Вместе с ненавистью к панам жила в крестьянах вера в доброго короля, от которого они ждали улучшения своего положения. М. Радоцкий, который хорошо знал настроение крестьян, в письме к Наперскому советовал ему ссылаться в своей агитации на королевское имя, так как крестьяне в разговорах с Радоцким говорили, что они сами начали бы войну и уничтожили бы всю шляхту, чтобы «гордость и самоуверенность с тиранской злостью не господствовали больше на земле», если бы имели на это разрешение короля⁴.

В ответ на это письмо Радоцкого Наперский издал известный универсал от 22 июня 1651 г., в котором сообщал населению, что шляхта хочет поднять на короля «рокош», а поэтому нужно немедленно собираться на защиту короля. Наперский призывал не терпеть больше панского гнета. «Голос ваш, плачущих, — писал он, — к богу взывает о мщении»⁵.

¹ В. В а r а н о w s k i. Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r., str. 55.

² Там же, стр. 55—58.

³ Дневник С. Освенцима. «Киевская старина», 1882, т. III, сентябрь, стр. 503—505.

⁴ Там же, стр. 505—506.

⁵ А. G r a b o w s k i. Ojczyzta spominki, t. I, K., 1845, str. 86.

Наперский обещал крестьянам разделить шляхетские земли и леса, а также освободить их от тяжелых повинностей и барщины. Повстанцы готовились выступить в поход на Краков в день святого Яна.

Нет сомнения, что Наперский действовал в контакте с Хмельницким. В исторической литературе приводится универсал Хмельницкого, в котором он обещал освободить польских крестьян от всех повинностей и оставить их на одном чинше и при «вольностях», какими владела шляхта. «Лишь будьте нам верны, как наши русские подданные; панов своих оставьте и к нам объединенные в отряды приставайте»¹.

14 июня 1651 г. Наперский с помощью чорштынских мещан овладел чорштынским замком. Сюда стали стягиваться крестьяне с Подгалья, Лянц-короны, а также горцы из украинского Бескида².

Власти были сильно обеспокоены. Краковский епископ П. Гембицкий, которому король, идя на войну, поручил охрану г. Кракова и южной Малой Польши, немедленно послал под Берестечко на Украину гонца, который оповестил шляхту о страшной опасности, нависшей над нею в тылу. С. Освенцим, бывший в то время под Берестечком с польской армией, записал в свой дневник, что сообщение это «причинило всем сильное беспокойство»³.

Немедленно часть шляхты двинулась против повстанцев. Кроме того, Гембицкий разослал письма к тем феодалам, которые остались дома, с приказом поспешить на помощь. По всем костелам было дано указание уговаривать население под страхом божьей кары не идти в отряды повстанцев. Высланному под Чорштын польскому войску во главе с М. Иорданом не удалось овладеть замком, и оно вынуждено было вскоре отступить в связи с приближением отрядов восставших крестьян, которые шли на помощь к Костке. Крестьянское движение грозило в случае победы украинского народа в освободительной войне распространиться по всей стране. «Мы пройдем всю Польшу»,—говорил Наперский⁴. Ясно было, что он рассчитывал на союз с украинским народом. Польское крестьянство и городская беднота смотрели на украинских крестьян и казаков, как на своих союзников в борьбе с польскими феодалами. Украинское войско в случае победы над шляхтой на Украине могло двинуться вглубь страны на помощь восставшим крестьянам.

По всей территории Польши подготавливалось восстание. «Будто кипяток кипел в котле, брызгал, взрывался преждевременно, бушевал и выжидал лишь минуту, чтобы после первого же известия о победе казаков на Украине распространиться огнем по всей стране»,—писал Л. Кубаля⁵. Из того ручейка, каким было восстание горцев, говорит современник польский историк Андрей Кохановский, «могла образоваться река, если бы его во-время не остановить, а из Наперского—второй Хмельницкий»⁶.

Польские власти стремились скорей потушить этот «страшный огонь», пока он не охватил всю Польшу.

Восстание в Подгалье было локальным и, как многие стихийные крестьянские восстания, потерпело неудачу. Наперский не смог использовать все возможности для организации защиты Чорштынского замка, не сумел развернуть как следует деятельности по организации восстания и поте-

¹ A. Grabowski. Oczyste spominki, t. I, K., 1845, str. 86.

² Там же, стр. 85—86.

³ Дневник С. Освенцима. «Киевская старина», 1882, т. III, сентябрь, стр. 503.

⁴ Там же, стр. 505.

⁵ L. Kubala. Szkice historyczne, ser. I. W., 1901, str. 317.

⁶ A. Grabowski. Oczyste spominki. t. I, K., 1845, str. 87.

рял драгоценное время. Когда 21 июня под стенами замка появились военные силы краковского епископа, Костке удалось выставить на защиту этого замка только небольшую группу горцев¹,

Отряд сельской стражи, подсланный шляхтой, выдав себя за крестьян, которые пришли якобы на помощь Наперскому, проник в замок и помог шляхетскому войску овладеть им. Наперский был схвачен и после жестоких пыток, которые он перенес с большим мужеством, казнен вместе с С. Лентовским и М. Радоцким. Это было сделано для того, чтобы «устрашить других бунтовщиков», — писал Освенцим². Во время казни на площади присутствовали крупные военные отряды, потому что власти боялись, как бы народ не попытался отбить Наперского из рук палачей³.

В это время население других областей страны продолжало готовиться к борьбе, создавало отряды, заготавливало оружие. В Кракове мещане отказались повиноваться указам правительства, связанным с мероприятиями против повстанцев на Украине. Мещане подговаривали городских возчиков, чтобы они не доставляли оружие королевским войскам для борьбы с повстанцами⁴.

В момент подготовки крупного народного восстания в центральной Польше разнеслось известие о падении Чорштына, а вскоре и о поражении украинских войск под Берестечком. Это известие угнетающе действовало на народные массы Польши. Движение начало затихать. Огонь, который должен был охватить всю Польшу, был погашен в самом начале.

Поражение украинских войск под Берестечком имело серьезные последствия для развития антифеодального движения в Польше. Положение шляхты укреплялось, а восставшие теряли надежду на помощь со стороны украинских крестьян и казаков. Все это сыграло роль в подавлении восстания. Многие его участники, избегая репрессий, покинули свои села и ушли на территорию Венгрии и Силезии, а также далеко в горы, в опришки. Крестьяне селами переселялись в горы и в соседние страны, угоняя с собой скот. В 1651 г. все село Жеглец вместе со своим войтом ушло в Венгрию и поселилось там навсегда.

Так окончилось наиболее крупное из известных нам крестьянских восстаний в Польше в XVII в. Посланный в горы для подавления восстания ротмистр Кондрацкий через несколько месяцев сообщал королю, что «восстание горцев выжжено раскаленным железом» и что после того урока, какой они получили от него, «через сто лет никто о восстании и помыслить не посмеет»⁵.

Однако отдельные небольшие восстания еще вспыхивали в течение некоторого времени.

Весной 1651 г. в Великой Польше появился отряд некоего Петра Гжибовского, который вербовал желающих принять участие в восстании. Он был связан с шляхтичем Кулаковским, выходящем из Серадзского воеводства, и имел надежных людей, проводивших разведку в панских имениях, по селам и городам. Гжибовский давал указания поднимать на борьбу прежде всего население тех районов, где шляхта особенно жестоко эксплуатировала крестьян. Сначала он имел намерение поднять крестьян в западной части Познанского воеводства, но позже, неизвестно по какой причине,

¹ И. С. Миллер. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г. «Ученые записки Ин-та славяновед.», М., 1950, т. 2, стр. 204.

² Дневник С. Освенцима. «Киевская старина», 1882, т. III, сентябрь, стр. 542.

³ В. Вагановски. Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r., str. 69.

⁴ Государственный архив в Кракове, ф. № 79, стр. 1044—1046.

⁵ В. Вагановски. Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r., str. 70.

план был изменен, и Гжибовский сосредоточил свою деятельность в центральной части Калишского воеводства, в окрестностях Лонда.

В начале июня 1651 г. в руки арендатора с. Круликова шляхтича Недзвецкого попался Кулаковский, который рассказал под пыткой о плане восстания, а также назвал лиц, принимавших участие в подготовке восстания. Кулаковский, в частности, рассказал о двух братьях Островских, которые занимались агитацией среди населения¹.

Тем временем около 2000 повстанцев собралось в лесу вблизи с. Круликова². Против них выступил познанский епископ Казимир Флориан Чарторийский. Повстанцы были окружены и уничтожены панскими войсками. О подробностях этой битвы не сохранилось почти никаких сведений. Очевидно, восстание было задушено в самом начале и не успело приобрести силу. Об этом восстании говорят и жалобы местной шляхты. В одной из них сообщалось, что крестьяне и городская беднота, воспользовавшись отправкой местной шляхты для подавления движения запорожских казаков, подняли восстание³.

В начале июля волнения происходили в Серадзском воеводстве, в окрестностях Петркова, Вольбожа, в Мазовии, в районах Шренска, Цеханова, под Ружаном, Визной⁴, а также среди малопольских рабочих медных и железных рудников на севере Малой Польши, в Хенцине, Олькуше и на соляных рудниках в Бохне и Величке. Но после получения известий о подавлении восстания в Подгалье и поражении украинских войск под Берестечком движение стало постепенно затихать, а затем было окончательно подавлено вооруженными отрядами шляхты.

Только экстренные меры, принятые шляхтой для ликвидации антифеодального движения, и неблагоприятные условия, которые сложились вследствие поражения украинских войск под Берестечком, не дали отдельным волнениям и восстаниям в Польше разрастись в крупное антифеодальное восстание.

Несмотря на одержанную под Берестечком победу, польская шляхта чувствовала себя на краю пропасти. Страх перед народными массами не покидал ее на протяжении многих последующих лет. Даже после окончания войны с Россией, выступившей на помощь Украине, шляхта долго не могла забыть полученного урока.

Десять лет спустя польская королева Мария Людвика, обеспокоенная волнениями в Краковском воеводстве, писала к одной высокопоставленной особе в Варшаву о необходимости принять самые энергичные меры для подавления там «сваволи»⁵.

В наиболее напряженный момент войны Польши со Швецией польская шляхта долго не решалась призвать крестьян к оружию, боясь, чтобы они не повернули его против нее самой. В критический для страны момент польский король Ян Казимир вынужден был дать польскому крестьянству торжественную клятву: уничтожить после войны крепостное право. И крестьянство поднялось на борьбу со шведскими интервентами. Борьба приобрела всенародный характер. Шведские войска были изгнаны из Польши.

Однако крестьянство было жестоко обмануто в своих надеждах. После первых же успехов в войне со шведскими захватчиками польские феода-

¹ L. K u b a l a. Szkice historyczne, ser. I, W., 1901, str. 314.

² B. B a r a n o w s k i. Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r., str. 74.

³ Государственный архив в Познани. Пыздры, № 73, фолиант 17—177в.

⁴ Там же, стр. 73.

⁵ A. G r a b o w s k i. Ojczyście spominki, K., 1845, str. 89.

лы в освобожденных районах начали снова угнетать крестьян, подвергая их жестокой эксплуатации.

Прошли века суровой борьбы и тяжелых испытаний, прежде чем польские рабочие и крестьяне покончили с властью помещиков и капиталистов, вышли на светлую дорогу строительства социализма в народно-демократической Польше. Но польский народ навсегда сохранил память о борцах за свободу и, в частности, о повстанцах 1651 г. во главе с Косткой Наперским.

* * *

Освободительная война на Украине и в Белоруссии, а также антифеодальное движение в Польше являются одним из наиболее выдающихся событий в истории этих народов.

Борьба украинского, белорусского и польского крестьянства и городских низов была направлена против господства реакционной шляхты, которая своей политикой тормозила развитие производительных сил страны, подвергала жестокой эксплуатации трудовые массы Речи Посполитой.

Антифеодальные движения народных масс Польши, в частности восстание крестьян в Подгалье в 1651 г., имели большое прогрессивное значение в деле распатывания феодальной системы в стране.

Воссоединение Украины, а позже и Белоруссии с могущественным централизованным Русским государством сыграло выдающуюся роль в жизни украинского и белорусского народов, явилось важнейшим результатом освободительной войны. Оно определило на многие годы вперед дальнейшее направление исторического развития Украины и Белоруссии. Объединение с русским народом поставило украинский и белорусский народы в условия, благоприятные для их экономического, политического и культурного развития.

Ныне украинский и белорусский народы вместе со всеми народами нашей социалистической Родины крепят дружбу с трудящимися народно-демократической Польши, дружбу, корни которой уходят в далекое прошлое, когда украинские крестьяне и казаки боролись вместе с белорусскими и польскими крестьянами против своих общих врагов — польской шляхты, защищая свое право на свободу и счастье.

И. И. Костюшко

ПОЛЬСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА

Освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого, приведшая к воссоединению Украины с Россией в едином Российском государстве, явилась переломным моментом в жизни украинского народа и имела большое значение для развития антифеодального движения в Польше. Эта война нанесла мощный удар феодальной системе, потрясла ее основы в Речи Посполитой.

Господство польских феодалов на украинских, белорусских и литовских землях тормозило общественно-экономическое развитие не только украинского, белорусского, литовского народов, но и польского народа. Оно служило, в известной мере, материальной опорой господства польских феодалов над польским народом. Освободительное движение украинского народа смело ненавидный гнет польской шляхты и католической реакции на части украинских земель.

Воссоединение Украины с Россией, «несмотря на то, что во главе России стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов»¹. Вместе с тем польские феодалы потеряли важный материальный источник своего господства в Речи Посполитой. Освобождение Левобережной Украины с Киевом из-под власти магнатско-шляхетской Речи Посполитой, оформленное Андрусовским перемирием 1667 г., имело огромное значение для дальнейшего общественно-политического развития самой Речи Посполитой. Системе порабощения украинского и белорусского народов и связанной с ней агрессивной внешней политике господствующего класса был нанесен сильный удар. Внешняя политика наиболее реакционных групп господствующего класса потерпела банкротство. Кризис системы угнетения украинского и белорусского народов способствовал развитию в стране классовой борьбы. Борьба крепостного крестьянства и городских плебейских масс против феодального гнета, как и борьба между прогрессивными и реакционными силами внутри господствующего класса, усиливалась и еще более расшатывала феодально-крепостническую систему.

Борьба украинского народа против эксплуатации и гнета польских феодалов оказала сильное влияние на польских крестьян, облегчала их борьбу со своими угнетателями — польскими магнатами и шляхтой, послужила толчком к подъему крестьянского движения в коренных польских областях Речи Посполитой. Сопrotивление крестьян феодальной эксплуатации

---

¹ «Правда», 9 декабря 1953 г.

резко усилилось, волнения крестьян стали перерастать в активные выступления (восстание под руководством Костки Наперского в 1651 г. и др.). Польские крестьяне сочувствовали освободительной борьбе украинского и белорусского народов. Выступая против своих угнетателей, они сковывали силы польских феодалов и оказывали поддержку освободительному движению на Украине и в Белоруссии. Предпринимались попытки установить тесные связи между украинскими и польскими крестьянами, организовать совместные выступления. На Украине польские и украинские крестьяне боролись вместе против общего врага — польских панов. В ходе освободительной войны 1648—1654 гг. развивались и укреплялись традиции совместной антифеодальной борьбы русского, польского, украинского и белорусского народов.

Нарастающая борьба польских, украинских, белорусских и литовских крестьян во второй половине XVIII в., усиление демократического освободительного движения в связи с обострением социальных и национальных противоречий в стране, подрывали феодально-крепостническую систему в Речи Посполитой, угрожали ее существованию. В конце XVIII в. польские магнаты, опасаясь аграрной революции, стремясь сохранить свои классовые привилегии, пошли на открытое предательство национальных интересов польского народа. Видя в лице реакционных правительств Пруссии, Австрии и России силу, способную подавить растущее демократическое движение в Польше, польские магнаты вступили в соглашение с ними и ценой ликвидации независимости страны сохранили свое господствующее положение. Последовали разделы Польши. К социальному угнетению польского народа добавился национальный гнет.

* * *

Утрата национальной независимости и расчленение польских земель обусловили некоторые особенности антифеодальной борьбы польского народа.

Феодально-крепостнический режим в странах, разделивших Польшу, не только задерживал социально-экономическое развитие польских земель, но и являлся опорой для господства польских помещиков. Он подавлял демократическое освободительное движение польского народа, ревниво оберегал и защищал классовые интересы польских помещиков. В этих условиях борьба крестьян и городских социальных низов против помещичьего гнета и эксплуатации была направлена также и против опоры классового господства польских помещиков — феодально-крепостнических режимов Пруссии, Австрии и России, против системы национального угнетения.

Борьба против феодально-крепостнических порядков была теперь неразрывно связана с борьбой за национальное освобождение, тесно переплеталась с национально-освободительным движением. Поэтому успех национально-освободительного движения зависел от развертывания антифеодальной борьбы, направленной на ликвидацию феодально-крепостнических отношений в польских землях. Завоевание национальной независимости польского народа в первой половине XIX в. было возможно только при условии победы в польских землях демократической аграрной революции.

На первом этапе национально-освободительного движения польского народа (конец XVIII в. — 1830—1831 гг.) руководящую роль в нем играла обуржуазившаяся шляхта. Классовые интересы шляхты наложили сильный отпечаток на характер национального движения в эти годы. Шляхта

была против радикальных изменений в общественном строе, она судорожно держалась за свои привилегии и стремилась придать освободительному движению исключительно национальный характер. Она подчиняла национальные интересы польского народа своим классовым интересам. Выдвигаемые шляхетскими реформаторами планы преобразований преследовали цель приспособить существующие феодально-крепостнические отношения к развивающимся капиталистическим отношениям, создать для последних более благоприятные условия развития.

Польские передовые демократы И. Лелевель, Я. Чинский и другие указывали на необходимость социальных преобразований для успеха национально-освободительного движения. Они боролись против феодально-крепостнических отношений, сковывавших национально-освободительную борьбу польского народа. Однако социальная программа передовых польских демократов этого времени не была последовательно демократической и отражала их шляхетско-буржуазную ограниченность. Польские передовые демократы не смогли возглавить борьбу крестьян, слить ее с национально-освободительным движением.

Дальнейшее разложение феодальных отношений и развитие капитализма во второй трети XIX в. обостряли социальные противоречия в польских землях. Антифеодальная борьба польского народа усиливалась. Крестьянское движение развивалось и грозило перерасти в аграрную революцию. В обстановке острой классовой и политической борьбы складывалось и развивалось революционно-демократическое направление в польском освободительном движении. Польские революционные демократы, выражая интересы крестьян и городских низов, боролись за ликвидацию феодально-крепостнических отношений, за свободу и независимость польского народа.

В этих условиях революционные традиции совместной борьбы польского и украинского народов против феодальной эксплуатации и национального угнетения приобретали особенно большое значение для демократического освободительного движения польского народа. Отношение польской демократии к освободительному движению украинского народа в XVII в. и в последующее время, а также те выводы, которые она делала из него для своей практической революционной деятельности, убедительно подтверждают это.

Вопрос об отношении польской демократии к освободительному, антифеодальному движению украинского народа до сих пор изучен очень слабо. Специально в литературе он даже не ставился. В работах, посвященных демократическому движению в польских землях в первой половине XIX в., этот вопрос если и затрагивался, то только попутно. Автор настоящей статьи не претендует на исчерпывающее освещение поставленного вопроса. В ней делается только попытка рассмотреть отношение некоторых выдающихся польских демократов к освободительному движению украинского народа, указать на значение этого движения для демократической освободительной борьбы польского народа в 30—40-х годах XIX в.

Польские революционные демократы, возглавлявшие борьбу народных масс против крепостничества и национального угнетения, живо интересовались освободительным движением украинского народа, относились к нему с большой симпатией. Шляхта и буржуазия всегда стремились предать забвению или исказить и опорочить освободительное движение украинского народа, польские же революционные демократы уделяли этому движению большое внимание, старались показать его значение в жизни украинского и польского народов.

Освободительное движение украинского народа в XVII в. высоко оценивал выдающийся польский демократ Т. Кремповецкий. К этому движению не раз обращается революционно-демократическая организация «Люд польский», им интересуется буржуазно-демократическая организация «Польское демократическое общество». Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. привлекает внимание последовательного революционного демократа Э. Дембовского, представителя наиболее левого крыла буржуазно-демократического направления в 1842—1845 гг. Г. Каменского. Крупнейший деятель демократического лагеря И. Лелевель, исторические работы которого высоко ценил К. Маркс, в своих исследованиях по истории Польши уделяет значительное внимание освободительному движению украинского народа.

Внимание польских демократов к освободительной борьбе украинского народа свидетельствовало о том, что они придавали ей важное значение для борьбы польского народа.

Польские демократы, применяя при рассмотрении явлений общественной жизни более или менее последовательно классовый принцип, в общем правильно поняли и оценили характер освободительного движения украинского народа. Они выяснили причины освободительной войны 1648—1654 гг. и указали на ее социальное содержание. В восстании украинского народа под руководством Хмельницкого они видели массовое народное движение, направленное против социального и национального гнета. Польские демократы относились с глубокой симпатией и уважением к героической борьбе украинского народа.

В 1832 г. Т. Кремповецкий, касаясь освободительной борьбы украинского народа в прошлом, на торжественном собрании в Париже, посвященном второй годовщине восстания 1830—1831 гг., говорил: «...Католицизм..., поддерживаемый панским мечом, довел до крайности энергичный народ Украины. Тогда угнетатели поняли, что такое месть народа. Тогда-то родились новые спартаки: Павлюк и Наливайко. Они, несмотря на данные им заверения, заплатились за свое героическое сопротивление пытками, от которых содрогается человеческого природа. За их смерть вскоре отомстил грозный Богдан Хмельницкий; ползали перед ним те, которые, подвергнув Павлюка и Наливайко самым страшным пыткам, насытили свою месть. Подняв 200 000 украинских крестьян, Хмельницкий заставил дрожать высокомерных олигархов Польши»¹. Кремповецкий видит в восстаниях украинских крестьян и казаков справедливую борьбу против гнета и насилия польских панов, отмечает социальный характер движения, его антифеодалную направленность. Он рассматривает освободительное движение украинского народа в 1648—1654 гг. как продолжение и развитие его предшествующей борьбы, связывает это движение с восстаниями крестьян и казаков, во главе которых стояли Павлюк и Наливайко. Кремповецкий указывает на широкий размах движения, его массовый народный характер, на его могучую, непобедимую силу. Симпатии Кремповецкого на стороне борющихся крестьян и казаков. Он отмечает героизм руководителей освободительного движения, осуждает зверства шляхетских карателей. Кремповецкий считал, что освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого была якобы инспирирована королем Владиславом IV, который пытался посредством нее укрепить королевскую власть и ограничить произвол магнатов и шляхты. Это не соответствует действительности и по существу неправильно.

¹ Przemówienie Tadeusza Krępowieckiego z 1832 r. «Myśl filozoficzna», 1952, № 4 (6), str. 220.

Королевская власть представляла интересы польских феодалов, была в их руках орудием, обеспечивающим их господствующее положение. Она направляла все свои силы на подавление освободительного движения украинского народа.

Кремповецкий также неправильно характеризовал самого Хмельницкого и его деятельность, что было результатом недостаточных исторических знаний и известной ограниченности его мировоззрения.

«Люд польский», развивая свои революционно-демократические идеи, указывал в своих декларациях и воззваниях на противоположность интересов народа и шляхты. Польская шляхта, движимая своекорыстными классовыми интересами, эксплуатировала и угнетала не только польский, но и другие народы Речи Посполитой. Характеризуя отношения польской шляхты к украинскому народу в XVII в., «Люд польский» подчеркивал, что польские паны «совершали неслыханные жестокости над ним...»¹ и что «шляхта начала истязать свободный украинский народ экономическим бичом»². Это порождало ненависть украинского народа к польской шляхте. Украинский народ боролся против гнета и насилий шляхты, а затем поврал отношения с Речью Посполитой. «Люд польский» вслед за Кремповецким говорит о связях Владислава IV с Хмельником. Польский король, стремясь обуздать шляхетскую анархию в стране и укрепить свою власть, якобы подговаривал Хмельницкого поднять восстание казаков³. Это положение, конечно, исторически совершенно неверно. Оно свидетельствует о том, как далеки еще были польские революционные демократы от правильного понимания классовой природы королевской власти в Польше XVII в. «Люд польский» считал, что основой будущего общественного строя должна быть общественная собственность на землю. Отмечая особенности Запорожской Сечи, «Люд польский» заявлял, что «в казацкой республике не было собственности на землю»⁴. Разумеется, следует указать на идеализацию «Людом польским» социальных порядков Запорожской Сечи, являвшейся ареной острой классовой борьбы. Но, с другой стороны, характерен сам по себе тот факт, что для подкрепления своих взглядов польские социалисты-утописты обращались к историческому прошлому братского украинского народа.

Польское «Демократическое общество», провозглашая борьбу за национальное освобождение и социальные преобразования в буржуазном духе, стремилось опереться на традиции освободительного движения других народов. Обращаясь к освободительной войне украинского народа XVII в., «Демократическое общество» указывало, что «руководящей мыслью казацких войн было освобождение от рабского ярма и приобретение свободы и независимости»⁵. В противоположность шляхте «Демократическое общество» видело в крестьянско-казацких восстаниях народное движение против социального и национального угнетения. Оно подчеркивало социальный и национально-освободительный характер войны 1648—1654 гг. Лозунги борьбы украинского народа были понятны и близки польской демократии. «Демократическое общество» сочувствовало освободительной борьбе украинского народа. Следует, однако, отметить, что на национальной программе «Демократического общества» сильно сказывались националистические устремления польской шляхты.

¹ Z. Świątosławski. Lud Polski w emigracji. Jersey, 1854, str. 104.

² Там же, стр. 125.

³ Там же, стр. 94, 104.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Historia polskiej postępowej myśli społecznej. «Myśl filozoficzna», 1952, № 1 (3), str. 105.

Глубоко понимал социальный характер освободительного движения украинского народа Э. Дембовский. В 1843 г. он писал: «Шляхта, одряхлевшая и пропитанная иезуитским фанатизмом, творит насилия над казаками, стремится обратить их в католическую веру, ограничивает их свободу, превращает их в подданных и крепостных людей. Возмущенные этим казаки неоднократно восстают и отделяются от Польши»¹. Дембовский указывает здесь на причины восстания украинских крестьян и казаков. Украинский народ боролся против социального и национального гнета польских феодалов. Дембовский отмечает длительную и непрерывную борьбу украинского народа за свою свободу и независимость, считает ее справедливой, относится к ней с симпатией. Он подчеркивает, что в результате борьбы часть украинского народа освободилась от гнета польских панов. Дембовский показывает реакционный характер господствовавшего в Речи Посполитой режима.

Г. Каменский сочувствовал борющимся крестьянам и казакам, солидаризировался с ними, восхищался их борьбой. Он отмечал общенародный характер движения на Украине, считал его народной войной. В 1844 г. Каменский писал: «В нашей собственной истории (в истории Речи Посполитой. — *И. К.*) мы находим примеры народных войн. Такими войнами ведь были казацкие или крестьянские войны. К ним льнули без различия все украинцы. В них и женщины и старики по-своему, как могли, сражались. Об этом свидетельствуют тысячи опустошенных огнем и мечом казацких (украинских. — *И. К.*) деревень»². Вместе с казаками боролись за свое освобождение и крестьяне. «... Народ же угнетенный присоединялся к ним (казакам. — *И. К.*), был их верным союзником, везде приветствовал их, как братьев, восставал по их призыву и боролся»³. Каменский подчеркивал социальное содержание освободительной борьбы украинского народа. Он указывал, что целью этой борьбы было уничтожение крепостничества, ликвидация угнетения со стороны польской шляхты.

Однако, по мнению Каменского, недостаточная сознательность народных масс в их борьбе за свое освобождение обусловила то, что в ходе освободительной войны 1648—1654 гг. не был определенно поставлен вопрос об уничтожении крепостничества. Во время перемирий восстанавливалось господство польской шляхты над украинским крестьянством. «А при неоднократных соглашениях, когда складывалось оружие, — писал Каменский, — были ли хоть раз произнесены слова: подданство (крепостничество. — *И. К.*) у п р а з д н е н о?»⁴.

Каменский отмечал, что верхушка казачества имела свои особые интересы, и это наложило отпечаток на ход народной войны, которая, по утверждению Каменского, была в конечном счете войной «главным образом казацкого войска за свои собственные свободы, а не свободу для всего народа»⁵.

Правильно указывая на классовую ограниченность верхушки казачества, Каменский не учитывал, однако, всех условий и особенностей освободительного движения украинского народа. Он совершенно ошибочно полагал, что главной движущей силой освободительной войны 1648—1654 гг. было реестровое казачество. В действительности главной движущей

¹ Цит. по статье: A. Śladkowska. Poglądy polityczne Edwarda Dembowskiego. «Myśl filozoficzna», 1952, № 2(4), str. 159.

² O prawdach żywotnych narodu polskiego przez Filareta Prawdoskiego. Bruksela, 1844, str. 159—160.

³ Там же, стр. 160.

⁴ Там же, стр. 160—161.

⁵ Там же, стр. 160.

силой войны было крепостное крестьянство и неразрывно связанное с ним рядовое переестровое казачество. Вместе с тем, он явно не учитывал того, что, несмотря на различие классовых интересов, все классы и прослойки украинского общества, кроме полонизирующейся украинской феодальной знати, принявшие участие в освободительной войне 1648—1654 гг., объединяли общенациональные задачи борьбы за ликвидацию польского магнатско-шляхетского гнета на Украине, за воссоединение Украины с Россией. Разумеется при этом, что, добываясь воссоединения с Россией, различные классы и классовые прослойки украинского общества преследовали свои классовые цели.

В анализе социального содержания освободительной войны 1648—1654 гг. Каменский не выходит за рамки буржуазно-демократического понимания классовых противоречий и классовой борьбы.

Каменский отмечал, что происшедшее в XVII в. воссоединение части украинских земель с Россией облегчало положение украинского народа. Впрочем, по мнению Каменского, освободительная война 1648—1654 гг. не была удачной, ибо масса украинского населения попрежнему подвергалась жестокой эксплуатации Речи Посполитой.

Внимательно изучая предпосылки и развитие освободительного движения украинского народа, Каменский понимал более глубоко, чем многие другие представители польской демократии, сущность освободительной войны 1648—1654 гг. Однако, как это видно из изложения его взглядов, он не смог в полной мере понять и оценить историческое значение воссоединения Украины с Россией.

И. Лелевель рассматривал освободительное движение украинского народа в XVII в. как событие огромного исторического значения. Он указывал на социальный характер движения, восхищался им, симпатизировал ему. «Казацкий бунт, — писал Лелевель, — есть восстание народа. В течение последних шести веков Польша не видела ничего подобного. Со времени Маслава до Хмельницкого ничего такого всеобщего не произошло. Народ, призванный казаками, имеет общее дело с ними и становится деятельным. Редкое событие в истории, величественное и поражающее, и тем более захватывающее нас, что в течение веков мы видели только рост угнетения и терпеливое ему подчинение»¹.

В освободительной войне Лелевель видел мощное народное движение против социального и национального гнета. «Украина, — отмечал он, — оказала сопротивление в лице свободного казачества, которое не думало смириться с крепостничеством и запречься в барщину. Казаки, опасаясь такого унижения (в каком находились крестьяне в Польше), вступили в кровавый бой с шляхтой... Это была крестьянская война»². В другом месте в связи с этим Лелевель писал: «Хмельницкий обратился к народу. Подняв восстание, он привел в движение казаков, татар и крестьянство украинских земель. Казаки и крестьяне с оружием в руках поднялись за веру и свободу... Восстания казаков и украинских крестьян были результатом злоупотреблений и насилий»³.

Лелевель подчеркивал солидарность польских и украинских крестьян, их совместную освободительную борьбу против феодального гнета. «Из Польши, с запада, — указывал он, — также шли массы крестьян в казаки. Народ, столько веков пассивный, иногда лишь обнаруживавший свое

¹ J. L e l e w e l. Polska, dzieje i rzeczy jej, t. III. Poznań, 1855, str. 372—373.

² Цит. по стр.: S. Ś r e n i o w s k i. Węzłowa problematyka historii Polski XVII wieku. Postawa historiografii burżuazyjnej. «Przegląd historyczny», t. XLIV, z. 1—2, str. 37.

³ J. L e l e w e l, op. cit., str. 372—395.

терпение и горе в незначительных обособленных волнениях, приходит в движение и восстает против угнетателя»¹.

Утверждение Лелевеля о пассивности народа и незначительных обособленных волнениях противоречит, конечно, исторической действительности. Лелевель, однако, правильно связывал понятие «народ» с крестьянством и считал борьбу народа за свою свободу и независимость справедливой борьбой. Восстание украинского народа он оценивал как народную освободительную войну. Освободительная война 1648—1654 гг., по мнению Лелевеля, была переломным моментом в истории Польши и явилась началом распада Речи Посполитой. Лелевель, как и некоторые другие польские демократы, не смог, однако, преодолеть до конца националистических тенденций и предрассудков польской шляхты, что в известной мере сказалось на освещении и оценке им освободительного движения украинского народа.

Польские демократы в противоположность шляхте и буржуазии, рассчитывавшим добиться независимости Польши путем дипломатических комбинаций и иностранного вмешательства, справедливо считали народное движение решающим условием освобождения польского народа от феодального и национального гнета. Они указывали, что только активная борьба польского народа против своих угнетателей, поддержанная другими народами, может привести к свободе и независимости Польше. Польские демократы распространяли свои идеи среди широких масс, организовывали силы, подготавливали народное восстание. При этом они обращались к историческому прошлому польского и других народов, старались извлечь из него необходимый опыт для своей борьбы за свободу и независимость. В освободительной войне украинского народа они видели замечательный пример массового, народного движения. Они учитывали опыт освободительного движения украинского народа в своей антифеодальной борьбе.

Каменский, рассматривая предпосылки и условия национального освобождения польского народа, считал, что польский народ может завоевать себе свободу и независимость только путем народной войны. Выясняя основные черты и особенности народной войны, он указывал, что примером такой народной войны была освободительная война на Украине в XVII в. В ней участвовали широкие массы народа, и поэтому она, по мнению Каменского, была подлинно народной войной. При этом он отмечал мужество и самоотверженность участников борьбы: украинских крестьян и казаков.

Однако, по утверждению Каменского, освободительная война не имела ясной и определенной программы. Вопрос упразднения крепостничества не занял в ней главного места. Не велась последовательная борьба за ликвидацию феодального гнета. Это наложило свой отпечаток на характер народной войны. «Хотя это была уже собственно народная война, — писал Каменский, — но она не была доведена до такого уровня моральной силы, чтобы в ней выработался общественный дух, который бы решительно определил свои окончательные цели и постановил от них не отступать. Этого тогда вовсе не было, ибо мы видели, что каждый трактат возвращал массы крестьян под господство шляхты»². Развивая свою мысль о народной войне украинского народа, он писал дальше: «Следовательно, это были народные войны, но войны народа, который не осознал и не определил своей воли единым всеобщим и решительным действием»³.

¹ J. Lelewel, op. cit, str. 372.

² H. Kamiński. O prawdach żywotnych..., str. 160.

³ Там же, стр. 161.

Верно характеризую отдельные черты освободительной войны 1648—1654 гг., Каменский придает, однако, слишком большое значение субъективному фактору в движении, причем последний понимает идеалистически.

Рассматривая освободительное движение украинского народа, Каменский делает важные выводы для практической деятельности польской демократии, для освободительной борьбы польского народа. Развивая идею народной войны, которая должна принести свободу и независимость польскому народу, он учитывал исторические уроки и опирался на опыт борьбы украинского народа. Освободительная война украинского народа и освободительное движение других народов показывают, что сила и успех освободительного движения зависят от участия в нем широких масс народа. Движение, выражающее насущные интересы народных масс, превращается в народное, становится неодолимой силой.

Польские революционные демократы понимали значение социальных вопросов в освободительном движении польского народа. Они неразрывно связывали борьбу за национальное освобождение с борьбой против крепостничества, ибо только на пути народного восстания, решавшего и вопросы аграрной революции, могла быть завоевана национальная независимость. Однако большинство польских демократов не смогло преодолеть ограниченности шляхетско-буржуазного демократизма. Поэтому они рассматривали социальные преобразования прежде всего как средство для завоевания независимости Польши. Только отдельные, немногочисленные представители польской демократии сумели встать на позиции последовательных революционеров-демократов.

Как уже отмечалось, в освободительной борьбе польского народа важное значение имели традиции совместной борьбы польского и украинского народов против социального и национального гнета. Эти традиции развивались и укреплялись. Польские демократы сочувствовали освободительной борьбе украинского народа, солидаризировались с ней. В 1832 г. Кремповецкий говорил: «Любовь к свободе еще живет в тех массах, среди которых безнаказанно действует панский и царский меч. Не так давно народ Украины засвидетельствовал кровью свое стремление к свободе. Имена Гонты и Дорошенко и теперь еще являются устрашением для угнетателей. Стремление к свободе появляется в печальных солдатских песнях, в грустных романах украинца, в воспоминаниях запорожского казака. Именно эти песни, эти романы и воспоминания вдохновили выдающегося человека, несчастного Рылеева, одного из первых мучеников за свободу России...»¹. Ярким примером солидарности польского народа с украинским народом в их совместной борьбе является то, что одна из групп польских революционных эмигрантов была названа «Умань».

В конце 60-х годов XVIII в. на Украине развернулось мощное движение крестьян и казаков против гнета и эксплуатации польских панов, известное под названием движения гайдамаков, или колиевщины. Восставшие крестьяне и казаки в 1768 г. захватили Умань и перебили искавшую в ней спасение шляхту. Память о расправе в Умани страшила шляхту и вызывала у нее злобную ненависть к освободительному движению украинского народа. Польские демократы, участники восстания 1830—1831 гг., вынужденные покинуть свою родину, создали в эмиграции революционно-демократическую организацию «Люд польский». Группа польских демократов, проживавшая на острове Джерсей (Англия), объединившись в громаду, в знак солидарности и братства с украинским народом приняла

¹ «Myśl filozoficzna», 1952, № 4 (6), str. 220—221.

название «Умань». Шляхетская газета «Нова польска», издававшаяся агентом французской полиции Островским, начала клеветать на громаду «Умань». Громада в открытом письме разъясняла мотивы, побудившие ее принять это название, и разоблачала шляхетскую политику разжигания вражды между польским и украинским народами, лицемерие шляхты и предательство ею интересов народа.

«Нам следовало принять имя Умани, — писала громада, — чтобы заключить союз возрождения с населением Украины, с православным населением, союз будущего, чтобы мы в страшном воспоминании стерли страдания, чтобы мы этим именем смыли общую ненависть, порожденную преследованием народа Украины и вызванные этим преследованием страшные реакции с его стороны, чтобы мы стерли кровавые воспоминания»¹. Уманские события громада связывала с политикой царизма и господствующего класса Польши, которые в своих интересах стремились разжечь вражду между народами. Громада указывала, что польский и украинский народы должны извлечь для себя из этого соответствующие уроки², выясняла опасность и вред политики шляхты, стремившейся посеять рознь между польским и украинским народами, поработить другие народы³.

Принимая имя «Умань», громада руководствовалась идеей братства польского и украинского народов, рассматривала этот факт, как шаг на пути установления революционного союза обоих народов в будущем. «Люд польский» сочувствовал освободительной борьбе украинского народа, боролся за укрепление дружбы и сотрудничества польского и украинского народов, видел в украинском народе союзника в борьбе за социальное и национальное освобождение польского народа.

В условиях расчленения и потери Польшей национальной независимости могучим и верным союзником польского народа в его борьбе за социальное и национальное освобождение было демократическое освободительное движение русского, украинского, белорусского, литовского и других народов. Польские передовые демократы это хорошо понимали. Они разъясняли польскому народу, что врагами его являются не русский, украинский и другие народы, как это твердила польская шляхта и буржуазия, а господствующие классы стран, разделивших Польшу. Русский, украинский и другие народы находились в угнетенном положении. Как и польский народ, они боролись против крепостничества, за свою свободу и лучшее будущее. В 1834 г. в Брюсселе на собрании, посвященном памяти восстания 1830—1831 гг. и восстания декабристов, С. Ворцель говорил: «Мы стремились к тому, чтобы в каждой из обеих стран, в Польше и России, господство тирана было заменено господством народа...»⁴.

В манифесте Демократического общества 1836 г. говорилось: «Польша, кроме своих собственных сил, имеет естественных союзников... С бесмертным духом Польши соединились народы... Наш враг стал их врагом, а их враги — нашими. Поэтому мы убеждены, что возбужденная прежде национальная ненависть совершенно исчезла, верим в искреннее сотрудничество народов, основанное на всеобщем братстве и общей необходимости освобождения»⁵. Однако, как уже отмечалось, Демократическое общество в постановке и решении национального вопроса, особенно в последующий период своей деятельности, обнаруживало заметное влияние шляхетско-буржуазной националистической идеологии.

¹ Z. Świątowski, *op. cit.*, str. 44.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Myśl filozoficzna», 1952, № 1(3), str. 114.

⁵ W. Heltnan. *Demokracja polska na emigracji*. Lipsk, 1866, str. 11—12.

Польские демократы искали и находили поддержку своим освободительным усилиям у народов, борющихся за свое социальное и национальное освобождение. Громада «Умань» в письме к громаде «Грудзѣнец» от 25 марта 1840 г. писала: «Россия, которая терпит то же самое, что и мы, стонет под тем самым ярмом, которое и нас угнетает, разве не соединит своих сил с нами против общего зла?.. Россия, которая была с нами в 1825 г., Россия, которая принимала нас, как братьев, в Сибири в 1831 г., Россия, которая в 1839 г. хотела призвать к жизни Польшу и опереться на ее помощь против своих угнетателей..., разве теперь будет против нас? Разве откажется она от имен Пестеля, Муравьева, Бестужева, которые вместе с Завишей и Конарским среди современного эгоизма светят, как звезды, своим посвящением на Востоке. Вот те, на которых вы должны рассчитывать»¹.

Революционный демократ, руководитель крестьянской организации П. Сцегенный призывал польский народ к народной, справедливой войне против крепостничества и царизма, в которой «польские и российские крестьяне и горожане станут на одной стороне, а польские и российские паны и короли на другой стороне. Крестьяне будут стрелять не в крестьян, а в панов»².

В общей борьбе против царизма, крепостнического и капиталистического гнета развивались и укреплялись в XIX в. сотрудничество и дружба русского, польского, украинского, белорусского, литовского и других народов. Солидарность и сотрудничество, дружба и взаимная поддержка этих народов в их освободительной борьбе нашли свое яркое выражение в связях польских демократов с русскими декабристами, в сотрудничестве Конарского с русскими передовыми офицерами и польских революционных демократов Дембовского и Сцегенного с передовыми русскими демократами, в сотрудничестве и дружбе польских, русских, украинских и белорусских революционных демократов в лице поляков Я. Домбровского, З. Сераковского, В. Врублевского, русских — А. Герцена, Н. Чернышевского, украинцев — Т. Шевченко, А. Потебни, белоруса К. Калиновского, сотрудничестве, увенчанном боевым союзом революционных сил братских народов и скрепленном кровью в общей борьбе за их свободу и счастье.

Польские передовые демократы связывали борьбу польского народа с освободительной борьбой других народов. Они активно участвовали в освободительном движении народов Европы под лозунгом «За нашу и вашу свободу!».

Дружба и братское сотрудничество польского, украинского, белорусского и русского народов развивались и укреплялись в ходе многовековой борьбы за их свободу и независимость. Большую роль в развитии этой дружбы и сотрудничества сыграли традиции совместной борьбы польского и украинского, белорусского и русского народов во время освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого.

¹ Z. Świątosławski, op. cit., str. 201.

² Z. Młynarski. Z dziejów polskiej demokracji. Warszawa, 1949, str. 129.

Е. А. Стецюк

БОРЬБА УКРАИНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ ШЛЯХЕТСКО-СТАРШИНСКОЙ ВЕРХУШКИ

(1657 — 1658 гг.)

Воссоединение Украины с Россией явилось поворотным этапом в жизни украинского народа. Оно определило все его дальнейшее историческое развитие и навеки соединило исторические судьбы украинского и русского народов. Воссоединение Украины с Россией спасло ее от поглощения агрессивными соседями — магнатско-шляхетской Польшей и султанской Турцией с ее вассалом — Крымским ханством. На защиту Украины выступило сильное Русское государство, способное противостоять иноземным захватчикам. Воссоединение Украины с Россией имело также большое значение и для Русского государства, так как оно усиливало его мощь и укрепляло его международное положение.

Вторая половина XVII в. характеризуется дальнейшим развитием производительных сил Русского государства: освоением новых земель, развитием сельского хозяйства, ремесел и мануфактур, ростом городов и ремесленного населения, расширением внутренней и внешней торговли.

Выделение районов с различными отраслями хозяйства способствовало укреплению экономических связей между отдельными частями Русского государства. Отходило в прошлое существование разрозненных обособленных районов России с их местными экономическими центрами, формировался всероссийский рынок. Как указывал В. И. Ленин, «только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

Воссоединение Украины с Россией имело огромное значение для дальнейшего развития экономики и культуры Украины, для укрепления экономических и культурных связей между двумя великими славянскими народами — русским и украинским.

«Объединение двух великих славянских народов, — говорится в постановлении Центрального Комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР, — несмотря на реакционную политику паризма, русских и украинских феодалов и буржуазии, сблизило народы России и Украины, которые избрали единственно правильный путь в совместной борьбе против всех внешних врагов, против общих угнета-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 137.

телей, против крепостников и буржуазии, против царизма и капиталистического рабства»¹.

За укрепление союза украинского и русского народов последовательно боролся выдающийся государственный деятель Украины Богдан Хмельницкий. Незадолго до своей смерти гетман собрал старшину и в ее присутствии обратился к сыну с горячим призывом быть верным России, «якоже и сам он, творяще единожды поприсягненную верность, да никогда же дерзнет сломити»². Сообщая русскому правительству о предпринимаемых им мерах для отражения агрессии магнатско-шляхетской Польши, Хмельницкий многократно подчеркивал свою нерушимую верность России. 5 июня 1657 г. он горячо заверял царского посла Д. Бутурлина: «царского де величества я верной подданной и николи от царского де величества высокие руки отлучен не буду»³.

Вопреки бесспорным историческим фактам украинские буржуазные националисты пытались представить деятельность Богдана Хмельницкого в его последние годы в извращенном виде, писали о стремлении Хмельницкого якобы отделиться от России.

Здоровье Хмельницкого было подорвано изнурительными походами. С начала 1657 г. он тяжело заболел. 27 (7 июля) июня 1657 г. оборвалась жизнь выдающегося государственного деятеля, талантливого полководца, великого сына украинского народа. В Чигирин съехались сподвижники Богдана Хмельницкого, чтобы отдать последний долг человеку, посвятившему всю жизнь освобождению своего народа от польско-шляхетского гнета и объединению с братским русским народом. По завещанию Хмельницкого, его похоронили в родном хуторе Субботове.

Великая скорбь украинского народа о верном своем сыне Богдане Хмельницком передана в задушевных словах народной думы:

То не чорні хмари ясне сонце заступали,
То не буйні вітри в темнім лузі бушевали:
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.

Освободительная война угнетенных масс — украинских крестьян, рядовых казаков и городской бедноты — не только освободила их от польских угнетателей, но и ослабила, распатала феодально-крепостническую систему на Украине. Это проявилось прежде всего в уничтожении крупного землевладения польских магнатов и шляхты, а также в том, что посполитые⁴ в первые годы освободительной войны отказывались выполнять повинности в пользу украинских феодалов (православных монастырей, шляхты и казацкой старшины). Освободительная война открыла для значительной части крестьян возможность перехода в казачество, имевшее по сравнению с крестьянством значительные привилегии. Казаки принадлежали к свободному сословию. Они освобождались от податей и повинностей и имели право принимать участие в радах для избрания войсковой старшины. Главной обязанностью казаков было несение военной службы. Хотя казацкими привилегиями пользовалась преимущественно зажиточная верхушка казачества, но юридически они распространялись и на рядовое казачество.

¹ «Правда», 9 декабря 1953 г.

² Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854, стр. 152.

³ Статейный список окольного Д. Бутурлина и дьяка В. Михайлова. Акты Южной и Западной России (далее: АЮ и ЗР), т. III, СПб., 1861, № 369, стр. 571.

⁴ Посполитые происходит от польского слова «посольство» — масса, простой народ. Вначале посполитыми называли крестьян и мещан, а позже — преимущественно крестьян.

Освободительная война не уничтожила и не могла уничтожить феодальных порядков. Само ослабление феодальной системы на Украине было явлением временным.

Украинские буржуазно-националистические историки, извращая историческую действительность, пытались доказать, что освободительная война 1648—1654 гг. имела до основания все социальные различия, превратила украинский народ в единую демократическую бесклассовую общину и что историческое развитие Украины в связи с этим шло особым путем, совершенно отличным от исторического пути России. В действительности, историческое развитие Украины второй половины XVII в. протекало в условиях острых социальных противоречий между двумя основными классами феодального общества — классом феодалов и классом крестьян. После освободительной войны господствующий класс — казачья старшина, украинская шляхта, высшее православное духовенство — не только сохранил свое крупное землевладение, являвшееся основой феодального способа производства, но захватил земли и промыслы, ранее принадлежавшие польским феодалам, стремился восстановить в прежних формах и объеме эксплуатацию крестьян, рядового казачества и городской бедноты.

Феодально-крепостническая политика казачьей старшины ярко отражена в челобитных П. Тетери и С. Зарудного, которые в марте 1654 г. возглавили украинское посольство в Москву. Они просили царя выдать грамоты: Зарудному — на Имглеев Старый, а Тетере — на Смелу (с окрестностями этих местечек) «с подданными в нем будущими, и со всеми землями... и со всеми принадлежностями, полями, лесами и озерами... и чтоб есми были волны в своих подданных, как хотя ими урежати и обладати мы и дети наследники наши, которые бы имели от нас те маестности одержати»¹. Гетманы раздавали монастырям универсалы на землевладение, в которых приказывалось крестьянам, не вписанным в казачий реестр, выполнять «звыкное послушенство». На протяжении 1654—1656 гг. подобные универсалы получили монастыри Киевские — Златоверхо-Михайловский и Межигорский, прилугинский (Густынский) и др.

Наряду с монастырским землевладением росло землевладение казачьей старшины и украинской шляхты. Универсалом от 25 июня 1655 г. Богдан Хмельницкий пожаловал старшине Яненко четыре села «з млынами, ставами, полями, сеножатями и с данью медовою, и с деревом бортным, и зо всеми кгрунтами и пожитками до тых сел чотырох належачими, и з подданными на кгрунтах тамошних седячими»². Очень крупные пожалования получил шляхтич Лаврентий Борзна. В универсале от 2 сентября 1656 г. перечисляется не менее десяти сел, перешедших в его владение. Подтверждены были маестности «со крестьяны и со всякими угоды» за украинским шляхетским родом Рубцов.

Рост крупного землевладения был неразрывно связан с усилением феодального угнетения крестьян. Наступление феодалов усиливало борьбу народных масс против феодально-крепостнического гнета. Сопrotивление крестьян проявлялось в массовых побегах, отказах от выполнения повинностей, в отдельных вооруженных выступлениях, восстаниях. Много крестьян убегало из западных земель Украины, где положение угнетенных масс было особенно тяжелым, так как эта часть Украины продолжала еще оставаться под властью магнатско-шляхетской Польши. Большое количество беглых из разных частей Украины направлялось на малозаселенные земли Слободской Украины.

¹ АЮ и ЗР, т. X, СПб., 1878, № 8, стр. 487—488, 489—502.

² Акты Западной России, т. V, СПб., 1853, № 43, стр. 95.

Классовая борьба на Правобережной и Левобережной Украине особенно усиливалась и обострилась в годы гетманства Ивана Выговского (1657—1659). По происхождению Выговский был шляхтичем и принадлежал к той группе украинских феодалов, для которых шляхетская Польша была идеалом социального строя. Личные стремления Выговского были направлены к приобретению богатства и политического влияния среди польско-шляхетского общества. Украинский летописец чрезвычайно удачно отмечает, что Выговский «единого духа был» с польскими панями «ради суеты временного и благополучия сегосветного».

В начале освободительной войны Выговский находился на военной службе в польско-шляхетском войске. После Желтоводской битвы он попал в плен к татарам. Освободившись из плена, коварный Выговский сумел войти в доверие к гетману и занял место генерального писаря. После смерти Хмельницкого, вопреки его воле, Выговский добился провозглашения себя гетманом (перед смертью Богдана Хмельницкого, еще в апреле 1657 г., состоялась Рада, на которой был провозглашен гетманом Юрий Хмельницкий¹).

Считая, что церковь является опорой политической власти господствующего класса, Выговский не скупился на раздачу земель монастырям. В 1657 г. он выдал универсал Киевскому Межигорскому монастырю на владение местечком Вышгород и селами Петровцы и Мошоны со всеми угодьями и доходами². В этом универсале Выговский строго наказывал крестьянам, чтобы никто «кривды наименьшее и перешкоды во всех пожитках тамошних помененой братии Межигорской чинить не вожился... и селяне вшелякое послушенство и повинность господину отцу Варнаве Лебедевичу, игумену вышмененого монастыря отдавати мають». Выговский угрожал крестьянам: «а хто бы стречным был, альбо в пожитках и приходах тамошних перешкожал, таковий... сурово будет каран, иначей не чинячи»³.

В течение марта и апреля 1658 г. Выговский выдал универсалы об охране рыбных угодий Лубенского Мгарского монастыря, которые назывались Сулице, Белозерье, Пещенное, Глушец, Плетеница, Белево. Обращаясь к сотникам, атаманам, казакам, войтам, бурмистрам и ко всему населению Чигирина и Дубровы, он сурово требовал, «абы жаден с казаков и посполитых людей в оных озерах и запесочках ловленьем рыб отцем Мгарским найменшою не был перешкодою», а если кто осмелится нарушить это требование, тот будет очень строго наказан⁴.

В это время землевладение украинской шляхты и казацкой старшины значительно выросло. Выговский закрепил в слабинской сотне за Лукашем Носачевичем «его дедичные грунты з людьми, на том грунте мешкающим и зо всеми принадлежностями»⁵. Крупные маестности получил также слабинский сотник Иван Дамонтович и шляхтич Лаврентий Борзна⁶. Богклевский получил жалованную грамоту на местечко Глинское с селом Княжая Лука со всеми угодьями и доходами⁷.

Очень большими имениями владел и сам Иван Выговский. Еще в 1654 г. он получил от царя грамоту, по которой за ним закреплялись «город Остр с селы, на местечко Козелец, на местечко Бобровицы, на местечко Три-

¹ АЮ и ЗР, т. IV, СПб., 1863, № 3, стр. 3.

² Акты Западной России, т. V, № 50, стр. 100—101.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 103.

⁵ Генеральное следствие о маестностях Черниговского полка. Чернигов, 1908, № 108, стр. 343.

⁶ АЮ и ЗР, т. IV, № 78, стр. 144.

⁷ Там же, стр. 4.

полье, на местечко Стайки... на село Лесовичи, на село Копиватое со всякими доходами и со всеми угодьями, к тому належачими». Были закреплены земли за отцом Выговского — Астафием Выговским. По царской жалованной грамоте брат гетмана Данил Выговский получил город Прилуки, местечки Борисполь, Барышевку, Воронково, Басань, Белгородку и Рожево «с селы и со всякими угодьями, к тому належачими»².

Феодальная верхушка расширяла свои владения также путем захвата так называемых пустошей, путем скупки земель и насильственного присвоения казацкой и крестьянской земли.

Земли изгнанных польских феодалов захватывала украинская феодальная знать. Так, значительное количество бывших имений магнатов Потоцких перешло в руки одного из приближенных Выговского — Юрия Немирича. В состав его владений на Полтавщине входили города Кременчуг, Тищенко, Кобеляки, Великов (Великий), Переволочная, Новые Санжеры³. Крестьяне, жившие на этой территории, были объявлены его подданными.

Украинская буржуазно-националистическая историография стремилась представить И. Выговского как человека, преданного общественным интересам, который будто бы заботился о сохранении и развитии автономии края. Она называла его украинским патриотом, который вместе с казацкой старшиной якобы стремился обеспечить свободу и независимость Украины. В действительности изменник Выговский и его единомышленники вопреки жизненным интересам украинского народа стремились оторвать Украину от России и восстановить на Украине польско-шляхетское господство. В состав пропольской группы казацкой старшины входили Иван Выговский, его братья Даниил, Константин и Федор, миргородский полковник Григорий Лесницкий, переяславский полковник Павел Тетеря, генеральный писарь Иван Груша, обозный Тимофей Носач, Юрий Немирич и др. Юрий Немирич был создателем и вдохновителем Гадячского соглашения. Пропольскую группу старшины поддерживала и часть высшего духовенства во главе с митрополитом Косовым. По свидетельству летописца, Выговский искал только случая, «жебы оторватися от царского величества, учинити згоду з королем польским»⁴.

Предательская политика старшинской верхушки вызвала возмущение не только среди народных масс, но и со стороны подавляющего большинства казацкой старшины — верных сторонников Богдана Хмельницкого. Полтавский полковник Мартын Пушкарь и кошевой Запорожской Сечи Яков Барабаш, отстаивая воссоединение Украины с Россией, возглавили народное восстание против Выговского.

В развертывании классовой борьбы на Украине большая роль принадлежала Запорожью. В то время на Запорожье сосредоточилось много недовольных, которые прибегали сюда с разных концов Украины, спасаясь от феодально-крепостнического гнета. Запорожские казаки были недовольны тем, что они потеряли ту политическую роль, которую они играли в годы освободительной войны 1648—1654 гг. На Раде, провозгласившей гетманом Ивана Выговского, Запорожье не было представлено, с чем запорожцы не могли примириться. Они требовали созвать новую Раду для пересмотра вопроса о выборах гетмана. «А Выговского де они гетманом отнюдь не хотят, — говорили запорожцы, — и не верят ему ни в чем, потому что он не природной запорожской казак, а взят из польского войска на бою в языцех, был де он у поляков ротмистром. И гетман де Богдан Хмельницкий

² АЮ и ЗР, т. IV, № 78, стр. 1—2.

³ АЮ и ЗР, т. VII. СПб., 1872, № 76, стр. 209, 213.

⁴ Летопись самовидца, стр. 51.

горлом его подаровал и учинил у себя в писарях. И он де по своей природе войску никакого добра не хочет, ... а все лучшее мыслит своей полской стороне; а поляки де им вечные неприятели»¹.

Послы Запорожской Сечи, прибывшие в Москву во главе с Михаилом Ивановым, обвиняли Выговского в том, что он без ведома царя поддерживает связи «с ханом Крымским, с цысарем Турецким, с Ракоцей Венгерским, с господами Волоским и Мутьянским»². Они считали, что эти связи укрепляются с целью измены. «А все войско Запорожское в Малой России, — говорили они, — как под высокую и крепкую руку вашей царской милости поддалось с землями и с городами, так и ныне неотменно при той жалованной грамоте неподвижно пребывает, а при тех изменниках не хочет пребывать; только что есть воля ваша царская, а мы все войско Запорожское готовы, по указу вашего царского величества, послушными быти»³.

Народные массы не хотели снова вернуться под власть магнатско-шляхетской Польши. Украинский народ пролил много крови, осуществляя свою вековую мечту о воссоединении Украины с Россией. Он сознавал, что только вместе с братским русским народом он сможет обезопасить себя от поглощения магнатско-шляхетской Польшей, султанской Турцией или Крымским ханством. Вместе с тем народные массы надеялись, что крепкая централизованная власть России охранит их от своеволия казацкой старшины. Сохранилось много материалов, подтверждающих это положение. Так, нежинский протопоп Максим Филимонович писал царскому дворецкому Ртищеву: «... изволь ваша милость, мой милостивый пан, советовать царю..., чтоб однолично, не откладывая, обнял здешние края и города черкасские на себя и своих воевод поставил, понеже того подлинно все желают и во всем чернь вседушно рада, чтоб уже имели одного подлинного государя, чтоб было на кого надеяться»⁴. Максим Филимонович считал, что воевод на Украине не хотят только старшины и только ради своей корысти, «залибивши властвования не хотят его отступитца». Запорожские послы во время своего пребывания в Москве тоже говорили о желании народа иметь русских воевод в украинских городах⁵.

Ориентированная на польских феодалов группа казацкой старшины стремилась использовать всякую возможность, всякий повод, чтобы посеять вражду среди украинских народных масс к России. Таким поводом послужил приход русских войск под начальством Григория Ромодановского и воеводы Трубецкого. Известно, что эти войска были посланы после упорных просьб и требований послов покойного Богдана Хмельницкого, которые сообщали, что положение Украины очень сложно и можно в любую минуту ожидать нападения польско-шляхетских, а также татарских войск⁶.

В связи с прибытием русских войск миргородский полковник Лесницкий разослал по всему Миргородскому полку универсалы, в которых сообщал, что с приходом войск Ромодановского и Трубецкого налоги для украинского народа будут увеличены в таких размерах, в каких население платило их польским панам до освободительной войны. Старшинская верхушка провокационно сообщала народным массам, что русское прави-

¹ АЮ и ЗР, т. VII, № 68, стр. 190, № 70, стр. 192.

² Там же, № 70.

³ Там же, № 70, стр. 185.

⁴ АЮ и ЗР, т. IV, стр. 31.

⁵ Там же, т. VII, № 68, стр. 188.

⁶ См. АЮ и ЗР, т. XI. СПб., 1879, прибавление (Посольство Богдана Хмельницкого к царю), № 2.

тельство в скором времени запретит крестьянам носить сапоги и суконную одежду и принудит их надеть лапти¹.

Однако украинский народ не верил этой клевете. Крестьяне, мещане, казаки на все эти универсалы отвечали так: «как небожчик гетман Богдан Хмельницкий царскому величеству с Войском Запорожским и со всей чернью присягали, так и ныне на том стоим»².

Когда летом Григорий Лесницкий созвал войсковую раду и предложил покориться магнатско-шляхетской Польше, он услышал в ответ: «Мы де поддались и хотим служить великому государю и за ним де хотим жить и ему, государю, хотим радеть, а к иному ни к кому не хотим, ни к хану, ни к ляхам; и куда де нам он, великий государь, укажет итти, тотчас все готовы... да наши старшие непостоянны шатаютца, а и гетмана де мы не само долюбываем; а полк де наш без государевых воевод за Непр (Днепр.— *Е. С.*) не пойдет»³.

Послы русского правительства свидетельствовали, что на Украине с нетерпением ожидают русских воевод и против их появления возражает только старшина, так как старшины «ради одни пануют и жаль им того самовластья отстать, понеже уже разнакомились пануваньи и не хочется им того оставить»⁴.

На все угрозы старшин-изменников рядовые казаки отвечали: «Мы хотим служить великому государю и за ним жить, а ни к крымскому хану ни к ляхам не пойдем — мы государские. Куда нам великий государь укажет, туда де все пойдем»⁵. Недовольство политикой казацкой старшины особенно ярко проявилось на Запорожье. Недовольных возглавил кошевой запорожской Сечи Яков Барабаш.

Царский посол Дмитрий Рогозин сообщал царю в ноябре 1657 г.: «...а в Запорогах де многие голяки востали и худые людешки полковников и сотников и есаулов не слушают и говорят де: мы де их побьем и животы их поберем»⁶. Известно, что у запорожской бедноты были и свои руководители — Яков Клименск и Дмитрий Сеченая-щека. Первого Выговский схватил в Кременчуге, а второго — в самом Чигирине⁷.

Выговский собирал войско, чтобы подавить поднимающееся народное движение. На путях и переправах к Запорожью была поставлена военная стража, которой строго воспрещалось пропускать на Запорожье различные продукты питания, а также порох и свинец⁸. Блокада Запорожья вызвала большое недовольство на Полтавщине. Атмосфера здесь была настолько напряженной, что даже среди казаков других полков, которые здесь были расположены, началось волнение.

В борьбе против восставших казацкая старшина надеялась получить помощь от русского правительства. Выговский в письмах к московским боярам призывал их действовать так, чтобы царь «покарал их (восставших.— *Е. С.*) по своему премудрому разуму... они своевольцы, только о суетной воле помышляют, а не радеют о вере и прислуге его царскому величеству; нет у них ни жен, ни детей, ни пожитков, ни добычи — только на чужое добро дерзают, чтоб есть им, да пить, да в карты играть,

¹ АЮ и ЗР, т. XV, № 2, стр. 45—46.

² АЮ и ЗР, т. IV, стр. 39. Отписка путивльского воеводы о беседе с миргородским мещанином Калининковым.

³ АЮ и ЗР, т. IV, № 44, стр. 71.

⁴ Н. К о с т о м а р о в. Гетманство Выговского, исторические монографии и исследования, кн. 1, т. II, стр. 362.

⁵ АЮ и ЗР, т. IV, № 44, стр. 71.

⁶ Статейный список стряпчего Дмитрия Рогозина. АЮ и ЗР, т. IV, № 44, стр. 64.

⁷ Там же, № 43, стр. 67.

⁸ Там же, т. IV, № 49, стр. 80.

да всякие безчинства богу и людям чинить, да мы за веру православную и за достоинство государя при женах, детях и маестностях наших всегда умирать готовы»¹.

Несмотря на общие классовые интересы с украинской феодальной верхушкой, русское правительство должно было учитывать непопулярность Выговского в массах, не могло пренебрегать поступавшими к нему сведениями об антирусской деятельности Выговского и его группы. Недоверие в Москве к Выговскому усилилось в связи с деятельностью полтавского полковника Мартына Пушкаря.

Мартын Пушкарь принадлежал к той группе казацкой старшины, которая в вопросах связей с Россией оставалась верной заветам Богдана Хмельницкого. Пушкарь был одним из сподвижников великого гетмана. В годы освободительной войны он прошел большую школу политического опыта. Правильно поняв линию поведения группы Выговского, ее ориентацию на магнатско-шляхетскую Польшу, Мартын Пушкарь поставил своей целью не допустить осуществления преступных планов Выговского и его сторонников². Уже с первых месяцев гетманства Выговского он предупреждал русское правительство об изменнических планах нового гетмана и договаривался о совместных действиях с запорожскими казаками и их кошевым атаманом Яковом Барабашем.

К Пушкарю на Полтавщину собралось большое количество недовольных, среди которых было много бездомных и безземельных крестьян и работных людей, а также пастухов и батраков. Эта беднота не имела куска хлеба, тяжело эксплуатировалась своими хозяевами и мечтала о том, чтобы за все издевательства отомстить им. Она приходила к Пушкарю без оружия, без одежды, с рогатинами, дубинами, косами³. Из них Пушкарь организовал пехотный полк. Беднота, из которой состоял этот полк, называлась дейнеками⁴. К Мартыну Пушкарю прибыл отряд запорожцев под руководством Якова Барабаша⁵.

В рядах восставших было много людей, которые убежали в Россию, спасаясь от гнета и преследований казацкой старшины, а теперь возвратились обратно, чтобы принять участие в восстании против шляхетско-старшинской верхушки.

За короткое время сюда собралось более 20 тыс. крестьян, которые начали восстание против феодальной верхушки и гетмана Выговского. Раньше других поднялось население городов Гадяча, Зенькова, Ромен, Миргорода. Восставшее население называло себя казаками и отказывалось выполнять какие-либо повинности. Нападая на имения старшинской верхушки и монастыри, дейнеки приводили в ужас феодальную знать. Прежде всего восставшие напали на имение зятя Выговского Ивана Бокглевского в селе Жабки. Самая активная роль в этом нападении принадлежала жителям самих Жабок, а также жителям Бербеницких и Шмиглянских имений. Во время восстания Бокглевский, его жена, а также несколько челядников были убиты.

Для подавления восстания Выговский направил Нежинский и Стародубский полки⁶. Но когда они подошли к Полтаве, среди казаков этих полков начались волнения. Поняв, что в борьбе против Пушкаря невоз-

¹ АЮ и ЗР, т. IV, № 39, стр. 51.

² АЮ и ЗР, т. IV, № 49, стр. 80.

³ Летопись Величко, т. I. Сказание о войне казацкой с поляками. Киев, 1926, стр. 180.

⁴ Дейнеки — вооруженные колыями люди.

⁵ Летопись Величко, т. I, стр. 174; АЮ и ЗР, т. VII, № 79, стр. 237, 241.

⁶ Летопись самовидца, стр. 52.

можно получить поддержку от простого казачества, Выговский решил использовать для этой цели наемные отряды, которые состояли из сербов, валахов и немцев.

25 января 1658 г. Выговский послал против Пушкаря отряд под командованием Ивана Сербина. Мартын Пушкарь и Яков Барабаш полностью разгромили этот отряд. Триста человек были убиты, остальные бежали¹.

Спустя некоторое время восстание вспыхнуло с новой силой. Казацкая беднота на Запорожье готовилась к походу на Чигирин против гетмана Выговского и тех, кто поддерживал его. В Лохвице, Лубнах и Полтаве сосредоточилось большое количество восставших. Все они в той или иной степени были связаны с Мартыном Пушкарем. Ходили слухи о том, что Пушкарь посылал на Запорожье своего старшего сына с тем, чтобы он договорился с запорожской беднотой о выступлении против гетмана².

Нападения на имения феодалов продолжались; нападению подверглись и имения Юрия Хмельницкого. Этой антифеодальной борьбе не могла сочувствовать казацкая старшина, даже та, которая принимала участие в восстании во главе с Мартыном Пушкарем и Яковом Барабашом. Послы Выговского говорили в Москве, что Мартын Пушкарь «тем бунтом сам не рад, и рад бы усмириться, да не может от того отстать, что сбивает его Стрынжа да Донец»³. Но Мартыну Пушкарю, понимавшему роль народных масс в борьбе за свержение Выговского, за укрепление связи Украины с Россией, приходилось в известной мере считаться с антифеодальным движением народа.

Тем временем восстание охватило не только Миргородский полк, но и сам город Миргород. Казаки свергли с полковничьей должности Г. Лесницкого и избрали полковником Степана Довгала, который был яростным противником магнатско-шляхетской Польши и самым искренним сторонником Пушкаря. Став полковником, Довгаль писал против Выговского воззвания — так называемые «бунтовные листы». Определяя роль Довгала в восстании, послы Выговского (апрель — май 1658 г.) подчеркивали: «Полковник де Мартын Пушкарь усмирился и живет дома, и войска при нем нет; а чинит де ныне бунты Миргородской новообранный полковник Довгаль в Лохвице с гультаями»⁴.

Но в этом они ошибались: Довгаль действовал против Выговского сообща с Мартыном Пушкарем. Они вместе посылали посольство за посольством в Москву, предостерегая русское правительство о предательских действиях Ивана Выговского. 27 марта в Москву отправилось посольство от Полтавского и Миргородского полков. От Мартына Пушкаря было послано 27 человек во главе с Иваном Искрой, Михаилом Степаненко и Марком Пушкаренко. Посольство Степана Довгала, состоявшее из 35 сотников и казаков, возглавлял Петр Ольшанский⁵. Послы предупреждали русское правительство, что если оно не примет решительных мер, то старшина, возглавляемая Выговским и Лесницким, отдаст Украину в иноземное подданство⁶, считали необходимым предупредить эти предательские действия, созвать новую Раду и избрать нового гетмана.

В апреле 1658 г. своими действиями Иван Выговский подтвердил обвинения, высказанные Пушкарем. Он призвал к себе на помощь злейших

¹ АЮ и ЗР, т. XV, № 2, стр. 32.

² Там же, стр. 215.

³ АЮ и ЗР, т. VII, № 76, стр. 208—213; т. IV, № 61, стр. 122.

⁴ АЮ и ЗР, т. IV, № 61, стр. 111.

⁵ АЮ и ЗР, т. XV, № 2, стр. 43—55.

⁶ Там же, т. XV, № 2, стр. 90—96.

врагов украинского народа — крымских татар, которые, по некоторым сведениям, переправлялись через Днепр под Кременчугом и селом Максимовкой¹. О связях Ивана Выговского с татарами и магнатско-шляхетской Польшей сообщали русскому правительству киевский митрополит, полковник Павло Яненко-Хмельницкий и «всяких чинов» люди. Войска магнатско-шляхетской Польши собирались возле реки Горыни и стояли на постое в городах и селах, готовясь к походу на Украину². В половине апреля большое татарское войско во главе с Карач-беем действительно пришло на Украину³. Выговский устроил ему торжественную встречу.

Защищая узко классовые интересы шляхетско-старшинской верхушки, Выговский пошел на самую черную измену украинскому народу: он заключил с татарами союз и отдал на поток и разграбление города и села Украины. В письме к своему отцу Выговский писал, что «Карач-бей в сорок тысячей до (брои) орды ютро переправи, который од мене не пойдут хоть целый рок. Народ (ин) салтан в пятьдесят тысячей стоит противко Полтавы»⁴. Имеются все основания считать, что Выговский в это время заручился и поддержкой магнатско-шляхетской Польши, которая собирала силы для похода на Украину. Важные сведения о готовившемся походе сообщил 19 мая из Терчицы паволоцкий полковник Михайло Суличич. Он писал, что польско-шляхетские войска в количестве 20 тыс. собираются под Збаражем и под Лубнами. В письме киевскому воеводе Андрею Бутурлину он прямо говорил об измене гетмана Выговского⁵.

Об измене Выговского стало известно и широким массам украинского населения. Подьячий Байбаков во время своего путешествия по Украине (февраль — март 1658 г.) в беседе с жителями разных городов убеждался в том, что народные массы ненавидели изменника Выговского. Жители разных городов и местечек говорили о Выговском, что это человек неправдивый, «что он ни говорит и присягает, тому нечему верить, а запорожские черкасы и чернь все преклонились к Пушкаренку». Говорили о том, что Выговский давно уже задумал измену и если бы не Пушкарь, то гетман бы уже «московских людей сек». К Байбакову приходили также казаки Нежинского полка и рассказывали, что казаки в количестве пяти хоругвий, убедившись в предательских планах Выговского, решили оставить свой полк и перейти к Пушкарю, но Выговский, узнав об этом, приказал их уничтожить. Из них спаслось только 50 человек, которые и перешли к Пушкарю⁶.

Шляхетско-старшинская группа Выговского не пользовалась и не могла пользоваться никакой поддержкой народа. В борьбе с восставшими Выговский не мог положиться даже на свои казацкие части. Он использовал для этой цели главным образом наемные войска. В начале мая 1658 г. Выговский, заручившись помощью татар, перешел в решительное наступление против Мартына Пушкаря⁷. В походе он пробыл больше месяца и в течение всего этого времени держал в Чигирине царского посла Апухтина на положении арестованного, не разрешая ему оставить город.

18 мая состоялся первый бой между войсками Выговского и Пушкаря в районе Полуозера, в 10 километрах от Полтавы.

В этом бою победу одержали восставшие, которые разгромили передо-

¹ АЮ и ЗР, т. IV, № 64, стр. 114.

² АЮ и ЗР, т. IV, № 65, стр. 117.

³ Летопись самовидца, стр. 53.^f

⁴ АЮ и ЗР, т. IV, № 65, стр. 117—118. Число сорок тысяч называет также украинский летописец (Летопись самовидца, стр. 53).

⁵ АЮ и ЗР, т. IV, № 65, стр. 118.

⁶ АЮ и ЗР, т. XV, № 2, стр. 35.

⁷ Там же, т. VII, № 79, стр. 237.

ой татарский отряд Ивана Выговского¹. В последних числах мая Выговский осадил Полтаву, оставив татар в Соколином Байраке. Подойдя к Полтаве, Выговский растянул свой обоз на видном месте, надеясь на то, то запорожская беднота будет привлечена обозом и выйдет из полтавской крепости в поле, где ее легче будет уничтожить. Однако Пушкарь как опытный полководец принял решение оставаться в осаде, отбивая таки врага и изматывая его силы. Такой тактикой возмущались дейнеки. Они требовали открытого боя. Выполняя требования дейнеков, 1 июня Пушкарь вышел из Полтавы. Силы противника намного превосходили силы Пушкаря. Войско Мартына Пушкаря почти все погибло на поле боя. Погиб и сам Мартын Пушкарь². Спустя некоторое время Выговский захватил Барабаша и приказал его казнить. Вступив в Полтаву, Выговский разрушил ее до основания и сжег.

Палач украинского народа Выговский со своими союзниками, татарами, разрушил и сжег не только Полтаву. Разграблению и разрушению подверглась вся Полтавщина. По свидетельству летописца, Выговский татарам «даде на разграбленное пленение Гадяч, Миргород, Обухов, Веприк, Сорочинцы, Лютенки, Ковалевку, Бурки, Богачку»³. В то же время Выговский поручил Лесницкому разгромить пушкаревцев и в других городах и селах Полтавщины и Лубеницыны. Кровавые события происходили в Лубнах, население которых героически защищалось. Когда Гуляницкий захватил Лубны, многие участники обороны, отступая, потонули в реке Суле.

Оставшиеся в живых восставшие собирались в отряды и продолжали свою борьбу в других полках Украины. Так, сотники Полтавского полка Михайло Зеленский и Дзенок собрали около полутора тысяч дейнеков, главным образом из числа работающих на винокурнях, и напали на Глухов.

Возвратясь в Чигирин, Выговский торжественно отпраздновал 15 июня свою победу над восставшими и потребовал от русского правительства выдачи участников восстания, бежавших в Россию.

Борьба народных масс была проявлением стихийного протеста против феодально-крепостнического гнета. Народные массы понимали вражеские намерения Выговского и его группы, боролись против осуществления его предательских планов,

Разгромив народные восстания и расправившись с Мартыном Пушкарем и Яковом Барабашем, Иван Выговский решил действовать открыто против России. В июне 1658 г. он послал в Варшаву одного из своих сторонников — Павла Тетерю, которому было поручено передать важные сведения правящим кругам магнатско-шляхетской Польши и ускорить выступление Польши против России. Продолжая свои враждебные действия по отношению к России, в конце августа Выговский послал на Киев отряды казацких и татарских войск под руководством своего брата Данила. Целью этого похода было выбить из Киева воеводу Шереметева и русский гарнизон. Несмотря на то, что к Данилу Выговскому присоединился киевский полковник Яненко-Хмельницкий, войска Выговского потерпели поражение.

Поражение войск Выговского под Киевом объясняется тем, что казацкие части были против разрыва Украины с Россией. Очень важны в этом отношении показания пленных казаков: «а которые, государь, взяты на боех черкасы 152 человека, — писал царю воевода Василий Шереметев, —

¹ АЮ и ЗР, т. IV, № 64, стр. 124—127. Летопись Величко, т. I, стр. 181.

² Летопись самовидца, стр. 55; Летопись Величко, т. I, стр. 182.

³ Летопись Величко, т. I, стр. 199—203.

и они нам... сказывали, что они под Киев пришли по большой неволе; старшины де их выслали... а иных и рубили... и они де ходили на бой и на приступ, боясь старшины своей»¹. Высказывая свое глубокое возмущение старшиной, казаки обещали, объединившись с «чернью», бороться против старшины.

Продолжая свои предательские действия, Выговский в сентябре 1658 г. подписал с польским правительством Гадячский договор, по которому Украина должна была вновь возвратиться под иго польской шляхты. По этому договору польские паны получили право возвратиться в свои бывшие имения на Украине. Это был заговор кучки предателей во главе с Выговским с магнатско-шляхетской Польшей, направленный против украинского и русского народов. В награду за предательство интересов украинского народа Выговский получил от польского правительства должность киевского воеводы, Барское и Люблинское староства.

Украинские буржуазные националисты восхваляли предательский Гадячский договор. Они тщетно стремились доказать, что этот договор был величайшим благом для украинского народа. Исторические факты решительно опровергают эти утверждения ярых врагов народа — украинских буржуазных националистов. Украинский народ ответил на Гадячский договор взрывом возмущения, переросшим в восстание, которое возглавил Иван Богун, кошевой Запорожской Сечи Иван Сирко и вновь избранный наказной гетман Иван Беспалый.

На помощь восставшим против изменника Выговского русское правительство послало войска под командованием воеводы Ромодановского, который действовал совместно с казацкими частями Ивана Беспалова.

Чувствуя непрочность своего положения и зная слабость магнатско-шляхетской Польши, Выговский совершил новый предательский акт по отношению к украинскому народу: он начал переговоры с султанской Турцией о порабощении ею Украины². Но эти изменнические переговоры ему не удалось довести до конца. Против Выговского и его группы с огромной силой поднялось народное движение, в котором активное участие приняла и левобережная казацкая старшина. Против Выговского выступили Переяславский, Нежинский, Черниговский, Лубенский полки. К ним присоединились также правобережные казацкие полки. Изгнанный восставшим народом Выговский бежал в Польшу.

Украинский народ дал решительный отпор предательским попыткам шляхетско-старшинской верхушки оторвать Украину от России.

¹ АЮ и ЗР, т. VII, № 68, стр. 255; т. IV, № 79, стр. 160.

² ЦГАДА. Посольский приказ. Турецкие дела, 1660 г., стлб. без номера (1 й), л. 1.

А. Н. Мальцев

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ ВОЙСК В БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЕ ЛЕТОМ 1655 г.

Освободительная война украинского и белорусского народов 1648—1654 гг. со всей очевидностью показала, что только при братской помощи великого русского народа и в составе России украинский и белорусский народы могли спасти себя от порабощения магнатско-шляхетской Речью Посполитой и султанской Турцией, создать благоприятные предпосылки для своего экономического и культурного развития.

Во все трудные времена своей жизни украинский и белорусский народы обращали свои взоры к Москве, к великому русскому народу и всегда получали от него верную, братскую помощь и поддержку.

Воссоединение Украины с Россией в 1654 г., явившееся результатом самоотверженной борьбы украинского народа с польско-шляхетским гнетом и турецко-татарской агрессией, выразило чаяния украинского народа, навеки утвердило дружбу и союз двух братских единокровных народов — русского и украинского.

В Белоруссии обстоятельства сложились по-иному. Во время освободительной войны белорусского народа польским, литовским и ополячившимся белорусским феодалам удалось нанести поражение восставшим. Белорусский народ оставался под властью Речи Посполитой, продолжая бороться против гнета польских и литовских феодалов, за воссоединение с Россией.

Настоящая статья посвящена одному из важных моментов войны 1654—1667 гг. между Россией и Речью Посполитой—вступлению русских войск летом 1655 г. в Вильнюс, а также выяснению позиции польско-литовской правящей верхушки в отношении России в рассматриваемое время.

Действия русских вооруженных сил по освобождению Белоруссии отягивали значительные силы войска Речи Посполитой, не давали возможности полностью перебросить его на Украину и тем самым сыграли существеннейшую роль в освобождении Украины от гнета польских феодалов.

Вступление русских войск в Вильнюс имело большое значение для хода летней кампании 1655 г., приведшей в это время к освобождению почти всей Белоруссии, предотвратило оккупацию освобожденных районов Швецией, оказало влияние на дальнейший ход войны между Россией и Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии.

Позиция правящей верхушки великого княжества Литовского по отношению к России в 1655 г. ярко проявилась накануне и во время боев за Вильнюс. Пытаясь помешать освобождению русскими войсками всей Белоруссии, литовские магнаты предали национальные интересы литовского народа, открыли дорогу Швеции для оккупации Литвы. Выяснение этих вопросов имеет существенное значение для изучения войны между

Россией и Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии, русско-польских и русско-шведских отношений.

Между тем, ни в дореволюционной, ни в советской исторической литературе эти вопросы не получили должного освещения. С. М. Соловьев в X томе «Истории России с древнейших времен» только отмечает факты вступления русских войск в Вильнюс и перехода Я. Радзивилла на сторону Швеции.

Проф. А. А. Савич в своей работе «Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг.» очень кратко говорит о вступлении русских войск в Вильнюс, не ставя перед собой задачу специально исследовать этот вопрос и совсем не затрагивает вопроса о позиции литовских магнатов в отношении России летом 1655 г.¹

В настоящей статье сделана попытка на основании архивных материалов (фонды Приказа тайных дел, Разрядного приказа и др.) показать ход военных операций, приведших к вступлению русской армии в Вильнюс, а также дать анализ переговоров правящей верхушки Великого княжества Литовского с русским и шведским командованием накануне боев за Вильнюс и во время военных действий.

* * *

В первый год войны между Россией и Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии (1654 г.) удар главных русских сил был осуществлен в направлении Белоруссии и Литвы². Русское правительство рассматривало это направление как решающее, а борьбу за освобождение Белоруссии вело в тесной связи с борьбой за освобождение Украины.

В 1654 г. основным театром военных действий являлась Смоленщина и восточная Белоруссия. В результате успешных военных действий русские войска освободили территорию до рек Днепр и Западная Двина, в том числе города Смоленск, Полоцк, Витебск, Могилев и другие. К осени 1654 г. польско-литовское войско, находившееся под командованием Я. Радзивилла и В. Гонсевского, было отброшено за р. Березину.

Успехи русских войск на Смоленщине и в Белоруссии в 1654 г. привели к тому, что магнатско-шляхетская Речь Посполитая не смогла в этом году провести крупных наступательных операций на Украине.

В 1654 г. в Белоруссии вместе с русскими войсками действовало 20-тысячное украинское казацкое войско под командованием И. Н. Золотаренко, посланное Богданом Хмельницким для содействия русским войскам, а на Украине вместе с казацкими полками Хмельницкого — хорошо вооруженный и обильно снабженный боеприпасами четырехтысячный русский отряд под командованием А. В. Бутурлина.

Кроме того, в 1654 г. в районе Белгорода находилась русская армия под командованием В. Б. Шереметева, которая в случае опасности для Украины со стороны шляхетского войска или Крымского ханства должна была оказать ей срочную вооруженную помощь. В составе русских и украинских отрядов было много белорусов. Это являлось ярким свидетельством проявления боевого содружества трех братских народов: русского, украинского и белорусского.

В конце 1654 — начале 1655 г. польско-литовское командование предприняло значительными силами наступление на юго-западном участке

¹ А. А. С а в и ч. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг. «Ученые зап. МПШ им. В. П. Потемкина», т. II, кафедра истории СССР, вып. 2. М., 1947, стр. 106—107, 109.

² А. Н. М а л ь ц е в. Война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 г. «Исторические записки», кн. 37, стр. 133—136.

русско-польского театра военных действий в Белоруссии. Польско-литовское войско под командованием Я. Радзивилла и В. Гонсевского, численностью около 12 тыс. человек, осадило в Новом Быхове казаков И. Золотаренко¹, но не смогло его взять, после чего с начала 1655 г. приступило к осаде Могилева. В результате героической обороны гарнизона и жителей Могилева, продолжавшейся в течение почти трех месяцев, с начала февраля до 1 мая 1655 г., а также рейдовых операций казаков И. Золотаренко, польско-литовские силы оказались скованными, не смогли развить тактический успех в стратегический и были вынуждены отступить за р. Березину². Однако в конце 1654 — начале 1655 г. польско-литовским войскам удалось захватить небольшие города по верхнему течению Днепра: Оршу, Дубровну, Копысь.

В это же время польско-литовское командование начало наступательные операции своих войск на северо-западном участке русско-польского театра военных действий в Белоруссии, в районе Витебск — Полоцк — Дисна, где стремилось прежде всего занять Витебск. При условии взятия Витебска и Могилева открывалась возможность нанести удар по Смоленску с двух сторон. Взятие Витебска неприятелем поставило бы под угрозу освобожденные русскими войсками белорусские города по Западной Двине, а также позволило бы оказывать постоянную помощь польско-литовскому гарнизону Велижа, которого в летней кампании 1654 г. русским взять не удалось. В январе 1655 г. под Витебском действовал многочисленный отряд кн. Лукомского. Командующий северной армией В. П. Шереметев предпринял решительные меры, чтобы отбросить Лукомского от Витебска. В. П. Шереметев послал против него из Витебска отряд под начальством своего сына М. В. Шереметева, который наголову разбил Лукомского³. В феврале польско-литовское командование предприняло новую попытку овладеть Витебском. В ночь на 19 февраля к Витебску подошел польско-литовский отряд, который, окружив его с трех сторон, хотел приступить овладеть городом⁴. Однако неприятель был отбит. В январе-феврале 1655 г. отряд Лукомского действовал под Дисной. «А к Дисне, государь, и в Полоцкой уезд литовские люди приходят беспрестанно, и Полоцкой и Дисенской уезды воюют и всякие хлебные запасы и сена возят, и крестьян мучат, и жгут, и в полон емлют, и деревни разоряют»⁵. В марте 1655 г. отдельные польско-литовские отряды подступали даже к г. Невелю, но были разбиты русскими войсками⁶.

Польско-литовскому командованию в конце 1654 — начале 1655 г. не удалось добиться каких-либо значительных успехов на северо-западном участке театра военных действий в Белоруссии. Планы польско-литовской шляхты — захватить восточную Белоруссию и Смоленщину и отвлечь русские вооруженные силы с Украины — полностью провалились.

¹ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 100, лл. 28—29.

² В записи о донесении И. Золотаренко царю Алексею Михайловичу говорится: «послал де он подъезд свой до самыя Березны и те де ево подъездики доведались подлинно, что польские и литовские люди, которые были с Радивилом под Могилевым, стоят за Березною полками, в разных местех, а по сю де сторону Березны стоит польских и литовских людей 2000 человек». ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, лл. 5, 5а.

³ «Стольник наш Матвей Шереметев побил ево наголову, и самово ево ранил, и обоз взяли с 300 возов и достальной обоз взяли, ... а то всех рубили с сердца». ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 100, л. 31.

⁴ «И того ж числа к городом приступали с трех сторон:.. через Двину, к Жидовским воротам, да от Мартыновых шанец к Нижнему городу во многих местех». ЦГАДА. Разрядный приказ. Новгородский стол, ст. 161, л. 382.

⁵ ЦГАДА. Разрядный приказ. Новгородский стол, ст. 161, л. 385. Отписка Д. А. Долгорукого из Полоцка царю Алексею Михайловичу, подана 3 марта 1655 г.

⁶ ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, л. 2.

Почти одновременно с наступательными операциями в Белоруссии польско-литовское командование в конце 1654 — начале 1655 г. предприняло наступление совместно с значительными силами крымских татар против казацких полков Хмельницкого и отряда А. В. Бутурлина в направлении на Киев, к Днепру, с целью захватить всю Украину. Тогда на Украину была направлена 12-тысячная русская армия под командованием В. Б. Шереметева и Ф. В. Бутурлина, которая принимала активное участие в боях с наступавшим шляхетским и татарским войском. В результате совместных действий русских войск и украинских казаков наступление неприятеля под Ахматовом было остановлено. Успешный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря значительной вооруженной помощи со стороны России, благодаря тесному взаимодействию русских войск и украинских казацких полков.

Таким образом, наступление польско-литовских войск в Белоруссии и польско-татарских войск на Украине зимой 1654/55 г. было сорвано.

Русское командование, планируя военные операции против Речи Посполитой на 1655 г., намечало осуществить главный удар в направлении Белоруссии и Литвы. Другой удар должен был осуществляться совместными силами русских войск и украинских казацких полков на Украине, в направлении западно-украинских земель. Целью кампании 1655 г. было завершить полное освобождение Украины и Белоруссии и прочно укрепиться в Литве.

В результате успешного завершения кампании 1654 г. Россия получила возможность выдвинуть пункты сосредоточения своих армий на запад. Если перед началом военных операций 1654 г. северная армия В. П. Шереметева базировалась на Новгород и Псков, то в 1655 г. она базировалась уже на Великие Луки¹. Центральная армия теперь формировалась не в Москве, а в Вязьме² и Смоленске³. В Брянске должна была сосредоточиться армия А. Н. Трубецкого⁴, которая раньше формировалась в Москве и в Брянске. Выдвижение на запад оперативных баз создавало благоприятные предпосылки для развития наступательных операций русских войск в летней кампании 1655 г., приближало их к важнейшим экономическим и политическим центрам Речи Посполитой — Вильнюсу и другим городам.

Русское командование, принимая зимой и весной 1655 г. меры к отражению наступательных операций польско-литовского войска, в то же время продолжало готовиться к летней кампании.

Какие же цели ставило русское командование в летней кампании 1655 г.? Прежде всего, в его задачи входило ликвидировать последствия зимних и весенних польско-литовских наступательных операций в Белоруссии⁵. После того, как неприятель будет отброшен на старые рубежи, которые он занимал осенью 1654 г., предполагалось освободить остальную часть Белоруссии и вступить в Литву⁶. Главным объектом наступления русских войск в 1655 г. была столица великого княжества Литовского — Вильнюс. В 1655 г., как и в 1654 г., в Белоруссии должны были действовать три русские армии: центральная, северная и юго-за-

¹ ЦГАДА. Разрядный приказ. Новгородский стол, ст. 212, лл. 121—122.

² ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 96, л. 5.

³ «А в полках бояре и воеводы дожидались государя в Смоленску». Дворцовые Разряды, т. III, СПб., 1852, стр. 467—468; см. также ЦГАДА. Разрядный приказ, Московский стол, ст. 262, лл. 68—71.

⁴ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 100, лл. 14—15.

⁵ ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 254, л. 116, л. 134 об.; там же, ст. 262, лл. 62, 84, 95.

⁶ «А как даст бог перейдем за реку Березину...». ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, л. 218.

падная. В тесном взаимодействии с ними должны были действовать казацкие части И. Золотаренко.

По плану русского командования, на центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Центральная армия должна была наступать из Смоленска в направлении Борисов — Минск — Вильнюс. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильнюсу и вступить в город. После этого часть русских войск должна была прикрывать город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас — Гродно — Брест.

На северо-западном участке театра военных действий в Белоруссии должна была вести операции северная армия под командованием боярина В. П. Шереметева. Главная задача, которая была поставлена перед ней, — наступление на Вильнюс¹. По замыслу русского командования, действия армии В. П. Шереметева должны были отвлечь на себя крупные польско-литовские силы. Русское командование предполагало начать наступление армии В. П. Шереметева на Вильнюс в первых числах мая, а наступление центральной армии из Смоленска через Борисов — Минск на Вильнюс — во второй половине мая. Но поход армии В. П. Шереметева на Вильнюс не состоялся. Армия В. П. Шереметева не выступила к Вильнюсу не только в первых числах мая, но и позднее. До августа 1655 г. действия войск В. П. Шереметева ограничивались осадой и взятием г. Велижа², осадой Озерич, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск — Полоцк — Дисна, т. е. чисто местными операциями. Позднее войска, находившиеся под командованием В. П. Шереметева, были переброшены в Вильнюс, где из них была сформирована новая армия под начальством кн. С. А. Урусова, осуществившая в конце 1655 г. поход под Брест.

В Лифляндском воеводстве в 1655 г. должен был вести операции отряд А. Л. Нащокина, которому вменялось в обязанность поддерживать тесную связь с В. П. Шереметевым. Отряд А. Л. Нащокина базировался на Режицу (ныне Резекне). Весной 1655 г. А. Л. Нащокин осадил Динабург (ныне Даугавпилс). После начала летом 1655 г. польско-шведской войны А. Л. Нащокин со своим отрядом был вынужден отойти от города. Тогда же он получил приказание итти на соединение с войсками В. П. Шереметева³.

В юго-западном секторе театра военных действий в Белоруссии летом 1655 г. должна была действовать армия под командованием кн. А. Н. Трубецкого. Русское командование стремилось к тому, чтобы армия Трубецкого в мае перешла в наступление против польско-литовского войска одновременно с центральной и северной армиями. В середине мая 1655 г. А. Н. Трубецкой получил приказание итти со своими войсками из Брянска в Могилев⁴. Русское командование поставило перед армией А. Н. Трубецкого задачу взять Старый Быхов, а потом наступать по направлению Слуцк — Новогрудок — Брест⁵.

Почти весь июль войска А. Н. Трубецкого осаждали Старый Быхов. Видя безуспешность попыток взять Старый Быхов, русское командование отдало приказание А. Н. Трубецкому оставить под Старым Быховым заслон, а самому с главными силами итти к Слуцку. 26 июля А. Н. Трубецкой

¹ ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58—59, 123, 160—161.

² Велиж был взят отрядом Матвея Шереметева.

³ ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, лл. 33, 82, 120 и др.

⁴ Акты Московского государства (АМГ), т. II, СПб., 1894, под ред. Н. А. Попова, № 670.

⁵ ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, л. 197.

из-под Старого Выхова выступил к Слуцку. В конце августа — начале сентября армия А. Н. Трубецкого действовала «за Слоним верст по 20 и больше»¹.

С начала апреля 1655 г. русское командование начало подготавливать предварительные операции, целью которых было очистить верховья Днепра от польско-литовских отрядов и освободить верхнеднепровские города, занятые неприятелем зимой 1654/55 г. Без осуществления этого было бы крайне затруднено движение центральной армии, в частности транспортировка продовольствия и боеприпасов по Днепру, переправа через Днепр и, следовательно, выход на оперативный простор.

Для выполнения указанной задачи в первых числах апреля был сформирован крупный отряд под начальством стольника З. Ф. Леонтьева, в результате действий которого левый берег Днепра к середине мая 1655 г. был очищен от польско-литовских отрядов.

Центральная армия выступила в поход из Смоленска во второй половине мая 1655 г.; 22 мая большому и передовому полкам было приказано идти к Борисову². Русские войска, выступив из Смоленска, должны были дислоцироваться в городах Дубровна, Орша, Копысь, Шклов, т. е. по левому и правому берегам Днепра, чтобы уже отсюда повести наступление. В конце мая было послано распоряжение воеводе сторожевого полка Б. А. Репнину: «сождався со всеми ратными людьми итти в Копысь». Почти одновременно воевода передового полка Н. Н. Одоевский получил распоряжение остановиться, не доходя шести верст до Кутейна монастыря³. Следовательно, сторожевой полк должен был находиться в Копыси, передовой — около Дубровны. В начале июня Я. К. Черкасский во главе большого полка прибыл в Оршу. За Березину поход русских войск предполагалось начать 9 июня⁴. Между тем движение центральной армии задерживалось в связи с несвоевременным прибытием боеприпасов и продовольствия по Днепру и неукомплектованностью некоторых полков. Многие дворяне только теперь начали прибывать в полки.

В июне русское командование провело ряд крупных операций на центральном участке театра военных действий в Белоруссии. Из Копыси к Березине для занятия г. Борисова и ликвидации отряда К. Поклонского был послан воевода кн. Ю. Борятинский, который 10 июня подошел к городу. В завязавшемся бою отряд К. Поклонского был разбит. Шляхта, находившаяся вместе с Поклонским в Борисове, разбежалась, гайдуки же укрепились в городском острожке. Неоднократные попытки русских взять город приступом окончились неудачей⁵.

Русское командование придавало Борисову важное значение, так как занятие этого города позволяло контролировать Березину и открывало дорогу на Минск и Вильнюс. Поэтому по получении от Борятинского известий о неудачах под Борисовом русское командование приняло решение послать одного из воевод большого полка — окольничего Б. М. Хитрово с приказом взять город «и чтоб Березу реку занять и крепости какие доведутца учинить»⁶. Отряд Хитрово насчитывал 5379 человек⁷. 19 июня

¹ АМГ, т. II, № 717, ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 383.

² ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, л. 249.

³ Там же, л. 124.

⁴ Там же, л. 240.

⁵ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, лл. 20, 22. ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, лл. 140—144. Акты Южной и Западной России (АЮ и ЗР), т. XIV, стр. 706.

⁶ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 19.

⁷ С Б. М. Хитрово «в посылке» было 10 сотенных голов, а у них в сотнях конных людей 1207 человек, 3 полковника пеших солдатских, а у них в полках начальных людей и

Хитрово занял Борисов. Город, острог и мост через Березину были сожжены. Неприятель, находившийся по ту стороне реки, отступил. Русские быстро навели мост через Березину и переправились на другой берег¹.

После взятия Борисова, русское командование немедленно решило начать наступление всеми силами на Минск. В конце июня отряд Хитрово выступил в поход. В это же время воеводы передового, большого и сторожевого полков получили приказание со всеми ратными людьми наступать на Минск².

В начале июля русские части и казаки И. Золотаренко соединились в районе Минска и завязали бой с польско-литовскими войсками³.

3 июля 1655 г. Минск был освобожден русскими войсками⁴. Минск являлся крупным политическим и экономическим центром — главным городом Минского воеводства. С занятием Минска русские войска получили возможность выйти на дороги, которые вели прямо на Вильнюс.

В начале июля 1655 г. в Минске были сосредоточены главные силы центральной армии: большой, передовой, сторожевой полки, казаки И. Золотаренко. Центральную армию фактически возглавлял кн. Я. К. Черкасский, официально — царь Алексей Михайлович.

Русские войска могли начать наступление на Вильнюс немедленно, но командование решило предварительно обезопасить свой тыл и очистить от неприятельских войск район Минска. В середине июля русские войска получили приказание выступить на Вильнюс⁵. В конце июля русское командование собрало двигавшиеся по разным дорогам к Вильнюсу войска в мощный кулак.

Польско-литовское командование, пытаясь во что бы то ни стало удержать за собой Вильнюс, решило дать русским силам сражение. Войска Радзивилла и Гонсевского, стоявшие с обозом по левому берегу р. Вилии, в 5 км от города, должны были защищать Вильнюс. Под командованием Радзивилла находилось посполитое рушенье, у Гонсевского — «польские и немецкие люди». Всего польско-литовских войск под Вильнюсом было 10—13 тыс. человек; подкрепления продолжали прибывать⁶.

Русское командование очень спешило с войсками к Вильнюсу, чтобы не дать времени неприятелю укрепиться. Однако прежде чем приступить к штурму Вильнюса, русские воеводы провели три дня «на стану» для того, чтобы солдаты отдохнули⁷. В эти-то три дня между

солдат 4159 человек. Всего людей: голов и сотенных людей, полковников, начальных людей и солдат 5379 человек». ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 16.

В числе указанных в состав отряда Хитрово входили донские казаки и солдатский полк Александра Гибсона. ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, л. 151.

¹ ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, лл. 168, 170; там же, ст. 254, л. 151.

² АМГ, т. II, № 682. ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 68; ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, л. 237; ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 254, л. 159.

³ «А как государевы люди за теми литовскими людьми к Менску догнали, и литовские люди, поодержався немного по сю сторону Менска и увидев государевых ратных людей, город Менск покинули и, выбежав из города, разметав мосты, на другую сторону, на поле. И он, околичней и воевода, собрав мост в город вошел, и перешед реку, в другом городке у ворот поставил пехоту, а сам не со многими ратными людьми, которые через реку перебрались, вышел на поле. И литовские люди учинили с ним большой бой». ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол, ст. 262, л. 204—205.

⁴ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. I, л. 383.

⁵ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 91.

⁶ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, лл. 109, 116, 118. По другим данным под командованием Радзивилла и Гонсевского находилось 20 тысяч войска. Там же, л. 106 об.

⁷ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 110.

польско-литовским и русским командованием развернулись неофициальные переговоры.

26 июля к Я. К. Черкасскому привели «поляка, да с ним принесли два листа полского письма». В расспросе поляк этот назвал себя человеком виленского епископа: «а послал де ево вчерашним днем из Вилны бискуп виленский с листами в обоз к бояром и воеводам»¹. Весьма показателен тот факт, что именно католический епископ начинает переговоры с русским командованием. В свете этого известия становятся более убедительными показания «ксенза католицкие веры» Рафолы, которого доставил к воеводам наказной гетман И. Золотаренко². Упомянутый Рафол говорил, что он слышал в Вильнюсе от епископа, будто бы богатые мещане и евреи со своим имуществом из Вильнюса выехали в Польшу, а в городе остались небогатые люди. Для нас это свидетельство представляет большой интерес. Во время войны между Россией и Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии 1654—1667 гг. было характерным явлением, что беднейшие и средние слои городского населения отказывались воевать с русскими войсками. Так было в ряде белорусских городов (например, в Могилеве³ и др.). Верхушка городского населения Вильнюса предпочла эвакуироваться вглубь Речи Посполитой. Рафол показывал также, что Радзивилл уговаривал епископа выехать в Польшу, но «бискуп де и мещане из Вилны ехать не хотят, а хотят государю добить челом и город здать, чтоб у их льгот их не ломать; да слышел де от литовские шляхты, что они хотят все государю добить челом»⁴.

Показания Рафолы весьма характерны. Вильнюсский епископ зондировал почву у русского командования (как можно предполагать, с ведома Радзивилла), пытаясь найти основу для соглашения с русскими властями⁵.

В это же время смолянин Григорий Петров, бежавший в конце июля из плена, сообщил, что виленские мещане хотели сдать город русским. «И мещане виленские приговаривали, что им царскому величеству добить челом и город здать и государевых бояр и воевод встретить с образы и с хлебом от города за 10 верст, потому что им против государевых людей сидеть было в городе не в силу». Но этого «им не поволит учинить Радивил, и взял де он с мещан 100.000 злотых, а на те злотые хотел де наймовать ратных людей. И взял де злотые, отпустил их мещан из Вилны з женами и з детьми и со всеми их животы в город Ковну, а сам де... пошел в маетность свою, в городок Биржи»⁶.

По словам Г. Петрова, Радзивилл, Глебович, Сапега и другие литовские магнаты распространяли слухи о том, что если им оставят их города и имения, то они готовы служить России. «Да говорили де Радивил и Глебович и Сопега, что города их и маетности государь поймал и повоевал и пожечь велел, и детца де им негде. И только б де царское величество пожаловал, велел им города и маетности их отдать, и они б де ему великому государю добились челом и служили ему, государю, а в Польше де у них городов и маетностей нет. А только де им государю не добить челом

¹ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 116.

² Там же, л. 117. Слово «ксенз» в подлиннике перечеркнуто.

³ АЮ и ЗР, т. XIV, стр. 195.

⁴ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 117.

⁵ Следует отметить имеющиеся в русских источниках другие упоминания о письмах виленского епископа к Я. Радзивиллу к русским боярам и воеводам: «Июля в 31 день во вторник послан стольник Иван Иванов, сын Кольчов, а с ним послано перевод с листа, что писал к бояром и воеводам бискуп виленский, переводы с листов, что писал Радивил и Гонсевской». ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 95, об. л. 6, л. 7.

⁶ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 127.

и не податца под ево государеву высокую руку, и им де только бежать будет в Прусы или в Свейскую землю»¹.

Такая позиция литовских магнатов в отношении России для русского правительства не являлась чем-то неожиданным. Еще осенью 1654 г. русское правительство получило сообщение от русских воевод в Киеве Ф. С. Куракина и Ф. Ф. Волконского о том, что киевский полковник Антон Жданович, ездивший в качестве посла от Б. Хмельницкого в Речь Посполитую и бывший очевидцем сражения между русскими и польско-литовскими шляхетскими войсками под командованием Я. Радзивилла под Шепелевичами в августе 1654 г., показывал: «А гетман де Родивил думает: будет мы, великий государь, ево не пожалуем, как ему впредь быть. И он хочет со всею Литвою продатца свейскому королю»².

Таким образом, в конце июля 1655 г., когда русские войска находились уже под Вильнюсом, литовские магнаты и верхушка католического духовенства зондировали почву у русского командования относительно возможности притти к соглашению. В данном случае речь шла о стремлении литовских магнатов и верхушки католического духовенства добиться соглашения с русским правительством на приемлемых для них условиях, каковыми они считали полное сохранение их владений, прав и привилегий.

Могло ли пойти на выполнение этих условий русское правительство? Конечно, не могло. Сохранение нетронутыми огромнейших владений таких магнатов, как Я. Радзивилл и П. Сапега, при номинальной их зависимости от центральной власти фактически означало бы сохранение государства в государстве с особой юрисдикцией и прочими атрибутами децентрализации. Потребности экономического развития страны, складывавшийся в это время всероссийский рынок, интересы русского дворянства, а также нарождавшегося купечества, наоборот, требовали дальнейшей централизации государства.

В. И. Ленин, рассматривая вопрос о соотношении войны и политики, говорит о «неразрывной экономической и исторической связи всякой войны с господствовавшей ей политикой каждой страны, каждого класса, который господствовал перед войной и обеспечивал достижение своих целей так называемыми «мирными» средствами»³. Это ленинское положение полностью применимо и к политике русского правительства по отношению к различным слоям населения на территории Белоруссии и Литвы во время войны между Россией и Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии 1654—1667 гг.

Владения короля, так называемые «крулевщизны», т. е. королевские имения⁴, владения магнатов записывались в дворцовые земли. Земельные владения католической церкви также не могли быть сохранены, потому что она была враждебна православной церкви, поддерживавшей русское самодержавие. Деятельность католической церкви на освобожденной территории Белоруссии воспрещалась. Костелы и католические монастыри закрывались, ксендзы и католические монахи бежали в Польшу. Закрывались также католические учебные заведения, которых было в Белоруссии немало. Земельные владения католической церкви или отдавались православным монастырям и церквам, если последние могли подтвердить, что они

¹ Там же, л. 128.

² ЦГАДА. Разрядный приказ, Севский стол, ст. 158, лл. 64—66.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 365.

⁴ «А что были преж сего в Городненском повете королевские села, а ныне твоя Городенская економия, и те твои государевы села шляхта грабят, и леса твои государевы секут, и зверь в твоих государевых лесах, лоси и иные всякие звери, бьют без твоего государева указу». АМГ, т. II, № 821.

им раньше когда-нибудь принадлежали, либо отписывались на царя. Правда, в дальнейшем (с начала 1656 г.) русское правительство вынуждено было несколько изменить свое отношение к католической церкви. В районах, расположенных за р. Березиной¹, иногда разрешалась деятельность католической церкви. Это, конечно, делалось по тактическим соображениям. Деятельность же униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее владения конфисковывались.

Возникает вопрос: действительно ли Радзивилл, виленский епископ и другие представители правящей верхушки великого княжества Литовского рассчитывали достигнуть соглашения с русским правительством? На это дают ответ показания подячего Якова Поздышева, который был послан в гонцах из Москвы к курляндскому князю Якубу и приехал из Риги в Псков на обратном пути 4 августа 1655 г. Поздышев сообщил, что шведские ратные люди (около 20 тыс. человек) переправляются из Риги за Двину и двигаются к Биржам и Вильнюсу².

26 июля в Ригу прибыли посланники: один от Януша Радзивилла, другой от епископа, третий от панов Рады. От кого был четвертый посланник — неизвестно. Эти уполномоченные литовских магнатов просили у шведского командования, чтобы оно скорее прислало под Биржи и Вильнюс шведских ратных людей. Правящая верхушка Великого княжества в лице своих уполномоченных обращалась к шведскому командованию, несмотря на то, что Швеция и Речь Посполитая находились в это время в состоянии войны. Правящая верхушка Великого княжества заверяла через своих уполномоченных шведское командование в том, что сдаст шведам Вильнюс, Биржи и другие города без всякого сопротивления. «Для тово прислано де из Вилни в Ригу июля в 26 числе 4 посланника литовских: один от Радивила, а другой от бискупа, а третий от рады — панов, а четвертой посланник, от ково прислан, и тово де им будто неведомо. И говорили де те посланники рижскому генералу графу Магнусу Делегарде, что прислать под Берзю и под Вилну свейских ратных людей вскоре до тех мест, покаместа государевы большие люди не собрались. А они де им Вилну и Бирзю здадут, и иные полские города здавать учнут же без крови, чтоб тех полских городов государевы ратные люди не поимали. А государевым ратным людям они, полские и литовские люди, здаватца не похотят. И после до тех посланников из Вильно присланы в Ригу о том же»³.

Следовательно, правящая верхушка великого княжества Литовского в лице Я. Радзивилла и многих магнатов шла на прямое предательство национальных интересов литовского народа, предполагая открыть шведам дорогу, лишь бы сохранить свои владения, права и привилегии. Вероятно, еще в июле литовские магнаты выдвигали перед правящими кругами Швеции определенные политические условия за предоставление шведским войскам возможности свободно оккупировать Литву.

Швеции предоставлялся удобный случай «пойти навстречу» литовским магнатам, что полностью соответствовало ее интересам. Она была заинтересована не допустить дальнейшего продвижения русских войск в Бело-

¹ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 314, лл. 1—4.

² «Как подъячей Яков Поздышев поехал из Курляндские земли и был он в Риге июля з 26 числа июля ж по 30 число. И при нем де свейских ратных людей из Риги за Двину реку перевозилось немало, будет де их з 20000, а начальные де у них люди граф Левон Грубт, который взял Диноборок, да другой граф Якуб Делегард, Яков Левси Пунтосович Меньшой; а пошли де они под Берзю и под Вильню и под иные полские городы». «И слышал де он в разговоре, что рижский генерал под полские городы хочет идти вскоре и наряд за Двину реку перевозити». ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 141

³ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, л. 141.

руссии и Литве и, следовательно, не допустить укрепления позиций России в Прибалтике. Шведские войска, пытаясь опередить русских, начали движение из Риги по направлению к Вильнюсу и другим литовским городам. Естественно, что это сильно обострило взаимоотношения между Россией и Швецией. Таким образом, все переговоры, происходившие между правящей верхушкой Великого княжества Литовского и русским командованием в конце июля 1655 г., были не чем иным, как попыткой оттянуть время до подхода шведских войск к Вильнюсу.

Соглашение в Кейданах (Кейдайняй), заключенное 8 августа 1655 г. между группой литовских магнатов (Януш Радзивилл, Богуслав Радзивилл, В. Гонсевский, епископ Парчевский и др.) и правящими кругами Швеции об установлении протектората Швеции над Литвой, явилось логическим завершением предшествующей политики литовских магнатов. Еще раньше руководителями распавшегося посполитого рушенья под Устьем, К. Опалинским и др., был подписан со шведами аналогичный договор относительно Познанского и Калишского воеводств. Стремясь обеспечить свои классовые интересы, литовская правящая верхушка предала национальные интересы литовского народа. Заключением Кейданского договора Швеция пыталась «узаконить» оккупацию северных районов Литвы и одновременно претендовала на остальную часть Литвы. Вступление русских войск летом 1655 г. в Вильнюс, Каунас, Трокай и другие города южной Литвы воспрепятствовало оккупации их Швецией.

В конце июля 1655 г. русское командование решило дать генеральное сражение польско-литовским войскам, сосредоточенным у Вильнюса. Утром 28 июля русские войска выступили с последней своей стоянки на Вильнюс, намереваясь в этот же день напасть на обоз Радзивилла. Предварительно надо было соединиться с ертаульным полком П. Е. Черкасского, находившимся впереди главных русских сил. Это было осуществлено днем 28 июля. Русским войскам пришлось продвигаться в условиях бездорожья, форсировать две речки, что и задержало их на сутки.

Только на другой день русские войска и казаки И. Золотаренко подошли к расположению польско-литовских войск¹. Передовые сотни русских полков вступили в бой со сторожевыми отрядами гетмана Радзивилла. Дело ограничилось небольшими стычками, так как неприятель не принял боя и отступил к Вильнюсу. Русские отряды преследовали неприятеля по пятам. Под Вильнюсом разгорелся большой бой, в результате которого польско-литовское войско потерпело поражение². После этого русские войска вступили в Вильнюс (29 июля 1655 г.). В отдельных местах города неприятель продолжал еще оказывать сопротивление. В виленских замках засел гарнизон под командой Казимира Жеромского, который после упорного сопротивления вынужден был сдаться (31 июля)³. Русские к «городам приступали жестокими пристушы»⁴. Выбитые из города Радзивилл и Гонсевский со своими войсками были вынуждены отступить по мосту на другой берег р. Вилии. Для защиты моста была оставлена пехота. Русские продолжали преследование неприятеля, чтобы не дать ему закрепиться около Вильнюса и угрожать городу. За реку были посланы войска. На мосту произошел ожесточенный бой. Неприятельский заслон был опрокинут, но на другой берег р. Вилии удалось перейти только немногим

¹ «А гетманы Родивил и Гонсевской со всеми полскими и литовскими и немецкими людьми стояли обозом в полумили от Вилии. Царская грамота борзенскому полковнику Курбацкому. АЮ и ЗР, т. XIV, стр. 772.

² ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, лл. 121—122.

³ А. А. С а в и ч. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг., стр. 107.

⁴ АЮ и ЗР, т. XIV, стр. 773.

русским ратным людям, так как неприятель сжег мост, а «река Вилея велика и глубока и кроме того мосту иных мостов и бродов нет»¹. Польско-литовское войско понесло значительные потери².

Таким образом, 29 июля 1655 г. русские войска в результате боя заняли г. Вильнюс³, являвшийся крупнейшим экономическим и политическим центром Литвы, вторым по значению, после Варшавы, городом Речи Посполитой. Вильнюс был взят в то самое время, когда объединенные силы русского и казацкого войска на Украине двигались к Каменцу-Подольскому. Вступление в Вильнюс и другие действия русских войск и казаков И. Золотаренко в Белоруссии и Литве летом 1655 г. не давали возможности Речи Посполитой перебросить часть сил шляхетского войска на Украину и тем самым способствовали освобождению Украины.

Из-под Вильнюса польско-литовское войско, численностью не более 5000 человек, под командованием Я. Радзивилла стало отступать на Жмудь и Кейдайняй. Часть центральной армии под командованием Я. К. Черкасского некоторое время преследовала отступавшего неприятеля, но вскоре русские войска остановились северо-западнее Вильнюса. Дальше преследовать польско-литовское войско было нельзя. Почти одновременно с вступлением русских войск в Вильнюс шведская армия под командованием Магнуса Делагарди вторглась из Ливонии в северные районы Литвы. Города Биржи, Бряславль, Икажня, местечко Вилькомир были заняты шведскими войсками. Шведскими войсками был захвачен также Динабург⁴. Продвижение русских войск на север Литвы могло привести к войне между Россией и Швецией, к которой Россия не была готова. К тому же еще не были разрешены основные задачи кампании 1655 г. в Белоруссии и на Украине. Поэтому Я. К. Черкасский со своими войсками остановился недалеко от столицы Великого княжества Литовского, чтобы прикрывать город в случае каких-либо неожиданностей со стороны польско-литовского или шведского войска.

В это же время другие части центральной армии под начальством П. Е. Черкасского стали разбивать наступление на Каунас, который был взят русскими войсками 6 августа. В середине августа П. Е. Черкасскому было отправлено приказание идти к Гродно⁵. Оставив в Каунасе немногочисленный гарнизон во главе с Силой Степановым⁶, русские быстро пошли по указанному направлению. В конце августа 1655 г. Гродно был освобожден русскими войсками⁷.

Вступление русских войск в Вильнюс и дальнейшие успехи русских войск в Литве и Белоруссии имели большое значение для хода летней кампании 1655 г., приведшей в это время к освобождению почти всей Белоруссии. В руках русских войск оказались южные районы Литвы, что предотвратило оккупацию этих районов Швецией. Военные действия в Белоруссии и Литве оказали большое влияние на дальнейший ход войны между Россией и Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии.

¹ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. II, лл. 122—123.

² Только казаки Ивана Золотаренко во время сражения за Вильнюс, продолжавшегося «от шестаго часа дни до ночи», взяли много пленных и 20 знамен. АЮ и ЗР, т. XIV, стр. 770, 772.

³ ЦГАДА. Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 383.

⁴ ЦГАДА. Дела шведские, № 36, 1655 г., август, об. 1 листа.

⁵ АМГ, т. II, № 716.

⁶ ЦГАДА. Дела шведские, 1655, № 36, л. 21.

⁷ Известие об освобождении Гродно было получено царем Алексеем Михайловичем в Вильнюсе 28 августа 1655 г. Дворцовые разряды, т. III, стр. 488.

И. С. Миллер

К ВОПРОСУ О ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ПОЛЬШЕ В 1651 г.

В последние годы польские историки опубликовали много работ, посвященных истории крестьянских движений феодальной эпохи. Особенно велико число работ, посвященных крестьянскому движению в Польше в 1651 г., 300-летие которого было широко отмечено общественностью народно-демократической Польши в июне 1951 г. (см. далее библиографию работ о крестьянских движениях 1651 г., вышедших в 1950—1953 гг.¹).

Одна из наиболее интересных работ — книга проф. Богдана Барановского «Восстание Костки Наперского в 1651 г.» — вышла в свет еще до юбилея, весной 1951 г. На этой работе основывалось значительное число кратких журнальных и газетных статей, появившихся в июне 1951 г. и призванных ознакомить широкие круги польских читателей с историей крестьянского движения 1651 г. Следует, однако, отметить, что и те авторы статей, которые не были знакомы с работой Барановского и заимствовали фактические данные главным образом из старой работы Л. Кубали «Костка Наперский», также давали этому крестьянскому движению оценку, принципиально отличную от его оценки в буржуазной историографии.

В настоящей статье мы не ставим задачу критически оценить новую литературу о польском крестьянском движении 1651 г. В определенной мере это уже сделано проф. Владиславом Чаплинским в статье «Народные движения в 1651 г. (результаты исследований, поправки и дополнения)». Мы не предполагаем также полемизировать с авторами новых работ по поводу некоторых спорных или ошибочных положений, так как они относятся главным образом к второстепенным вопросам. По важнейшим вопросам изучаемых событий и в самих принципах подхода к их изучению точки зрения авторов основных работ о крестьянском движении 1651 г. не разнятся.

Однако было бы ошибочным делать отсюда вывод, что изучение крестьянского движения в Польше в 1651 г. уже в основном завершено и что в дальнейшем речь может идти лишь о частных дополнениях и поправках. Большая проделанная работа, давшая уже сейчас ценные результаты и убедительные ответы на многие вопросы, является в то же время основой для дальнейших, более глубоких исследований, перспективы которых и следует, на наш взгляд, обсудить в настоящее время.

Остановимся на новых публикациях источников, новом фактическом материале, использованном в работах, вышедших в свет в 1951—1953 гг.

Важным источником по истории крестьянского движения 1651 г. является рукопись райцы г. Казимежа Мартина Голинского. Она уже ранее

¹ При ссылках на работы, учитываемые приведенной нами библиографией, мы ограничиваемся сокращенным библиографическим описанием.

учитывалась и ее данными пользовались историки, писавшие о движении 1651 г. Однако полностью отрывки этой рукописи, касающиеся восстания 1651 г., опубликованы только сейчас проф. Юлиушом Бардахом в приложении к его статье «В 300-ю годовщину крестьянского восстания под руководством Костки Наперского»¹.

В книге «Крестьянское восстание под руководством Костки Наперского», выпущенной в свет в августе 1951 г., проф. Станислав Щотка привел ряд новых документов по крестьянскому движению 1651 г.: 1) универсал короля Яна Казимира от 17 января 1651 г., сообщающий о предполагаемом движении к границам Речи Посполитой иностранного полка, идущего на помощь «неприятелю нашему», г. е. Хмельницкому; 2) универсал Яна Казимира от 12 апреля 1651 г. об отказе от выполнения барщины крестьянами деревни Пцим; 3—5) три универсала Яна Казимира от 25 и 26 июня 1651 г., изданные в связи с восстанием Костки Наперского; 6) универсал Яна Казимира от 14 июля 1651 г. жителям Чорштына, призывающий их к покорности и выполнению повинностей; 7) акт процесса Яна Чарнецкого, обвиненного в возбуждении «бунта» в местечке Колачице летом 1651 г.

Помимо этих документов, в книге Щотки полностью или в извлечениях пересказывается содержание двух документов, освещающих предшествующую деятельность Наперского: его письма от 6 мая 1648 г. гданьскому сенату и ходатайства шведской королеве Кристине (летом 1648 г., дата не уточнена).

В декабре 1951 г. вышла в свет книга «Материалы о восстании Костки Наперского 1651 г.». Этот документальный сборник составлен проф. Адамом Пшибосем, предпославшим публикуемым документам обширную вступительную статью. Составитель включил в сборник многие уже опубликованные ранее материалы, выверив их для данного издания по сохранившимся рукописям (среди этих материалов следует отметить полные тексты цитированных Щоткой документов за исключением обоих документов 1648 г.).

Наряду с этим в сборнике Пшибося впервые опубликованы не известные ранее документы: 1) протест Яна Зберковского, внесенный в бечские городские книги 7 апреля 1651 г. против отказа чорштынских крестьян выплачивать расквартированным в старостве хоругвям стадию и вооруженного нападения 3 апреля 1651 г. крестьян на эти хоругви; 2) решение съезда шляхты Краковского воеводства от 27 июня 1651 г. об обороне воеводства; 3—7) акты процесса Наперского, Лентовского и Радоцкого; 8—9) выписки из книг расходов г. Казимежа² и Кракова за 1651 г.; 10) отрывок из инструкции послу на сейм от сеймика Освенцимского и Заторского княжеств, утвержденной 9 декабря 1651 г.; 11) отрывок из инструкции посла на сейм от сеймика Краковского воеводства, утвержденной 15 декабря 1651 г.; 12) отрывок из инструкции послам на сейм от сеймика Краковского воеводства, утвержденной 31 декабря 1653 г.

Проф. Чаплинский в приложении к упомянутой выше статье опубликовал два акта допросов от 2 и 5 июня 1651 г. Войцеха Колаковского, причастного к организации крестьянского восстания в Великой Польше.

Как видно из этого перечисления, круг источников по истории крестьянского движения в Польше в 1651 г. существенно обогатился. Разумеется, одно лишь наименование того или иного документа не может дать представления о его ценности. Несомненно исследователя не могут не разочаровать акты процесса Наперского и его сотоварищей. Эти акты содержат, по-

¹ См. «Nowe drogi», 1951, № 3 (27).

² Записи в книге расходов г. Казимежа были известны Людвигу Кубале по присланной ему чрезвычайно небрежно выполненной выписке (сохранилась в папке «Materiały Ludwika Kubali». Львовская биб-ка АН УССР, Осс. № 5769/III).

мимо краткого обвинительного заключения, лишь протокольные формулы хода судопроизводства и совершенно не воспроизводят показаний допрашиваемых. Сравнивая эти акты с чрезвычайно содержательным материалом допросов Колаковского, невольно приходишь к выводу, что составители протоколов процесса Наперского и приговора сознательно ограничивали вносимые в них фактические сведения. Вероятно, суд хотел скрыть некоторые показания Наперского, прежде всего его утверждение, что он является побочным сыном короля Владислава IV.

Однако в целом новые документы представляют большой интерес. Особенно это следует сказать об опубликованном Пшибосем свидетельстве о крестьянском движении в Чорштынском старостве в апреле 1651 г.

Следует заметить, что изданный Пшибосем сборник материалов вышел в свет позже работ Барановского, Бардаха, Щотки и других статей, опубликованных ко дню 300-летия восстания, поэтому вновь появившиеся в этом сборнике документы не могли быть учтены авторами указанных работ. Неполно использовал новые материалы в своей вступительной статье и сам Пшибось. Опубликованные в 1953 г. Владиславом Чаплинским документы также, естественно, не могли быть учтены другими историками. Анализ, которому подверг эти документы проф. Чаплинский в своей статье, интересен и убедителен, но мы полагаем, что изучение этих документов в тесной связи с другими известными ранее материалами может дать основание для дополнительных выводов.

Таким образом, публикации, осуществленные в 1951—1953 гг., значительно расширили круг источников по истории восстаний 1651 г. В то же время большинство работ по этому вопросу, вышедших в свет в 1950—1951 гг., не могло использовать всех существующих материалов и нуждается в исправлении и пополнении.

Но прежде чем поставить задачу написать новые исследования, пополняющие и исправляющие выводы работ, опубликованных несколько лет назад, необходимо, как кажется, было бы провести некоторую подготовительную работу. Мы имеем в виду публикацию источников, которая должна быть продолжена.

Во-первых, имеются источники, до настоящего времени не опубликованные, хотя данные этих источников уже были в той или иной мере (чаще всего не исчерпывающе) использованы исследователями. Существуют, кроме того, указания на некоторые источники, никем из авторов работ о крестьянском движении 1651 г.¹ ранее не привлекавшиеся.

Во-вторых, как показывает опыт, и некоторые из опубликованных источников (прежде всего, разумеется, издания XVII в.) из-за их недостаточной известности или малодоступности не учитываются исследователями. Почин Адама Пшибося, включившего в свой сборник материалов соответствующие отрывки из хроник и другие уже опубликованные источники, заслуживает полного одобрения. Но эту работу нужно довести до конца.

В печати уже отмечалось², что сборник материалов, изданный А. Пшибосем, представляющий собой ценный вклад в науку, не свободен от недостатков. Одним из основных недостатков этого сборника, призванного, по замыслу составителя, быть полным сводом всех уже выявленных материалов по истории крестьянского движения 1651 г., является именно то, что он не полон. Было бы весьма желательно поэтому, чтобы во второе из-

¹ См., например, рецензию Я. Беняжувны на сборник материалов А. Пшибося. «Przegląd historyczny», t. XLIV, z. 1—2, str. 219 — указание на рукопись библиотеки Ягеллонского университета № 3742.

² См. Cz a p l i ń s k i, str. 65; B i e n i a r z ó w n a, str. 219—222.

дание этого сборника были включены в се материалы по данному вопросу. В том же случае, если бы второе издание сборника в ближайшем будущем не было предпринято, следовало бы, по нашему мнению, издать все те материалы, которые не вошли в сборник А. Пшибося, в качестве второго тома этой публикации.

Вместе с тем целесообразно было бы поставить перед научной общественностью вопрос о проведении дополнительных поисков источников в архивных хранилищах, собраниях рукописей в библиотеках и т. д. Последние находки проф. Чаплинского являются убедительным доказательством плодотворности таких поисков. Широкий интерес, проявляемый к истории крестьянских движений студентами-историками, создает, на мой взгляд, весьма благоприятные условия для выполнения этой работы. Наряду с разысканиями в хранилищах Польской Народной Республики было бы целесообразно провести под этим углом зрения поиски в некоторых хранилищах СССР и Чехословакии.

Прежде всего укажем те материалы по крестьянскому движению 1651 г., уже опубликованные ранее либо находящиеся в польских хранилищах, которые не вошли в состав сборника А. Пшибося.

В сборнике отсутствует текст относящихся к освещаемой проблеме отрывков из следующих книжных изданий:

1. J. P a s t o r i u s. *Historiae polonae plenioris partes duae*. Dantisci, 1685.
2. S. G r o n d s k i. *Historia belli cosacco-polonici*. Pestini, 1789.
3. A. V i m i n a. *Historia delle guerre civili di Poloniae*. Venetia, 1671.
4. J. B i a ł o b o s k i. *Odmiana postanowienia sfery niestatecznej kozackiej*. Kraków, 1653.
5. A l e k s a n d e r a J e s u (A. Kochanowski). *Wizerunek pasterza dobrego w ks. Pietrze Gembickim*. Kraków, 1658.
6. S. S t a r o w o l s c i u s. *Vitae antistitum cracoviensium*. Cracoviae, 1658.
7. M. J e m i o ł o w s k i. *Pamiętnik*. Lwów, 1850.
8. Дневник шведского дипломатического агента Иоганна Майера. Архив Юго-Западной России, т. III, ч. 6, Киев, 1908.

Упомянуты во введении, но не включены в сборник речь Анджея Максимилиана Фредры, отрывки из «*Kataloga biskupów*» Л. Лентовского.

Не включен отрывок из Освенцима (запись от 24 января 1651 г.), имеющий прямое отношение к опубликованному в сборнике документу № 2. Совершенно неосновательно не включен в сборник универсал Яна Казимира от 30 января 1651 г.¹ (см. примечание к документу № 2 на стр. 5).

Выпал также отрывок из дневника Освенцима (запись от 26 июня 1651 г.), описывающий выход карательной экспедиции на Подгалье из королевского лагеря под Берестечком.

В сборник включены письма Торреса от 24 июня и 1 июля 1651 г., но пропущено весьма интересное письмо от 27 мая 1651 г.

В числе документов сеймиков 1651 г. следовало привести инструкцию сеймика Люблинского воеводства (Oss., 217) и Волынского воеводства, изданную в 1 томе II части «Архива Юго-Западной России» (Киев, 1861). Наиболее интересная инструкция сеймика Краковского воеводства в сборнике использована неполностью. Помимо цитированных пунктов 2, 21 и 23, в сборник следовало включить еще ряд отрывков, а также королевские *deliberatoria* на сейм 1652 г., отрывок из пропозиции коронного канцлера Лещинского сейму от 29 января 1652 г. (*TeKi Naruszewicza*, t. 146),

¹ Щотка указывает дату 20 января. См. *S z c z o t k a*, str. 62.

отрывок из конституции июльского сейма 1652 г. (помимо цитируемого пункта 14, также пункты 7 и 30) и конституции сейма 1653 г. (*Volumina legum*, t. IV).

В сборнике отсутствует письмо Ремигиуша Пясецкого королевичу Карлу Фердинанду от 26 июня 1651 г. (Oss. 5656), а также два излагаемых Щоткой письма Наперского 1648 г.

Не останавливаясь в целом на подятом Я. Беньжувной вопросе о целесообразности принятого составителем порядка размещения документов¹, отметим лишь, что расположение документов, изданных в королевском лагере под Берестечком 26 июня 1651 г. (документы № 25—28), неправильно.

Не следовало, на наш взгляд, при публикации в сборнике отрывка из хроники Рудавского пользоваться неточным переводом Спасовича.

Ошибочно включен в сборник документ № 8, не имеющий отношения к истории крестьянского движения.

В отсутствии ряда материалов составитель сборника не повинен, так как он не располагал этими материалами и вряд ли имел точные сведения о том, где хранятся материалы и что они собой представляют. Следует учитывать, что книги Богдана Барановского и Станислава Щотки, а также небольшие по объему работы изданы без научного аппарата, поэтому остались неизвестны источники, из которых почерпнуты сведения, отсутствующие в учитывавшихся до настоящего времени материалах.

Ниже мы перечисляем эти данные в форме вопросов:

1. Из какого источника почерпнуто сообщение о том, что крестьянский отряд, подошедший к Чорштыну и обративший в бегство Иордана, двигался из-под Нового Тарга и что во главе его стоял Кшиштоф Крупа?²

2. На основании какого источника делается предположение о том, что полковник Стасенко был беглым крестьянином из-под Люблина Стахом Вильчим?³

3. В каком источнике приводится мнение шляхты, что если бы Наперский продержался еще неделю, то восстание могло бы охватить всю Малую Польшу?⁴

4. Откуда взята цитата — характеристика Наперского, приводимая на 45-й странице книги Барановского?

5. Откуда взята приводимая несколькими авторами цитата из рапорта ротмистра Кондрацкого об уничтожении восстания «раскаленным железом»?⁵

6. Где сообщается о движении в Кросценко при известии о казни Наперского?⁶

7. Какие источники содержат данные о движении среди горняков (посылка драгунов в Величку, возвращение гарнизона в Кельце, арест горняков, боязнь прихода горняков из Велички в день казни Наперского и т. п.)?⁷

8. На каких источниках основаны сообщаемые в книге Барановского сведения о крестьянских движениях в окрестностях Шренска, Цеханова,

¹ См. *Bieniarzówna*, str. 249.

² Первым об этом сообщил Ст. Щотка (*Bunt górali pod dowództwem Kostki Napierskiego w 1651 r.*, «*Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie*», rocznik XVIII—1938; zeszyt I, str. 77). Те же сведения приводят и другие исследователи (Cz. Wyczech. *Z dziejów chłopskich walk o społeczne wyzwolenie*. Warszawa, 1949, str. 100; Baranowski. *Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r.*, str. 64; Reychman. *O powstaniu podhalańskim*).

³ Baranowski, str. 47; Przyboś, str. XIIII.

⁴ Baranowski, str. 69.

⁵ Baranowski, str. 70; Młynarski. *Bunt Kostki Napierskiego*; Reychman.

⁶ Reychman.

⁷ Baranowski, str. 80—82; Szczotka, str. 153; Reychman.

Ружана, Визны, а также упоминаемое Рейхманом и Щепанским движение на Курнях?¹

9. На чем основывается описание заключительной фазы восстания в Великой Польше — подавление восстания без решающей битвы, боязнь шляхты, что восстание возобновится, изменение ситуации лишь при известии об исходе битвы под Берестечком и о казни Наперского?²

10. Какие источники использовал в своей статье о восстании в Великой Польше Л. Гомолец, сообщая, в частности, сведения о том, что одним из районов восстания были Вронки, указывая число разгромленных крестьянами шляхетских усадеб, характеризуя социальный состав участников восстания, описывая вооружение крестьян?

Из этого неполного перечня (мы внесли в него лишь те данные, которые бесспорно опираются на еще не опубликованные источники) видно, насколько многочисленны эти источники и как важны сообщаемые ими сведения.

При дополнительных поисках источников следовало бы учесть, что, судя по ссылкам Щенного Моравского, материал, относящийся к восстанию в Подгалье, содержится не только в использованном А. Пшибосем 79-м томе краковских гродских реляционных книг, но и в 80-м и 81-м томах. Моравский, кроме того, ссылается не только на бечские книги, но и на санецкие, мушинские, новотаргские, а также бардыевские. Следовало бы вновь внимательно просмотреть рукописи Моравского (Oss., 4459 — 4463). Среди них могут оказаться выписки из несохранившихся архивных документов. Сыганский³ ссылается на рукопись Краковского архива древних актов № 2035. Возможно, впрочем, судя по перечисляемым документам, что речь идет о рукописи Пиноци, хранящейся в настоящее время в этом архиве под № 363. Среди использованных Сыганским документов заслуживают внимания санецкие книги расходов.

Целесообразно было бы опубликовать полное описание рукописи Жсготы Паули (Ягеллонская библиотека, № 5426), представляющей, как об этом свидетельствует сборник материалов, изданный А. Пшибосем, чрезвычайно ценное собрание документов.

Перейдем к некоторым поправкам к опубликованным в сборнике документам.

В рукописи Oss. 225/II Львовской библиотеки Академии наук УССР наряду с другими документами, воспроизводимыми ниже, приведены письмо из Кракова от 18 июня 1651 г. (Пшибось, документ № 12), письмо Гембицкого Сметанке от 20 июня 1651 г. (документ № 16) и универсал Наперского от 22 июня 1651 г. (документ № 18).

Текст письма из Кракова от 18 июня в рукописи № 225/II (стр. 378—378 об.) ближе к тексту в публикации А. Грабовского (*Ojczyste spominki*), чем к тексту в сборнике А. Пшибоса, хотя в основу обоих изданий легла одна и та же рукопись Пиноци. Помимо менее значительных различий, отметим, что в рукописи № 225/II пишется *Gostawskiego*, а не *Goślawskiego*; *Chmiela*, а не *Chmielnickiego*; *pleban szafłarski*, а не *Szewdarski*. Отличается от приведенного в сборнике Пшибоса также и текст фразы: *uwolnić was wszystkich obciążę od ciężarów i robocizny, na samych tylko czynszach będziecie*. В фразе *ześliliśmy się do Ks. biskupa krakowskiego* последнее слово отсутствует. Вместо *consilium aby fortelu zażyć* в рукописи № 225/II стоит: *conclusum, żeby* и т. д.

¹ Baranowski, str. 75; Reychman; Szczepański. *Kłęska i chwala powstańców*.

² Baranowski, str. 74; Szczotka, str. 146.

³ Sygański. *Historia Nowego Sącza, Lwów, 1901, t. I, str. 80.*

rejmencat wat, da wazge wan ne wty chin gajronelg. O.
be emie prorypa KMi, wrcelhu wotkow, tyn prorypam
koryp camie scie prorypam byda, y dawony kachelne Ma.
ste y to wtyphi co uctwch w nich castagacie y wrcen
sami sz chuzie tary wrcelhu niewoli wply, kiedy oras
maue, mazy h. on gras wai werc obmase do osterka, lypny
ze wy ich jani obmase, wrc sz was dotyc na moudowali.
aiz Bankowce, ce taz wrc glos pla orcyph was o konsty
na nich do Boga wota. Procto od piraige wrc drugi war
Mbaan Rektorowi tar Unwersat byda wam, prystro
gaige y wrcy, abyrie (cicho nam ca Ciastis do KMi)
ce dawny Unwersaton, chosby z Bawozig y rzyh KMi
byty, wrcy me dawali; gdyrc ce musi wyjac bryge sz
kachtu. eble my orcyph co many orcyph cako nauzy
drey, y na S. Jan prydawny, jed kachow, wrcen tar ca
wrcy drey prydawny Unwersaty do chlowon, koryp sz
achotne slawo, y w Nowotaryska Bankowce wrcy rzyh
B. kachowan kachowatek kachowatek wrcy, wrcy pro.
sz abyrie prycer Nowotary ydne Mba. Zbawowshiego
me wrcy, y wrcy wrcyphi ch wrcen, w kachowch oba orcyph
na wrcy ch wrcen, kachowon cakra prycer abyrcan, ce
byla obmase, gdyrc o B. Boga, y kachowidz kachow, y
o me prycer cawotwo KMi wrcen wrcy, Jan w
Bawozigie d. 22 Juny 1651.

(L.S)

Wan idro wa dobre yporlary

Alexander Leo z Kelenberka
Kostka kachowca Cawozig
Mba

Copialistu P. Pawlczu do Kcia P. Hetmana
Pobielich z Babicz d. 24 Juny, 1651

Za kachow Boga nauzyrigo kachowidz prycer

В письме Гембицкого от 20 июня (стр. 378 об.—379) имеется лишь одно заслуживающее упоминания разночтение: после *ad primum nuntium poslani ludzie* стоит *moi*.

Текст универсала Наперского от 22 июня, содержащийся в рукописи № 225/II (стр. 400—400 об.), ближе к рукописи Пиноцци, чем к рукописи Освенцима, в нем в большинстве случаев налицо варианты, приводимые проф. Пшибосем в скобках (а, с, d, f, h, i, j). Кроме этого, встречаются следующие отличия: *oznajmujac wszystkim wprzód wolą Bożą*; отсутствует второе *będa* в фразе: *przy nim stać będą i będą dwory* и т. д.; *z tej ciężkiej niewoli*; в т.ч. *abyście* (jako mam in commissis od KMci) żadnym uniwersałem, choćby z pieczęcią y ręką KMci były, *wiary nie dawali*, *gdyż te musi wydać* и т. д.; *Jużem też ia wszędzie poroszytał*; *aby zawsze była* оборона, *gdyż o P. Boga* и т. д. Перед подписью стоит: *Wam zdrowia dobrego życzyłwy* (см. также рукопись Голинского, с некоторой перестановкой слов). Приводимый в рукописи Голинского рисунок печати подтверждается рукописью № 225/II, где в конце документа стоит в овале L. S. (т. е. locum sigilli). После подписи (так же как в рукописи Голинского) стоит *mp* (т. е. manu propria).

Поскольку мы коснулись вопроса о печати на универсале Наперского, позволим себе, отвлекаясь несколько в сторону, высказать предположение, что литеры ANDS (на рисунке печати в рукописи Голинского) следует расшифровать Alexander Napierski de Sztemberk. Это является, на наш взгляд, еще одним подтверждением того, что действительная фамилия автора универсала была Наперский, а фамилия Костка, отсутствующая на его личной печати, была принята им непосредственно при организации восстания. Допускаем, что D на этой печати может расшифровываться также как Dąbrowa.

При просмотре фотокопии рукописи Голинского было обнаружено, что в опубликованной проф. Бардахом расшифровке допущены некоторые ошибки. Отмечаем важнейшие из них, ссылаясь на текст, помещенный в сборнике Пшибося.

На стр. 491 рукописи Голинского (Пшибось, стр. 103) в фразе: *który się pisał Aleksander Leo Napierski z Sztemberku Kostka* пропущено *Napierski*. На той же странице (Пшибось, стр. 104) следует читать не *rodzic jest...., a rodzic jego...* Это место, особенно, если учесть контекст, свидетельствует о том, что Голинский знал показания Наперского о его происхождении, но не рискнул записать их. На стр. 492 (Пшибось, стр. 104) следует читать не *ale, że trzymał... arendę*, а *ale je trzymał przez arendę*. На стр. 493 (Пшибось, стр. 106) следует читать не *poszła ich czeladź dobijając*, а *dobywać*. Далее там же не *zafasował*, а *zatarasował*, не *licząc ich spalić*, а *chcac*. Фамилия Яроцкий всюду в рукописи пишется правильно *Jarocki*, а не *Jarecki*. Непрочитанная в рукописи фамилия капитана расшифровывается: *z kapitanem Robakiem*. Далее следует читать: *Jarockiego, co był z szlachty* и т. д. В фразе *bronił się Kostka dobrze* в издании пропущено *Kostka*. Вместо 35 000 следует читать 15 000. На той же странице (Пшибось, стр. 107) следует читать не *posłali ich do zamki*, а *posłali im*.

Неразобранные слова на стр. 494 (Пшибось, стр. 107) следует читать: *Jarocki pieniądze z szkatułą*. В фразе *przywiązali go do drabinek u kolasy* пропущены выделенные слова. Существенна ошибка, допущенная в расшифровке фразы (Пшибось, стр. 108): *ten wiele powiedział i bezmała*, вместо этого надо читать: *i bez męki*.

Необходимо обратить внимание на приводимое Моравским окончание текста стр. 494 рукописи Голинского (см. *Świątek boży*, стр. 216).

На стр. 501 рукописи (Пшибось, стр. 99) надо читать: *udałował, żeby i do Polski posli; Piotrkowa, żeby miasta* (выделенные слова пропу-

щены). Вместо *kupieły*, a *zamki*, *miasta* следует читать: *kupieły*, a *żeby* *miasta*. На стр. 502 (Пшибось, стр. 99) вместо *szpiegi*, *przepatrujące...* i *tych* *postrzelono* следует читать: *szpiegi*, *przepatruwać co zamierzali* i *tych* *postrzeżono*. На той же странице (Пшибось, стр. 84) фразу *ci stali na... rynku* следует читать: *ci stali na psim rynku*.

Помимо уже известных документов, рукопись Осс. 225/II Львовской библиотеки Академии наук УССР содержит еще три документа, относящиеся к крестьянскому движению 1651 г.

Мы приводим в приложении эти документы, а также два документа из рукописи Бавор. 235, документ из рукописи Осс. 1411/II, отрывок из рукописи «*Opisanie woyny kozackiey to iest buntów Chmielnickiego*» (Осс. 2098/II). Кроме этих документов, не публиковавшихся ранее в полном виде, мы печатаем также отрывок из дневника Иоганна Майера, опубликованного в 6-й части III тома «Архива Юго-Западной России» (Киев, 1908), не учитывавшийся в работах польских авторов о крестьянских движениях 1651 г., и один документ, опубликованный в 4-й части III тома «Архива Юго-Западной России» (Киев, 1914), до сих пор не привлекавший внимания исследователей, несмотря на свою бесспорную ценность. Издания, в которых опубликованы эти два источника, представляют уже в настоящее время библиографическую редкость, что оправдывает их перепечатку.

В приводимых текстах полностью воспроизводится правописание подлинников. Мы внесли только некоторые коррективы в отношении пунктуации и отказались от употребления прописных букв в тех случаях, когда в рукописи они проставлены явно без основания. В рукописях Осс. 255/II и Бавор. 235 почти полностью отсутствуют диакритические знаки; в тех немногих случаях, когда они проставлены, это воспроизведено в тексте.

Мы не предполагаем здесь подвергать приводимые документы анализу и ограничиваемся лишь некоторыми краткими пояснениями к ним.

Письмо из Нового Тарга от 14 июня 1651 г. принадлежит, по видимому, шафлярскому ксендзу, упоминаемому в письме неизвестного из Кракова от 18 июня 1651 г. (см. Пшибось, стр. 20). Этим можно, в частности, объяснить неожиданное употребление слова «*tam*» по отношению к Новому Таргу вместо «*tu*». Это обстоятельство, так же как и упоминание о Новом Тарге без названия, а именование его просто «*miasto*», не может вызвать удивления, если считать, что его автор — житель расположенного близ Нового Тарга села Шафляры.

В фразе «*teraz już w mieście mieszka*», вероятно, пропущено переписчиком отрицание — «*nie mieszka*».

Упоминаемый в письме староста добчицкий — Михаил Иордан, руководитель первой экспедиции, направленной краковским епископом Гембицким для отвоевания Чорштына.

В этом письме, представляющем интерес во многих отношениях, мы считаем необходимым обратить внимание читателей прежде всего на тот факт, что еще до захвата Чорштына Костка Наперский заявлял, будто он имеет привилей на Чорштынское староство. Из письма явствует, что о деятельности Костки Наперского краковский епископ Гембицкий имел сведения задолго до начала открытого восстания. Окончательно выясняется до сих пор запутанный в литературе вопрос о дате взятия Чорштына Наперским. Разъясняется нечетко освещенная в некоторых работах роль новотаргского подстаросты Здановского.

Автором неподписанного письма из Кракова от 25 июня 1651 г. является несомненно Петр Гембицкий. Поскольку в письме содержится просьба поставить о сообщаемом в известность королеву, очевидно, что письмо

направлено в Варшаву. Как видно, в первом сообщении о взятии Чорштына командиры епископских войск упомянули о численности гарнизона Чорштына, но умолчали о заключенном соглашении, предусматривавшем свободный роспуск осажденных при условии выдачи Наперского и Лентовского. Вероятно, на основании этого сообщения Гембицкого папский нунций Торрес доносил 1 июля 1651 г. из Варшавы о взятии Чорштына и об отправке Костки с 45-ю иными казаками в Краков.

Упомянутый в письме от 26 июня 1651 г. из-под Берестечка пан Сокол, ротмистр казацкой хоругви в королевском полку, был, очевидно, в последний момент отозван из состава экспедиции, так как Освенцим упоминает его в числе раненых в боях под Берестечком 4 июля 1651 г. Следует напомнить, что сам Освенцим был участником экспедиции, посланной на подавление восстания в Подгалье, и поэтому его утверждение, что Сокол оставался под Берестечком, не вызывает сомнения.

Заголовок, данный в рукописи шляхтича Куницкого (Бавор. 235), письму от 7 июня 1651 г., разумеется, неудачен: в Великой Польше находились не только те урядники Калишского воеводства (Анджей Твардовский, Ян Вавровский и др.), которые допрашивали Колаковского и от которых исходит это письмо, но и сам познанский епископ. Сведения, сообщенные в этом письме, очень близки к данным приводимых в дневнике Освенцима писем от 4 и 7 июня 1651 г. Обращает внимание сообщение о захвате нескольких «возмутителей», между тем как еще 5 июня (см. допрос Колаковского—Чаплинский, стр. 84—90) был захвачен только один Колаковский. Не упоминались в других документах и братья Бжозовские.

«Письмо, писанное с Подгорья» не имеет даты, но, судя по содержанию, оно написано между 20 и 24 июня 1651 г. Сходство отдельных выражений этого письма и письма из Нового Тарга от 14 июня 1651 г. дает основание полагать знакомство с ним автора «письма с Подгорья». Представляет интерес решительная оценка результатов первой попытки епископских войск отвоевать Чорштын — «ich chłopstwo rozgromiło i rozproszyło». Письмо было записано Куницким по горячим следам: заключительная приписка «роішапо у скагапо» сделана другим почерком и чернилами другого цвета, такими же, как в более поздних записях.

Оба документа, публикуемые по рукописи Бавор. 235, записаны также в рукописи XIX в. (Осс. 2286/II). Наличие в ней пометки «роішапо у скагапо», явно принадлежащей Куницкому, доказывает, что копировка производилась с рукописи Бавор. 235.

Отрывок из «Описания казацкой войны» по трактовке подгальского восстания близок к поэме С. Твардовского «Woјna domowa», однако содержит некоторые данные, отсутствующие у Твардовского. Интересна оценка роли в восстании Станислава Лентовского.

Дата записи в дневнике Иоганна Майера (3 июля) дана по старому стилю, общепотребительному в Швеции в XVII в. Это подтверждается записью в дневнике под датой 26 июня о том, что королева получила сообщение о результатах битвы под Берестечком. Таким образом, рассказ нешавского таможенника о подгальском восстании следует датировать 13 июля. Тем не менее с учетом и этой поправки есть все основания констатировать чрезвычайно быстрое распространение известий о подгальском восстании вплоть до весьма отдаленных от района восстания областей Польши.

Последний из приводимых нами документов — жалоба ротмистра Стефана Гембарта на «бунтовщиков» из местечка Глогов — особенно интересен потому, что выступление глоговских мещан произошло значительно позже битвы под Берестечком — в канун дня св. Якова, т. е. 24 июля.

1. Copia listu z Nowego Targu de data 14 Iuny 1651(Oss. 225/II, str. 377—378)

377 Nowiny nie bardzo wesołe oznaymię WMci. Ziawił się tam iakiś Alexander Leo z Sztemberku Kostka, który tam w Nowym Targu krolewskie ukazując listy bawi się iusz przez kilka niedziel, rozne dając swego mieszkania przyczyny. // Raz powiada, że od Krola JMci iest tu zesłany na to, aby się wywiadował, iezeliby iakiego niebiespieczenstwa nie było od Xcia Rakocego, z tym się tesz dał słyszec, że ma 16 tysięcy gotowego woyska na zawołaniu, kiedy tego potrzeba będzie. Udaie y to, że ma priuilegium na Czorstynskie starostwo, owo zgoła roznie tam prostym ludziom mydli oczy, tak dalece, że się ledwie postrzec mogą. Bo iusz u P. Podstarosiego względem tego, że się odzywa sługą Krola JMci, iest w wielkim poszanowaniu, a interim rozne factie między pospolstwem robi y chłopcy buntuie, y ma iusz loznych zaciągnikow do 30 po harniczku, między ktoremi iest naznacznieczy nieiaki Pawełek, który ode wsi do wsi biegaiać comput czyni chłopow, do rebelliey ich prowadząc. Teraz iusz w miescie mieszka, ale na wsiach się bawi za Nowym Targiem, quid agit, quid molitur trudno wiedziec, ex fructibus eorum cognoscitis eos. Piękne y pozorne fructus, kiedy się dał z tym słyszec, że ma y od Chmielnickiego priuilegium, y chłopcy iusz do dworu chodzą, radząc się, co mają czynic, powiadaiać się ze nas ten niemiec imieniem Krola JMci namawia, abysmy rebellią podniesli przeciwko Słachciey Panom. Szofłtysik z Sieniawy confessus, że mu ten supranominatus mowił, przystan do mnie, bo ta iest wola KJMci. Zebrawszy się nas kilkanascie tysięcy poydziemy na dwory slacheckie y plebanow bogatych, wszak wiecie, iako się dobrze powiodło na Ukrainie, że to tam ubodzy chłopkowie byli, a iako się zbogacili, tak tesz y wam się powiedzie za Bożą pomocą. Takie tesz przegrozki czyni, w dwóch niedzielach obaczycie, co się dziać będzie. Owo zgoła nic dobrego nie myśli. Nie wiem, iakim sposobem dowiedział się JMXdz Biskup Krakowski sam o nim y pisał do mieszczan, o czym się bawi, oni iako prostacy, nie wiedząc zley intentiey // iego, 378 odpisali, że nie wiedzą o niczym, bo ieszcze tych znakow po sobie nie pokazował, frigidus latebat in herba anguis. Uchoway nas Christe Jezu, by na nas nie zawołano: fugite o pueri, gdysz podawa prostemu ludowi ad tratinandum pogodę teraznieyszą, mowiać, że Słachty nie masz. Dwory będziemy łupic, plebanie bogate (Koscioly ieszcze excipue) ale podobno y tym by się dostało, czego nas zachoway Boze. P. Podstarosci Nowotarski z tymi nowinami miał posłać do P. Starosty Dobczyckiego, ale po prostu timet sibi periculum od tych rebellizantow, mnie prosił o to, abym to JMci oznaymił. Więc ia za tą okazyą list ten diriguię do WMMPa, a WM. znioszy się z JMP. Starostą według swego doyrzałego rossądku huic malo za wczasu raczie WMc occurere. Juzem był list napisał, az mi nowinę przyniesli, iż ten supranontus Czorstynski zamek odiał Zydow y osadził go swoią kompanią niepewną. Dla miłosci Bozey, na cos się tam złego zanosi, bo mu tam wszyscy fawuią y boią się go, racz to WMc oznaymic JMP. Staroscie. To iusz certissimum, że zamek Czorstynski opanował y zaraz armatę kazał chędozyc, opatrowac y gotowac, talia patrare iezeli moze de licentia Superioram wiedziec nie mogę, gdysz się wszytko z przywileiami chwali krolewskimi dla czego by trzeba ostroznie te iego haeroica facinora rostrzasnać, a idzie tesz o mnie, bo ia sam z nim pięknie zyię, zeby się nie dowiedział y chęć z niego wyczerpnąć intentum iego, ale zadnym sposobem nie mogę, bo astulestimus.

2. De data z Krakowa die 25 Juny 1651 (Oss. 225/II, str. 379)

Po napisaniu listu mego dano mi znac od Czorstyna, ze dnia wszoray-szego o południu zamek Czorstynski wzięty, prowadzą mi tego łotra ze 40 pomocnikami y herstami, z ktoremi sie był zawarł na Czorstynie; A to P. Bog pobłogosławił, ze ten ogien in principys został benedicente Dño za przyczyną Naswiętszey Panny felicitate KJMci, a mea celeritate ugaszony, co raz WMc Krolowey JMci opowiedziec. Dñus concedat Principi maiorem contra hostes felicitatem vt illis co tym eueniat.

3. Copia listu z obozu za Beresteczkiem de data 26 Juny 1651 (Oss. 225/II, str. 383—384v)

... JMX Krakowski pisał tu do JKMci, prosząc o subsidium przeciwko ³⁸⁴ tamtym podgorskim rebellizantom. Zaczym JKMc dwa tysiąca ludzi poszła w tamten kray, zleciwszy regiment nad nimi JMP Miecznikowi koron., przy którym P. Sokoła wyprawiono. P. Koniuszy koron. także y Pan Starosta Sądecki tey okazyey obrony Krakowa nie opuscili, y ludzmi swemi w tymze compucie dzis wychodzą...

4. Die septima Junij z Wielgiey Polskiew od tych urzedników, ktorych pod czas Pospolitego ruszenia przy domu dla rządu zostawiono, do JMX. Poznanskiego przysły te wiadomosci: (Bawor. 235, str. 64v)

W niecnocie swoiey, okrucienstwie y złości zazarty Chmiel, aby y imie lackie s pamiątką wykorzenił, niemaiąc dosie na tym, ze tak wielgie woiska s poganstwem ślączywszy, przeciw Krolowi Panu swemu stawil, ale tesz w głębine korony y po wszyszkiew koronie, aby gdy ludzie slachecci z domow swoich ruszą sie, miasta, wsi, dwory palili, poddanych przeciw Panom buntowali, y na zniesienie ich zapalali, dwa tysiąca łotrow na te złą, niecnotliwą sposobil robote, rozkazawszy iednym po pielgrzymku, po xiesku, po białogłowsku, po zebracku ubirac sie. Ó to za łaską Bożą dostano kilku, ktorzy na mękach wszysztko wypowiedzieli y ledwie nie kazdego iaki by był opisali. Grzybowski nieiaki ma ich pod sobą No 80, Kula-kowski, trzech braci Brzozowskich y inszy slachty nie mało. Snać na boru Krolikowskim okopać sie ich miało iusz osmset, a mieisce naznaczyli sobie miedzy Słupią a Lindem. Trzeba ich iako naiprędzi gromic y zabiegać złemu, abys mi do ostatniego nie przysli upadku. Bo kiedy ich tu przestraszymy, pewnie y insze woiewodztwa będą sie miały na ostroznosci. Zaczym WMMPana o posilek iako moze byc nasporszy w tym tygodniu prosimy, a zeby tesz WMMP y inszym Ich Msem o tych niecnotliwych tego złego człowieka zamysłach oznaimil. Jusz u nas kilka młynow, gdzie wiedzili ze było co wziąć, spalili.

5. Z. Podgorza z listu pisanego (Bawor. 235, str. 65v — 66)

Nieiaki Alexander Leo Kostka subordinowany od Chmiela w Podgorzu ^{65 v} lud zbierał, ukazuiac Uniuersały KJMci, y pozwolono // mu w Nowotargu ⁶⁶ zbierac, gdzie 50 dobrego ludu zebrawszy ubiegl zamek Czorstynski na granicy Wegierskiew y zaraz armatę, ktora tam była, gotowac kazał, przyspobiwszy prochow miedzy chłopstwem. Chłopstwo, iakoby imieniem krolowskim, pobuntował, aby teraz takich krzywd swoich od Panow dochodzili. JMc X. Biskup cummunicato consilio z drugimi wysłali do tego zamku sto koni, ale ich chłopstwo rozgromilo y rospruszeło. Znowu 500 ludu dobrze przygotowanego na dobywanie tego zamku posłano. Poimano y skarano.

6. Copia responsu na deliberatorias JKMcI od s.p. JMci Xdza Piotra Gembickiego Biskupa Krakowskiego Xcia Siewer. (Oss. 1411/II, str. 1283—1286)

1285 ...A wziąwszy in deliberationem podeyżraną Ottomanską przy-
 iazn, uczynic reflexionem na Miasto stołeczne Krakow, ktore tylko mil kil-
 kanascie od granicy Tureckiey lezy, zkąd nie dzielą nas tak wysokie Al-
 pes, zeby ich niełacno mógł penetrare nieprzyiaciel, tak podufali samsiedzi,
 zebysmy bezpieczenstwo tego mieysca viribus ich concredere mieli. Unizenie
 przeto Majestatu WKMcI proszę, abys fortifikacyą jego ordinibus Regni
 1286 mianowicie Woiewodztwu Krakowskiemu, ktore tu ad pignora Regni swoje
 tez carissima quoque wywozą, proponowac kazał. A za przykładem jego y
 insze Woiewodztwa poyda, // przynajmniey iedną miec zechce kazde dla sie-
 bie Fortecię. Więć y zamki pograniczne (ktore iako pod ten czas opatrzone
 były, iuż to WKMcI innotuit) aby in posterum lepiey opatrzone były, y
 Starostowie in casu periculi wedle prawa na nich rezydowali. Rem Securita-
 tati Reipbcae należąca rozumiem. . . . Dat. Cracoviae die XXV augusti 1651.

7. Opisanie woyny kozackiey to iest buntow Chmielnickiego (Oss. 2098/II)

55 ▽ Gdy iuż był krol w podroży, oznaymił mu Piotr Gembicki Biskup Kra-
 kowski o usmierzonym tumultie, ktory się był wszczął z takiej przyczyny.
 Nieiaki Napirski, nazwawszy się prze/z/wyskiem sobie nienależytym w Pol-
 szcze znakomitym Kostko, podobno z namowy Chmielnickiego, chłopow w
 gorach poczoł buntowac y zebrawszy ich czterdziestu Czorstyn, zamek o
 dwanascie mil od Krakowa będący, na gorze wysokiey przy Dunaju leżący
 dość obronny, żyda tylko w nim arendarza zastawszy, opanował, potym
 wszędy przez rozesłanych hułtaiów po Podgurzu y po nad granicą Węgie-
 rską rozgłosić kazał, że po to przyszedł, aby iak Chmielnicki na Ukrainie,
 tak on w Polsce ludzi od szlacheckiey niewoli y żydowskiego uciemień-
 żenia uwolnił. Zdarzył się też mu takiż hultay iaki y on, ale przebiegłec
 ieszcze większy, ktorego marszałkiem swym uczynił. Ten, iako sam chłop
 tak też chłopstwu miły, wnet pospolstwo do buntow poburzył. Dowiedziaw-
 szy się Biskup Krakowski, ktoremu krol po wyściu pospolitego ruszenia
 zlecil dozor bezpieczenstwa granic tamteyszych, o wzięciu zamku Czortyn-
 skiego y buntowaniu chłopstwa, posyła do Napirskiego dworzan swoich, py-
 tając się go, co to on robi, z czyiego rozkazu y na iaki koniec. Odpowied-
 ział: że iest od krola przysłany, aby pilnował granic do Węgiei, a że
 woysko z kozakami zabawne, kazał mu krol werbować ludzi na obroue
 onych y ordynans krolewski z wielką piecicią pokazował, ale go czytać
 niepozwalal. Biskup mając sobie polecone granice y dla obrony onych
 swym kosztem pięćset zaciagnął piechoty y od krola żadnego innego niemając
 rozporządzenia, a ten mieni sie bydz zesłanym od krola, chłopsiwo buntuie
 y do kupy sciąga, bez omieszkania każe isć ludziom swoim y onego, ieżeli
 niezechce dobrowolnie ustąpić z Zamku Czortynskiego, dobywać; lubo przez
 kilka dni z dział do zamku bito, nic to oblężonym nie szkodziło, iak zaś
 56 im wode odjęto, a do tego ieszcze się byli w // żywnosc nieopatrzyli; musie-
 li się na koniec poddać. Wzięto tego Napirkowskiego (sic!) y Marszałka
 iego y zaprowadzono do Krakowa, a tam obydwom przewrotne lby pou-
 cinano, a chłopow kyimy karano. Chmielnicki dowiedziawszy się o tych
 zaczynających się w Krakowskim woiewodztwie buntach, wnet to inaczey
 na swoje obrocił strone y rozgłosił po Ukrainie, że krol musiał się z woy-
 skiem wrucić do Polski, gdyż Rakocy wtargnąwszy do Polski Krakow iuż
 wziół, a tu na Ukrainie Hetman z małą bardzo garscią ludzi idzie...

8. Из дневника шведского гонца Иоганна Майера, возвращавшегося из Крыма через Польшу

Vnter dem Städtlein Niesczawa pernoctiret. Hie ersuchte mich der zollschreiber, ein alter bekanter freundt [. . .]. Er erzehlete mir von dem Kostka, newen rebellen in Ober Pohlen bey Krakaw, wie er schon bey dreyhundert man zusammen gehabt vnd daselbst sich in eine Starostey ins Schlösslein einlogiret, zum Crakowschen Bischoff Gembicken schreiben abgehen lassen, darinnen er vorgeben, der König hette ihm befohlen selber orth in acht zu nehmen, darumb bette er, das er ihm mit völcckern zu hülfte kommen möchte. Der Bischoff aber, der gar jüngst vom Könige schreiben erhalten hätte, wuste von der ordre gantz nichts und auch hätte ihm der König dessen nicht gedacht, darumb hatt er des Kostken bothen vffgehalten vnd inmittelst 400 dragoner vnd etzliche hundert kosacken nach der Starostey zugeschicket vnd selben newen Commendanten nebenst seinen vnterofficirern beym kopff nehmen vnd in verhaft legen lassen. Hatt bald bekant auch Chmielnicken schreiben vorgezeiget, darin er ihm starck anmahnet, er soll auch eben, wie er in Vkraynen gethan, die pawren an sich benommen vnd sich des Ober Pohlens bemechtigen, sie könnten durch dieses mittel eben solche freye leute werden, wie sie jetzo in Vkraynen wären.

9. Из гродских книг Владимира Волынского

Року тисеча шестсотъ пятьдесят первого, месеца августа чотырнадцатого дня.

На врьде кгородскомъ, в замку его королевское милости володимерскомъ, передо мною, Станиславомъ Лыховским, буркграбим замку володимерского, и книгами нинешними кгородскими старостинскими, становшы очевисто, урожоный его милост панъ Стефан Кгембарть, скарбник добринский, ротмистръ его королевской милости, соленнемъ занесль протестационемъ напротивко бурмистрови, райцомъ и всему посполству местечка Кглокгова, в воеводстве Сендомирскомъ лежачого, державы на тот час ясьне освещеного кнежати его милости Владислава Доминика на Острогу и Заславию Заславского, граби на Тарнове, воеводы краковского, луцкого старосты (зоставуючи себе волную номинацию часу права де номине ет когнгоmine помененых райцовъ и мешчанъ кглокговских за взятем ведомости) о то, иж кгда в року тепершнемъ, тисеча шестсотъ пятьдесятъ первомъ, протестансь, высланный будучи з обозу з под Берестечка, за волею и росказанем его королевское милости и его милости пана краковского, на усмирене тумультовъ и буньтовъ в воеводстве Краковскомъ, од людей свовольных, до купы згромажоных, вшчинаючих се, посполу з его милостю паномъ мечъником короннымъ, з людми, на услуге его королевское милости и Речи-Посполитое будучими, там бывши, по ускроменю и усмиреню тых бунтовъ и тумультовъ хлопских, знову з тамтых краев, за ординансомъ и универсалом горячих его королевское милости, назад з тымижь людми, под реиментом своим будучи, до войска въ Украину поворочал, где идучи и спешахисе дорогою и гостинцемъ звычайным, пришло му презъ местечко Кглокгов, которого минути трудно было, тамъже помененые мешчане и хлопы кглокговские, не ведати, зъ якое причины и оказии, побунтовавшисе, ипса темеритате фрети и гостинца звычайного боронячи, кгда протестансь зъ хорогвою и людъми своими, ин вигилиа санкти Якоби апостоли, хтел тилко пройти презъ тое местечко, тягнучи далей на ночлиг до Соколова, тамже они, брамы местечка своего позамыкавъшы, не оглядаючисе ничого на право посполитое, и вины в немъ описаные и на секурита-

тем публикамъ, которая, яко каждому, по-готовую людемъ войсковымъ, на услугу Речи-Посполитое идучимъ, дебатуръ, яко на неприятелей яких, з розное стрилбы зъ паркановъ и баштъ стреляти почели; и любо были од протестанта амикабилитеръ упомяныс, абы того стреляня и тумультовъ понехали, а спокойне презъ местечко свое гостинцемъ звычайнымъ людей его королевское милости пропустили, на тое ничого не дбаючи и не респектуючи, кгда се протестансъ зъ хорогвою и людьми своими ку браме и местечку зближил, людей невинных, покоемъ посполитымъ обезпеченных, наперед хоружого, который хорогов несль, шляхетного Ерого Меншку в колино правое ноги пострелили смертелне, же од того пострилу в дорозе зостати мусел, и Панъ Богъ то ведаеть, если живъ будетъ; до того и инших дракгановъ килканадцети шкодливе и смертелне пострелили, которые и до тыхчасъ ешче не могутъ се вылечити зъ тых пострелов своих, яко то на особнымъ реестре имена их, такъже раны и пострилы их в обдукции будут спецификованы; коней десятокъ на смерть позабивали, которые одни под брамою зостали, а другие в дорозе поздыхали, же протестансъ так в людех, яко и въ коняхъ, зъ хорогвою своею, таковой шванкъ несподиваный однесши, мусил с тамтол уступить и милю ажъ кгволи по болотам и злым переправам обезджати. Которымъ таковымъ злымъ и непристойнымъ поступком своимъ поменены мешчане кглокговские, яко кгвалтовници ет дисперкуссоресъ страте публице, въ вины правные криминальные горловые попали и оные на себе зотягнули, о которые протестансъ, зоставуючи собе салвамъ мелиорационемъ тое протестации, еслибы того потреба была, юре медиантъе поступити зъ ними оферовалъсе; а на верификацию тое протестации своее просил мене, уряду, о придане возного на огледане ранъ, пострилов людей своих, которые од тых мешчанъ постреляные суть. Якож ексъ официо придалемъ возного шляхетного Миколая Быхновского, который, маючи при собе сторону шляхту, людей добрых, шляхетных пановъ Яна Забилского и Войтеха Чаховского, дня теперешнего, выжей на акте менованого въ госпode протестантис, тут, в Володимери, тые разы и пострилы видил и огледал; наперед у шляхетного пана Томаша Марчинского видил пострил зъ ручницы пташое зъ тылу перъ клюне цирка ишьсумъ сецесумъ, же куля на вылетъ вышла, од которого пострилу и до тых часъ ешче се не вылечил; у тогож пострил в раме правое руки шкодливый; знову зась у Аньтонега Кременецкого пострил зъ правого боку пенесъ умбиликумъ куля на вылетъ вышла; у шляхетного пана Бартоломея Браванта подхурожого пострил през горло зъпереду помияючи кгардел на вылотъ куля вышла; у шляхетного Гендрика Ленера палец сказуючий у левое руки презъ клыкоть простреленый и окаличоный; у шляхетного Андрея Кгонкгалъского пострил презъ удо кули добыто и назад вытягнено зъ костий; у шляхетного Станислава Кгрибовского рука ливая выжей писти на вылет протрастлена кулею. Которые разы, раны и пострилы поменены возный оглядавши зъ помененою шляхтою, а же то тые пострилы заданые сут од выжей менованых мешчанъ кглокговских, часу и способомъ въ протестации выжей меноваными, достатечные слышавши, о томъ на въраде зознал свою реляцию. И просил выж менованный протестансъ, абы так тая протестация его, яко и возного реляция, до книг принятыс и записаныс были,— што на аффектацию свою отримал.

У тое протестации подпись руки тыми словами: Stephan Gembarth, skarbnik ziemi dobrynskiey, j.kr.mci capitán, manu propria.

Што все для памяти до книг нынешних естъ записано.

П Е Р Е В О Д

1. Копия письма из Нового Тарга от 14 июня 1651 г.

Не очень веселые новости сообщаю я Вашей милости¹. Появился там некий Александр Лео из Штемберка Костка, который там в Новом Тарге находится уже несколько недель, показывая королевские грамоты и приводя разные объяснения причин своего пребывания. Раз заявил, что послан сюда его величеством² королем с тем, чтобы выведывать, нет ли какой-либо угрозы от князя Ракоци, при этом сообщил, что имеет готовое войско в 16 тыс. человек, которое призовет, когда это будет нужно. Говорит также, будто имеет привилей на Чорштынское староство и вообще разными способами до такой степени задурманил там головы простым людям, что они едва могут опомниться. Ибо он уже у пана подстаросты, благодаря тому, что именуется слугой е. к. в., в большой чести, а тем временем среди простого народа он создает разные заговоры и бунтует крестьян и имеет уже до 30 бродяг-вербовщиков среди гарников, а из них наибольшее значение имеет некий Павелек, который, бегая от деревни к деревне, организует заговор, привлекая крестьян к мятежу. Теперь он уже в городе [не] живет, но проводит время в деревнях за Новым Таргом. Что делает, что предпринимает, трудно дознаться, по плодам этих дел узнаем их. Хорош и привлекателен будет плод, коли дал случай знать, что и от Хмельницкого имеет привилей, крестьяне уже ходят в усадьбу, советуются, что им делать, говоря, что нас этот немец именем е. к. в. убеждает, чтоб мы подняли мятеж против панов-шляхты. Солтысик из Сенявы признался, что ему этот вышепоименованный говорил: присоединись ко мне, ибо такова воля е. к. в. Когда нас соберется более десяти тысяч, пойдем на усадьбы шляхетские и богатых плебанов; ведь знаете, как хорошо пошло дело на Украине, что были нищими мужичками, а как обогатились, так же и у вас будет с божьей помощью. Еще так угрожает: через две недели увидите, что будет делаться. В общем ничего хорошего не замышляет. Не знаю как е. м. краковский епископ сам о нем узнал и писал мещанам, зачем он там находится. Они же, простаки, не зная его злых замыслов, ответили, что ни о чем не знают, ибо он еще не показывал о себе этих примет, говорящих о страшной опасности. Упаси нас, Иисусе Христе, чтоб нам не услышать клича: бегите, рабы! А ведь он втолковывает простому народу нынешние благоприятные обстоятельства, говоря, что шляхты ведь нет. Усадьбы будем грабить, плебанов богатых (костелы пока еще исключает, но надо полагать и им бы досталось), от чего упаси нас боже. Пан подстароста новотаргский собирался послать сообщение об этих новостях пану старосте добчицкому, но попросту боится этих бунтовщиков, просил меня, чтобы я сообщил это е. м. По этой причине я посылаю это письмо в. м., а в. м., снесясь с е. м. старостой, соблаговолите сообразно своему зрелому разуму принять заблаговременно меры против этого зла. Я уже написал письмо, как мне сообщили, что этот вышепоименованный отнял у евреев Чорштынский замок и занял его своею сомнительной компанией. Боже милостивый, там что-то злое готовится, ибо к нему все там расположены и боятся его, соблаговоли, в. м., сообщить об этом е. м. старосте. Это уже совершенно достоверно, что он захватил Чорштынский замок и сразу же приказал чистить пушку, обеспечить [боеприпасами] и готовить. Что

¹ В дальнейшем выражение — ваша милость, его милость — передаются сокращенно — в. м. и е. м.

² В дальнейшем сокращенно — е. в. или е. к. в.

дальше будет, по воле божьей, не могу знать, ибо он все хвастает королевскими привилегиями, поэтому нужно было бы осторожно разведать его подвиги. Речь идет также и обо мне, чтоб не доведался, ибо у меня с ним прекрасные отношения и я хочу выведать у него его планы, но никак не могу, ибо он весьма хитер.

2. Из Кракова от 25 июня 1651 г.

По написании моего письма мне сообщено из-под Чорштына, что вчера в полдень Чорштынский замок был взят, этого преступника с 40 помощниками и атаманами везут ко мне. Это благословение божье, что этот огонь в зародыше удалось, по милости божьей, угасить, причиной чему благоволение пречистой девы к е. к. в. и моя поспешность. О чем соблаговоли в. м. сообщить е. в. королеве. Соизволил господь послать государю большую удачу в борьбе с врагами, как оказалось в данном случае.

3. Копия письма из лагеря за Берестечком от 26 июня 1651 г.

Отрывок

...Е. м. краковский епископ писал е. к. в., прося о помощи против тех подгорских мятежников. В связи с этим е. к. в. посылает в тот край две тысячи человек, поручив командование над ними е. м. коронному мечнику, с которым направлен пан Сокол. Пан конюший коронный и пан староста сандецкий не пропустили этого случая оборонять Краков и сегодня выходят в составе этой экспедиции со своими людьми...

4. Седьмого июня из Великой Польши от тех урядников, которых оставили на месте для управления во время посполитого рушения, пришли е. м. познанскому епископу следующие известия:

Закоренелый в своих пороках, жестокости и злобе Хмель для того, чтобы и самое имя ляшское и память о нем искоренить, не довольствуясь тем, что столь огромные войска выставил, объединившись с язычниками, против государя своего короля, снарядил две тысячи проходимцев, чтоб они также в глубине Короны и по всей Короне, когда шляхтичи двинутся из своих домов, поджигали города, деревни, усадьбы, бунтовали крепостных против панов и подстрекали их уничтожить. Приспособив этих проходимцев для этой бесчестной работы, он приказал им одеться одним в одежду пилигримов, [другим] ксендзов, женщин, нищих. По божьей милости захвачено их несколько и они на пытках обо всем рассказали и едва ли не каждого описали. Некто Гжибовский имеет их восемьдесят под своей командой, Кулаковский, три брата Бжозовских и других шляхтичей немало. Якобы в Круликовском боре их должно было уже укрепиться 800 человек. Назначили себе место между Слупью и Линдом [правильно — Лёндом]. Надо их чем быстрее громить и предотвращать зло, чтоб мы не дошли до полного упадка. Если мы их здесь устроим, то, конечно, и другие воеводства будут остерегаться. В связи с чем просим в. м. о возможно большем подкреплении на этой же неделе, а также, чтобы в. м. и других их м. осведомили об этих бесчестных замыслах этого злого человека. Уже у нас сожгли несколько мельниц, где знали, что есть, что взять.

5. Из письма, писанного с Подгорья

Некто Александр Лео Костка, по поручению Хмеля, собирал народ в Подгорье, показывая универсалы е. к. в. И ему было позволено собирать в Новом Тарге, где он, собрав 50 человек, захватил Чорштынский замок на венгерской границе и сразу же отдал приказ готовить пушку, которая там была, раздобыв пороха среди крестьян. Крестьянство якобы королевским именем взбунтовал, чтобы сейчас добивались расплаты за свои большие обиды от панов. Е. м. епископ, снесшись и посововетовавшись с другими, послал к этому замку сто конных, но их крестьяне разгромили и рассеяли. Вновь 500 человек, хорошо подготовленных, послано отвоевывать этот замок. Пойман и понес наказание.

6. Копия ответа на пропозицию е. к. в. от е. м. покойного краковского епископа и северского князя Гембицкого

Отрывок

...А размыслив относительно сомнительной оттоманской приязни, следует обратить внимание на столичный город Краков, лежащий менее чем в двадцати милях от турецкой границы, где нас отделяют не высочайшие Альпы, которые нелегко было бы перейти неприятелю, и где не столь добрые соседи, чтоб им можно было доверить безопасность этого города. Поэтому униженно прошу е. к. в., чтобы приказал предложить сословиям, особенно Краковскому воеводству, которое также сюда под королевскую охрану вывозит свои драгоценности, заняться фортификацией города. А за его примером и другие воеводства пойдут и захотят иметь каждое для себя по крайней мере одну крепость. А также и пограничные замки (а в. к. в. уже известно, как они теперь были обеспечены), чтобы в дальнейшем были лучше обеспечены, и старосты, согласно закону, находились бы в них в случаях опасности. Считаю этот вопрос относящимся к обеспечению безопасности государства...

Дан в Кракове 25 августа 1651 г.

7. Описание казацкой войны или бунтов Хмельницкого

Отрывок

...Когда король был уже в дороге, сообщил ему Петр Гембицкий, краковский епископ, о подавлении бунта, который начался по такой причине. Некто Напирский, назвавшись непринадлежащим ему именем Костка (известный в Польше род), повидимому по наущению Хмельницкого, начал бунтовать крестьян в горах и, собрав их сорок человек, захватил находящийся в двенадцати милях от Кракова весьма укрепленный замок Чорштын, лежащий на высокой горе у Дуная [ошибочно вместо — Дунайца], застав в этом замке только еврея-арендатора. Потом всюду на Подгорье и над венгерской границей велел через разосланных бунтовщиков разгласить, что явился затем, чтобы, как Хмельницкий на Украине, так он в Польше освободить людей от шляхетского рабства и еврейского угнетения. Попался ему такой же, как он сам, бунтовщик, но еще более ловкий, которого он сделал своим маршалком. Тот, сам крестьянин, а поэтому и крестьянству любезный, сразу же побудил народ к бунтам. Краковский епископ, которому король после ухода посполитого рушения поручил охрану безопасности тамошних границ, узнав о взятии Чорштынского замка и побуждении крестьян к бунту, посылает к Напирскому своих

дворян, спрашивая его, что он делает, по чьему приказанию и для какой цели. Тот отвечал, что прислан королем для охраны венгерской границы, а так как войско занято с казаками, король приказал ему вербовать людей для обороны этой границы. Он показывал королевский приказ с большой печатью, но не позволял его читать. Епископ, поскольку охранять границы было поручено ему и он набрал для этого за свой счет пятьсот пехотинцев и поскольку он не получил от короля никакого иного распоряжения, [и вида], что этот, именуя себя посланцем короля, бунтует и собирает крестьян, без промедления приказал своим людям пойти к Чорштынскому замку и, если тот не захочет уйти добровольно, брать его силой. Хотя по замку несколько дней вели огонь из пушек, это не причиняло осажденным никакого ущерба; когда же их отрезали от воды, а к тому же они не обеспечили себя провиантом, им пришлось, наконец, сдаться. Этого Напирковского [так!] и его маршалка взяли и отвезли в Краков, а там обоих обезглавили, а крестьян наказали палками. Хмельницкий, узнав об этих начинающихся в Краковском воеводстве бунтах, сразу же переименовал это в свою пользу и оповестил на Украине, что король с войском принужден вернуться в Польшу, так как Ракоци вторгнулся в Польшу и уже взял Краков, а сюда на Украину идет гетман с очень малым числом людей...

8. Из дневника Иоганна Майера

(3 июля). У городка Нешава переночевали. Здесь меня пригласил давний приятель таможенный чиновник. [...] Он рассказал мне о Костке, новом мятежнике в Верхней Польше, под Краковом, где он собрал уже триста человек и обосновался там в старостве в замке; он послал письмо краковскому епископу Гембицкому, в котором сообщал, что король приказал ему охранять это место, поэтому он просит, чтобы он (Гембицкий) со своими людьми оказал бы ему помощь. Но епископ, который незадолго до этого получил от короля письмо, ничего не знал о подобном приказе и король ему на это даже не намекал; поэтому он задержал посланца Костки и направил к староству 400 драгун и несколько сотен казаков, и этого нового коменданта вместе с его помощниками захватили и арестовали. Вскоре стало известно, что он показывал также послание Хмельницкого, в котором тот его усердно призывал действовать так же, как он на Украине, созвать к себе бедняков и овладеть Верхней Польшей: они смогут, таким образом, стать такими же свободными людьми, какие теперь на Украине.

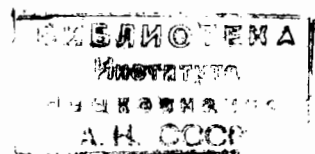
БИБЛИОГРАФИЯ¹

- Arnold St., Kostka Napierski, «Wieś», № 26 (308), 24 czerwca 1951.
 Baranowski B., Chłopskie ruchy społeczne w naszych dziejach (do końca XVIII w.), Warszawa, 1950.
 Baranowski B., Powstanie Kostki Napierskiego w 1651 r., Warszawa, 1951, 87 str.
 Rec: (Reychman). «Wierchy», Rk XX, Kraków, 1951;
 Sowiński A., Książka o Kostce Napierskim, «Nowa kultura», № 21 (61), 27 maja 1951.
 Szczepański J. A., Gdy Górale trzysta lat temu walczyli o wolność, «Trybuna ludu», № 114 (814), 25 kwietnia 1951.
 Bardach J., W 300-ną rocznicę powstania chłopskiego pod wodzą Kostki Napierskiego, «Nowe Drogi», № 3 (27), maj-czerwiec 1951.
 Bardach J., Powstanie chłopskie na Podhalu w 1651 r. pod wodzą Kostki Napierskiego, «Wiadomości historyczne», № 4 (18), wrzesień-październik 1951.
 Bohaterska walka, «Gromada», № 53 (235), 11 lipca 1951.

¹ В настоящий список входят лишь те работы, с которыми мы имели возможность ознакомиться.

- Czapliński Wł., Ruchy ludowe w roku 1651 (Wyniki badań, poprawki i uzupełnienia), «Przegląd historyczny», t. XLIV, zeszyt 1—2, Warszawa, 1953.
- Dobrowolski M., Powstanie Kostki Napierskiego, «Wiedza i życie», № 6—7, czerwiec — lipiec 1951.
- Dobrowolski St. R., Straszny ogień (w 300-ną rocznicę powstania podhalańskiego), «Nowa Kultura», № 24 (64), 17 czerwca 1951.
- Gomolec L., Bunt chłopów wielkopolskich przed 300 laty, «Nowa Kultura», № 34 (74), 26 sierpnia 1951.
- Hen J., Za chłopską sprawę, «Za wolność i lud», № 10 (41), sierpień 1951.
- Kłuźniak M., Świerkowe wieńce. O przywódcy powstania podhalańskiego, «Poko-
lenie», № 23, 10 czerwca 1951.
- Kurek Jalu, O panu Kostce na pal wbitym. «Od A do Z», № 13, 25 marca 1951.
- Młynarski Z., Bunt Kostki Napierskiego, «Trybuna wolności», № 24 (336), 13—19
czerwca 1951.
- Młynarski Z., Powstanie Podhala w 1651 r., «Wiedza i życie», № 6—7, czerwiec—
lipiec 1951.
- Owsińska A., Powstanie Kostki Napierskiego, «życie literackie», № 11, 24 czerwca 1951,
- Pochroń E., Legenda o chłopskim buncie, «Wieś», № 25 (308), 24 czerwca 1951.
- Przyboś A., Materiały do powstania Kostki Napierskiego 1651 r. Wydał i wstępem
poprowadził..., Wrocław, 1951, XCVII+150 str.
- Rec.: Bieniarzówna J., «Przegląd historyczny», t. XLIV, zeszyt 1—2, Warszawa,
1953.
- Przyboś A., Powstanie Kostki Napierskiego 1651 r., «Wierchy», Rk. XX, Kraków,
1951.
- Przyboś, A. Powstanie ludowe pod wodzą Kostki Napierskiego, «Problemy», № 10
(67), październik 1951.
(Критика ошибок статьи Вуйчика, опубликованной в № 5 журнала).
- Reychman J., O powstaniu podhalańskim, «Nowa Kultura», № 24 (64), 17 czerwca
1951.
- Szczepański J. A., Powstanie chłopskie pod wodzą Kostki Napierskiego; Klęska i
chwała powstańców; Z ich krwi wstali nowi bojownicy, «Trybuna ludu», № 165
(865), 174 (874), 198 (898), 15, 24 czerwca, 18 lipca 1951.
- Szczotka St., Powstanie chłopskie pod wodzą Kostki Napierskiego, Warszawa,
1951, 175 str.
Отрывок из книги см. «Wieś», № 25 (308), 24 czerwca 1951.
- Szczotka St., W 300-letnią rocznicę chłopczyńskiego powstania pod wodzą Kostki Na-
pierskiego, «Zielony sztandar», № 25 (82), 24 czerwca 1951.
- Wójcik Z., Kostka Napierski (w 300-ną rocznicę buntu Kostki Napierskiego), «Prob-
lemy», № 5 (62), maj 1951.
(См. критическую заметку А. Пшибося в № 10 журнала).
- Wyczech Cz., Antyfeudalne powstanie chłopczyńskie pod wodzą Kostki Napierskiego (w
300-ną rocznicę), «Sprawy chłopczyńskie», № 2 (8), 1951.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. Д. К о р о л ю к. Исторические предпосылки Переяславской Рады 1654 г.	3
Е. С. К о м п а н. Значение освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. для антифеодальных движений в Польше	17
И. И. К о с т ю ш к о. Польская демократия первой половины XIX в. и освободительное движение украинского народа	28
Е. А. С т е ц ю к. Борьба украинского народа против предательской политики шляхетско-старшинской верхушки (1657—1658 гг.)	39
А. Н. М а л ь ц е в. Военные действия русских войск в Белоруссии и Литве летом 1655 г.	51
И. С. М и л л е р. К вопросу о публикации источников по истории крестьянских движений в Польше в 1651 г.	63

---

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *В. И. Зуев*
Технический редактор *П. А. Невраева*
Корректор *Е. И. Чукина*

*

РИСО АН СССР № 27-44-В. Т-01795. Издат. № 509.
Тип. заказа № 66. Подп. к печ. 17/III 1954 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 2,62.
Печ. л. 7,19 +1 вкл. Уч.-издат. 7,1 +0,2 вкл.
Тираж 5000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 4 руб. 35 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

